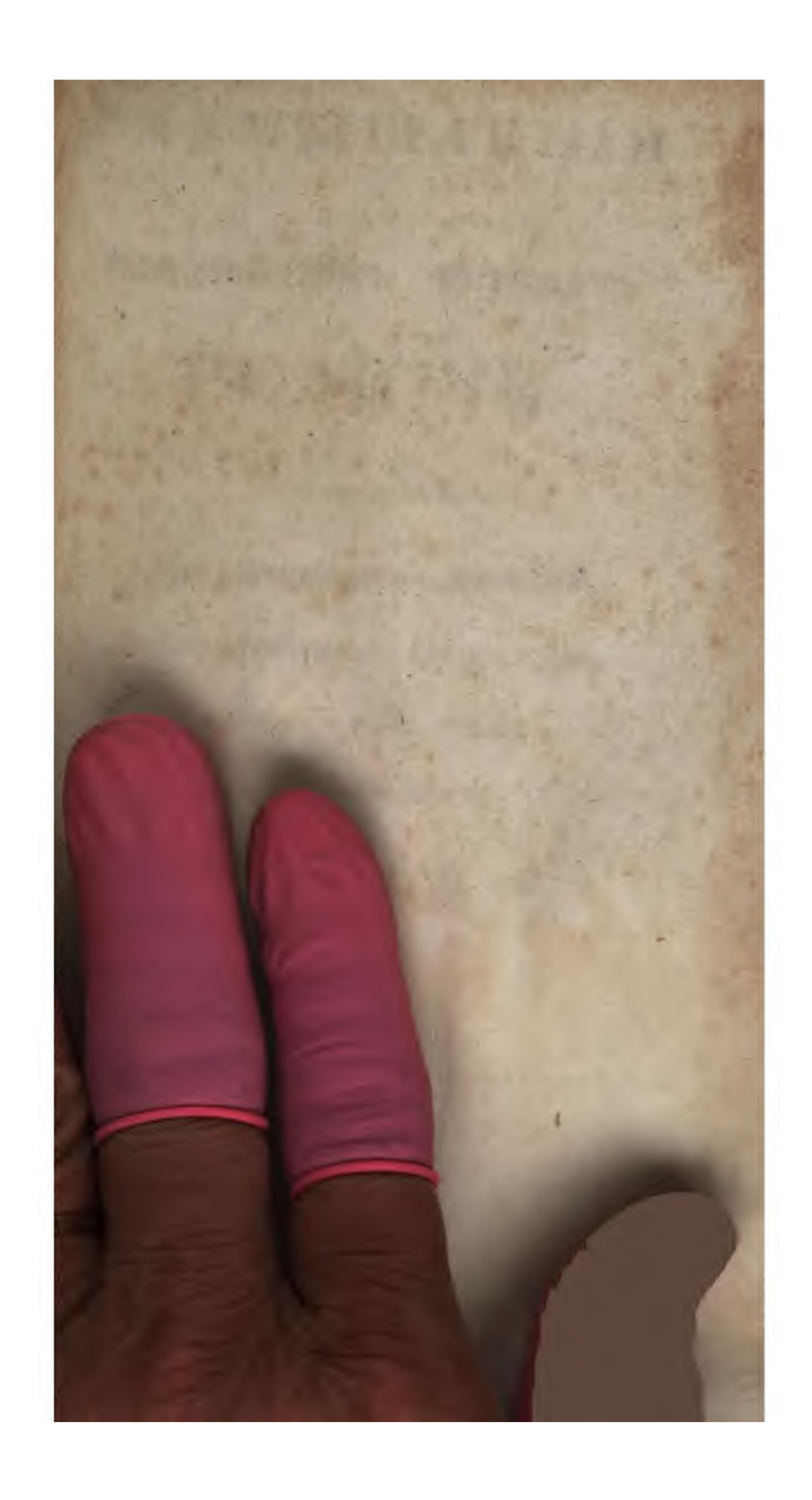

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

РАЗМЫШЛЕНІЯ

О

ВАЖНѢЙШИХЪ ИСТИНАХЪ

РЕЛИГІИ.

Превосходнѣйшее твореніе

Знаменитѣйшаго Іерузалема,

переведено съ Нѣмецкаго

Т. Крыловымъ.

ТОМЪ V.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Въ Морской Типографіи.
1819 года.

Продолженіе списка особъ подписавшихся и благосклонно принявшихъ книгу: Размышленія о важнѣйшихъ истинахъ Религіи.

Его Высокопревосходительство Петръ Амплеевичь Шепелевъ.

Ихъ Преосвященства:

Евгеній Епископъ Курскій.
Аврамій Епископъ Тульскій.

Ихъ Превосходительства:

Иванъ Ивановичь Михайловъ.
Въ Москвѣ: Петръ Хрисанфовичь Обольяниновъ.
— ——— Николай Николаевичь Сандуновъ.
— *Рязани:* Иванъ Ивановичь Князевъ.
— *Астраханѣ:* Федоръ Антиповичь Ахматовъ.
— *Черкаскѣ:* Ея Сіятельство Графиня Анна Родіоновна Чернышева.
— *Миропольѣ:* Елисавета Петровна Рахманова.

Ихъ Высокопреподобія:

— *Ярославлѣ:* Тамошней Семинаріи Ректоръ Архимандритъ Неофитъ.
— *Кишиневѣ:* Игуменъ Іоанникій.
— *Вышнемъ Волочкѣ:* Его Высокородіе Петръ Петровичь Тормасовъ.

Ихъ Высокоблагородія:

— *Динабургѣ.* Павелъ . . . . Камковъ.
— *Новоржевѣ:* Николай Кипріановичь Талаевъ.
— *Дерптѣ:* Александръ Федоровичь Воейковъ.
— *Можайскѣ:* Василій Дмитріевичь Камынинъ.

Въ казанѣ: Савва Андрѣевичь Москотильниковъ.
— *Кушвѣ:* Августъ Федоровичь Мейеръ.
— *С. Петербургѣ:* Ларіонъ Ларіоновичь Никитинъ.
— ——————— Матвѣй Евстафьевичь Рышковскій.

Ихъ Благородія:

— *Вязмѣ:* Александръ Ивановичь Лыкошинъ.
— *Пензѣ:* Алексѣй Федоровичь Поповъ.
— ——— Матвѣй Вонифатьевичь Кирьяковъ.
— *С. Петербургѣ:* Иванъ Ивановичь Ивановъ.
— ——————— Инанъ Карповичь Бенкинъ.
— ——————— Петръ Арефьевичь Кругловъ.
— ——————— - - - - - - - - - - - Берлинскій.
— *Острогѣ:* Учитель Греческаго языка Иванъ Антоновичь Мосаковскій.
— *Нейшлотѣ:* Алексей Федоровичь Орѣшниковъ.
— *С. Петербургѣ:* Книгопродавецъ Василій Алексѣевичь Плавильщиковъ.
— *Москвѣ:* Книгопродавецъ Александръ Сергѣевичь Ширяевъ
— ——— Купецъ Петръ Ивановичь Самохотовъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

5 ТОМА.

лонству. — Ясность Религіи Моисеевой. — Превосходство Религіи Моисеевой въ отношеніи къ идолопоклонству Египетскому. — Богослуженіе Моисеево прообразовало Религію Христову.—Устроеніе священническаго состоянія.—О Θеократіи.—О обрядахъ.—Различные законы.—Мудрость законовъ. — Вольные города. — О терпимости. — Ученіе о безсмертіи души. — О занятіи Ханаана.

КОНЕЦЪ 5 ТОМА.

РАЗМЫШЛЕНІЕ IV.

Моисей.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Его Исторія.

Цѣль, для чего Израильтяне должны были, по судьбамъ Всевышняго, жить во Египтѣ.

Время четырехъ возрастовъ человѣческихъ, каковое родъ Авраамовъ, въ слѣдствіе даннаго сему Патріарху возвѣщенія, долженствовалъ провести въ чужой землѣ, среди многочисленныхъ притѣсненій, прежде нежели могъ еще возобладать опредѣленною для отцевъ его землею,—сіе время уже протекло; и цѣль, для которой ему надлежало пробавляться такъ долго въ сей странѣ и томиться въ узахъ жестокаго рабства, была достигнута. Потомки Іаковлевы размножились столько, что имъ не трудно уже было занять общественную землю, и тамъ образовать изъ себя особливой народъ. Между тѣмъ они позна-

комились въ Египтѣ съ искусствами, и особенно съ земледѣліемъ, которое со временемъ долженствовало быть главнымъ ихъ занятіемъ; привыкли къ Правительству, основанному на законахъ; мучимые робкими Фараонами, умягчились въ характерѣ и перестали думать о дикой независимости жизни кочующей; приготовились къ тѣмъ строгостямъ, какихъ въ послѣдствіи требовала организація ихъ политическаго бытія. Но что всего важнѣе — уже изобрѣтено было *искуство писать*. Безъ сего искусства не льзя бы ручаться за прочность истиннаго Богопознанія, за неизмѣнность чистаго Богослуженія; и система Гражданскихъ постановленій, требующихъ безусловной точности, рушилась бы наконецъ. Ибо, согласясь, что одной памяти для сего не довольно; тѣмъ болѣе надобно допустить, что древнее письмо Гіероглифическое не могло быть достаточно къ цѣлости законовъ Божественныхъ. Собственное значеніе Гіероглифовъ затерялось бы скоро, и даже уклонило простой народъ къ безбожію, или же смыслъ ихъ остался бы извѣстенъ только жрецамъ; въ корот кое время самые жрецы изъясняли бы Гі роглифы каждый по своему, какъ въ *Гер дотово* время такое несогласіе въ изъясн ніи Гіероглифовъ и было между жреца Египетскими.

Пригины размноженія ихъ въ ономъ.

Всегда почитался нерѣшимою загадкою вопросъ: какъ одна фамилія изъ семидесяти человѣкъ, въ нѣсколько сотъ лѣтъ могла умножиться *до двухъ милліоновъ съ половиною?* Не меньше должно погалать, потому что вышло отъ Рамессы шесть сотъ тысячь мужей пѣшихъ, кромѣ домочадства, Моис. 2 кн. гл. XII. ст. 37. Однакожъ загадка сія вопервыхъ отъ того оставалась наипаче нерѣшимою, что по Генеалогическому незначущему сомнѣнію четыреста тридцать лѣтъ Моисеевыхъ приняли въ половину; а полное число щитали отъ самаго обѣтованія Аврааму 1 кн. гл. XV. 13; во вторыхъ отъ того, что въ Исторіи Библейской показывается семьдесятъ человѣкъ какъ одно сѣмейство, какъ дѣти отъ одного отца произшедшіе; между тѣмъ не упоминается о рабахъ, служившихъ каждому сыну Израилеву, и которыхъ число конечно должно простираться до нѣсколькихъ сотъ. Въ прочемъ — вообразите себѣ чрезвычайную населенность Египта, удивлявшую древнихъ Натуралистовъ Историковъ, которую сіи древніе могли изъяснять только силою Нильской воды. Такимъ образомъ тѣ же причины, пособствовавшіе многолюдству Царства Фараонова, должны были дѣйствовать и на размноженіе рода Израилева. Въ щастливой странѣ, гдѣ нѣга не отправляетъ и тиранство не тяготитъ,

гдѣ не нужно слишкомъ заботиться о довольномъ пропитаніи, за тѣмъ, что оно очень легко достается, гдѣ всякой свободно можетъ слѣдовать сладостному влеченію природы; въ такой странѣ многолюдство очень естественно. *Франклинъ* нашелъ, что Американскія колоніи въ двацать пять лѣтъ умножились въ двое, не смотря на то, что въ Америкѣ сравнительно больше обстоятельствъ препятствующихъ. Прибавимъ еще, что земля Египетская все нужное для жизни давала съ избыткомъ и не требовала тяжелыхъ трудовъ отъ жителей; вспомнимъ, что жители сей области для защиты отъ зноя имѣли нужду только въ простомъ льняномъ полотнѣ, что вся пища ихъ состояла въ растѣніяхъ, которыя производила одна природа, почти безъ помощи. Сумма издержекъ двацати-лѣтнихъ на съѣстные припасы для ста тысячь человѣкъ, работавшихъ при строеніи одной изъ пирамидъ, по нынѣшнему времени такъ мала, что ее на 10 лѣтъ не стало бы въ наше время на содержаніе и одной тысячи. Взявши все въ разсужденіе мы должны согласиться, что хотя умноженіе Израильскаго рода и очень велико, однакожъ такъ натурально, что для изъясненія возможности онаго не требуются причины чрезвычайныя.

Ненависть Фараоновъ къ Израильтянамъ.

Какъ бы-то ни было, размноженіе Из-

раильтянъ начинало безпокоить Египтянъ. *Іосифовы* заслуги забыты; древняя ненависть къ Арабскимъ пастухамъ ожила, и можетъ быть возбудили ее новыя нападенія сихъ народовъ; увеличилъ, усилилъ ее страхъ, что Израильтяне, которыхъ они почитали одного произхожденія съ Аравлянами, и которые въ самомъ дѣлѣ заходили съ своими стадами къ ихъ станамъ, могутъ соединиться съ сими врагами Царства Египетскаго и нанести большой вредъ. И такъ, что бы себя обезопасить, что бы истребить самую возможность возмущеній, Фараонъ осудилъ Израильтянъ на тяжкія работы; и чѣмъ Іосифъ обогатилъ Государство, возвысилъ власть Царей, то употреблено для угнѣтенія рода сего. Израильтяне должны были строить магазейны, куда собиралась бы со всѣхъ подданныхъ пятая часть земляныхъ продуктовъ.

Изъ обстоятельства, что главной матеріалъ для строенія состоялъ изъ кирпича, (иначе Моисей упомянулъ бы гдѣ нибудь объ огромныхъ пирамидахъ и другихъ величественныхъ зданіяхъ, которыя всѣ дѣланы не изъ кирпича) можно заключить, что Египтяне въ то время еще не думали удивлять свѣтъ своею странною пышностію, и что они не знали еще искусства и не имѣли орудій поднимать чрезвычайныя тяжести на значительную высоту.

Но одного средства мало успокоить ненависть: надобно было что бы тиранство

простерлось до безчеловѣчія. Опредѣлена была смерть дѣтямъ Еврейскимъ, въ самомъ ихъ рожденіи; и какъ все это еще не вѣрно, повелѣно было раждающихся мужеска потоплять въ Нилѣ такъ, что бы ослабленный народъ никакъ не могъ быть опасенъ.

Причины таковой ненависти и чудесное избавленіе Моисея отъ смерти.

Въ поведеніи Государя, когда онъ не хотѣлъ пустить Израильтянъ изъ своего Царства и между тѣмъ силился остановить ихъ размноженіе, нѣтъ никакого противорѣчія. Многолюдство не радовало его. Ибо какъ оно было больше, нежели сколько нужно для обработыванія земли, плодородной самой въ себѣ, а мореплаваніе и иностранная торговля были запрещены; то народъ крайнѣ умножающійся могъ быть опасенъ для спокойствія внутренняго; и въ послѣдствіи строеніе великолѣпныхъ зданій, кажется, ту имѣло политическую цѣль, что бы только занять праздныхъ невольниковъ. Такимъ образомъ и въ разсужденіи Израильтянъ *страхъ*, что они размножатся, и потомъ *нехотѣніе*, отпустить ихъ изъ Египта—родились отъ одной причины. Положимъ, что они при возрастающемъ множествѣ остались бы въ Египтѣ. Фараонъ былъ бы не безопасенъ отъ внутреннихъ возмущеній, потому что

Евреи съ духомъ независимости не стали бы такъ долго, какъ лѣнивые Египтяне, носить иго рабства; отпустивъ ихъ, онъ могъ думать, что они соединятся съ сосѣдними кочующими народами, и отмстятъ ему за мучительныя притѣсненія. Но ужасное средство, которымъ Фараонъ надѣялся обезпечить себя, Провидѣніе превратило въ спасительное для страждущаго народа. Моисей - младенецъ берется отъ воды, приносится къ дочери Фараоновой, растетъ, воспитывается при дворѣ; образуютъ его великіе таланты, знакомятъ его съ наукою правленія, съ искуствами военными; вводятъ въ кругъ тогдашнихъ мудрецовъ, изъясняютъ ему Историческіе памятники, учатъ таинствамъ Религіи,— и Моисей, по избранію и просвѣщенію Всевышняго, является потомъ великимъ законодателемъ, полководцемъ, Историкомъ.

Свойства Моисея и жизнь его.

Былъ ли Моисей дѣйствительно на свѣтѣ,—въ этомъ могъ сомнѣваться только одинъ человѣкъ, которой, употребивъ во зло невѣденіе и довѣренность своихъ читателей, думалъ дерзкими шутками сдѣлать подозрительною Исторію откровенной Религіи. Древніе Историки всѣ безъ изключенія въ существованіи Моисея согласны; и если бы не было самыхъ сочиненій Моисеевыхъ, если бы не существо-

валъ народъ, которой и до сихъ поръ почитаетъ его своимъ законодателемъ: и тогда бытіе Моисеево такъ же вѣрно, какъ вѣрно существованіе *Кира и Александра.*

Я могъ бы представить характеръ сего Божественнаго человѣка, но не щитаю нужнымъ. Рѣшительность основать Религію и Государство; прочность первой и крѣпость послѣдняго утвердить однимъ почитаніемъ *единаго Бога*, не принимая никакихъ изображеній онаго и низшихъ божествъ; безконечно мудрой планъ, по коему рѣщимость дѣйствовала съ народомъ столько грубымъ, привыкшимъ къ фетишизму, къ идолопоклонству; благоразуміе и мужество, съ коимъ народъ многочисленный, всегда склонный къ возмущеніямъ, сорокъ лѣтъ держался въ совершенномъ порядкѣ, тогда какъ сильные враги угрожали отвсюду нападеніемъ; выборъ пути, расположеніе полковъ и благородное безкорыстное простосердечіе, видное въ каждомъ поступкѣ Героя—характеризируютъ *великаго*, духомъ Божіимъ исполненнаго человѣка; и въ Исторіи древнихъ мы не найдемъ ни одного, кто бы могъ ему уподобиться.

Іудейской Историографъ *Іосифъ* повѣствуетъ, будто Моисей, во время бытія своего при дворѣ, предводительствовалъ войскомъ Египетскимъ противъ Ефіоплянъ (вѣроятно противъ восточныхъ, или Арабскихъ народовъ, которые всѣ такъ назывались). Многія обстоятельства мо-

гутъ оправдать Историка. И такъ, когда открылось, что Моисей Евреянинъ, когда самъ онъ не скрылъ предъ Монархомъ своего рода; то личныя его достоинства, а можетъ быть и слава, какую онъ снискалъ побѣдами, усилили въ Государѣ недовѣрчивость къ нему до того, что Моисей въ то время, какъ защищая Израильтянина, убилъ Царскаго подданнаго, въ цѣломъ Государствѣ не могъ уже найти себѣ ни одного безопаснаго мѣста, но долженъ былъ бѣжать въ Аравію,—и бѣжалъ. Тамъ вошелъ въ сѣмейственную связь съ Мадіамскимъ Священникомъ, или собственно съ Княземъ, и принялъ должность смотрѣть за его стадами. Не хочу повторять того, что въ древнія времена сія должность ни чуть не была подла. *Камиллъ* послѣ щастливыхъ походовъ, съ поля славы спокойно низходилъ въ хижину и брался за свой плугъ. *Цезарь* и *Помпей* не дѣлали сего; они умерщвляли милліонами людей, и опустошали ту землю, которую Камиллъ воздѣлывалъ. За то сей и за плугомъ оставался *Камилломъ*.

Призываніе Моисея къ избавленію Израиля.

Провидѣніе употребило побѣгъ Моисея опять къ произведенію своего благодѣтельнаго плана, и *избавленіе* Израиля ознаменовало печатію Божественною, въ доказа-

тельство, что оно не есть слѣдствіе усилій человѣческихъ. Ибо если бы Моисей самъ собою рѣшился освободить народъ свой, то намѣреніе сіе онъ могъ бы удобнѣе и вѣрнѣе выполнить, когда пользовался полнымъ уваженіемъ при дворѣ. Здѣсь онъ имѣлъ еще къ себѣ всю довѣренность своего народа; безъ всѣхъ подозрѣній со стороны Египтянъ, онъ могъ бы со старѣйшинами его спокойно обдумать планъ свой; изъ самыхъ Египтянъ могъ бы собрать сильную партію; войти въ тайные переговоры съ народами сосѣдними, и все расположить самымъ лучшимъ образомъ. Но свѣтъ долженъ знать, что спасеніе Израиля есть дѣло Божіе. Уходъ Моисея и его сороколѣтнее пребываніе въ *Мадіамѣ* должны увѣрить всякаго, что онъ какъ человѣкъ, худой былъ бы посредникъ. Въ сіе время онъ потерялъ все почтеніе, всю довѣренность, всю связь съ своимъ народомъ; былъ забытъ имъ и тутъ—вступаетъ въ великое званіе! Бывши съ своими стадами у горы Синая, видитъ онъ въ дали необыкновенный свѣтъ, идетъ къ нему, приближась чувствуетъ непонятной восторгъ, и понимаетъ, что свѣтъ имъ видѣнной — есть Божественное явленіе. Тогда уже вѣрили, что ни одинъ смертный не можетъ видѣть Божества не наказанно; и такъ Моисей закрываетъ лице свое и вдругъ слышитъ гласъ: *Азъ есмь Богъ отца твоего, Богъ Авраамовъ, и Богъ Исааковъ и*

Богъ Іаковль; видя видѣхъ озлобленіе людей моихъ, иже въ Египтѣ и вопль ихъ услышахъ отъ дѣлъ приставниковъ, увидѣхъ болѣзнь ихъ и снидохъ изъяти ихъ изъ руку Египетску, и ввести ихъ въ землю благу и многу. 2 Моис. III. 6. 7. 8. *Азъ есмь сый* 14. Богъ вѣчный въ существѣ своемъ, вѣчный въ совѣтахъ своихъ, крѣпкій, всемогущій Эгова; единый, которому единому покланялись Отцы любезнаго ему народа, 1. Моис. XV. 7; который не открывалъ еще, что собственно значитъ имя его, не открывалъ потому, что время обѣтованія не исполнилось; но котораго теперь долженъ познать Израиль, Египтянѣ, весь свѣтъ; ибо время обѣтованія исполнилось. Моисей внимаетъ гласу, и повинуется въ душѣ своей, когда Эгова назначаетъ его орудіемъ своимъ; когда велитъ итти во Египетъ къ народу Израильскому и Фараону; когда Творецъ и Господь природы говоритъ косноязычному: *азъ отверзу уста твоя, и устрою тебѣ, еже имаши глаголати.* 2 Моис. IV. 12. Но надобно, что бы посланникъ Божій имѣлъ полный видъ своего назначенія; надобно, что бы въ истинѣ словъ его не могли сомнѣваться.

Знаетъ Эгова, что Фараонъ не согласится ни на какія представленія, и самую сію непреклонность Цареву употребляетъ къ тому, что бы только показать, какъ силенъ избравшій Моисея. И Господь рече:

ожестогу сердце Фараоново, 2 Моис. IV. 21. Сіе выраженіе Библейское не можетъ быть соблазнительно ни для кого, кто даже слегка знаетъ свойство просторѣчія, обыкновеннаго въ книгахъ Моисеевыхъ. Разумъ не умѣющій тонко, отвлеченно изъяснить всевидящее Провидѣніе, всегда представляющій теченіе вещей просто-механическимъ, не знающій различія между попущеніемъ и дѣйствіемъ Божественнымъ, почитающій Бога неограниченнымъ Правителемъ міра, безъ воли коего *нигто* не можетъ быть, и *все* дѣлается по Его мановеніямъ; такой разумъ приписываетъ непосредственно Богу и Всеуправляющему Его промыслу перемѣны и дѣйствія; даже тѣ, кои видимо зависятъ отъ причинъ естественныхъ, даже самые человѣческіе поступки свободные, особливо, если они устремлены къ какой нибудь открытой цѣли. Давидъ въ псалмѣ 103 говоритъ, что Богъ раститъ траву для скотовъ и насаждаетъ Кедры Ливанскіе; 139. отнимаетъ духъ отъ человѣка, когда онъ умереть долженъ; въ 4 кн. Моис. сказывается, что ожесточилъ Богъ сердце Царя Базанскаго, когда сей долженъ былъ остановить, замѣдлить ходъ Израильскаго народа;—такъ говорятъ еще и теперь на востокѣ, и нѣкоторымъ образомъ это есть всеобщій языкъ человѣческій.

Моисей. которому не могли быть не извѣстны разположенія двора Фараонова,

предчувствуетъ всю опасность, всѣ трудности, какія сопряжены съ будущимъ его званіемъ. Но какъ чудо съ жезломъ, прокаженіе и изцѣленіе руки увѣряютъ его, что явившійся и бесѣдующій съ нимъ есть Богъ, которой будетъ покровительствовать ему; то онъ укрѣпленный, воодушевленный имъ, пріемлетъ на себя званіе предлагаемое. Идетъ къ *Іофору* тестю своему, беретъ жену, дѣтей; но скрываетъ истинную цѣль своего пути, что бы не возбудить страха, не произвести заботливаго безпокойства въ сѣмействѣ остающемся;—опять новое доказательство, что онъ въ Божественности своего званія былъ очень увѣренъ. Иначе, когда бы избавить Израиля было его намѣреніе, собственно только его, онъ, вообразя возможность неудачи, конечно не рѣшился бы подвергнуть ихъ видимой опасности.

Предложеніе Моисеево Фараону объ отпускѣ Израильтянъ и упорство его.

Старѣйшины народа Израильскаго приняли Моисея съ радостію. Потомъ идетъ онъ, сопровождаемый братомъ своимъ, къ Царю. Но Царь не знаетъ Эговы, Бога, который могъ бы повелѣвать ему. Предложеніе—отпустить народъ Еврейской, называетъ выдумкою возмутителя, и даетъ повелѣніе еще болѣе, еще жесточе мучить Израиля; къ Моисею хладѣетъ довѣрен-

ность, и сомнѣвающійся народъ ропщетъ на него.

Предвидѣнное ожесточеніе Фараоново въ самомъ дѣлѣ подало случай увѣрить Египтянъ и Израиля чудесами въ томъ, что Моисей есть только видимо-дѣйствующій, а всетворящій есть Богъ, которой отъ вѣчности начерталъ великой планъ, и теперь планъ сей выполняетъ.

Чудеса Моисеевы, исходъ Израильтянъ, переходъ чрезъ Чермное море и потопленіе Фараона.

Самъ Царь требуетъ доказательствъ на то, точно ли Богъ посылаетъ къ нему предстателей за народъ Израильскій; и здѣсь начинаются чудеса. Первыя изъ нихъ таковы, что мудрецы Египетскіе могли сдѣлать имъ нѣчто подобное, можетъ быть въ маломъ видѣ и то въ комнатѣ Царской; при семъ не нужно принимать содѣйствіе злаго духа, каковое разумѣетъ суевѣрный подъ словомъ чародѣйство.

Но какъ волхвы должны были уже уступить, какъ не могли уже ничего произвесть подражая; то и согласились, что Богъ Евреевъ есть вышній надъ ихъ Богами; ибо онъ явилъ силу свою надъ *Ниломъ*, однимъ изъ Боговъ ихъ. Фараонъ однако же медлитъ и не соглашается пустить Израиля; но страшное ночное пораженіе смягчаетъ ярость его. Опять раскаевается

въ своемъ поступкѣ, и какъ слышитъ, что Моисей взялъ путь къ морю, стремится за нимъ съ грознымъ воинствомъ. Море, разступившееся для народа Божія, потопило дерзскаго; — и Моисей продолжаетъ потомъ итти безпрепятственно.

Размышленіе о чудесномъ исходѣ Израильтянъ изъ Египта.

Здѣсь надобно мнѣ остановиться; ибо на семъ чудесномъ освобожденіи народа основывается истина Божественности званія Моисеева, Божественности всего, что онъ ни дѣлалъ по долгу своего званія. Всѣ чудеса возбуждаютъ натурально недовѣрчивость къ себѣ; почему и должны быть испытаны со всею строгостію. Но чѣмъ склоннѣе невѣжество и суевѣріе ко всему чудесному, чѣмъ болѣе позволяетъ обманывать политика и обманывается изступленіе, непросвѣщеніе; тѣмъ нужнѣе испытаніе, и еще болѣе нужно оно по мѣрѣ, какъ далеко простирается Исторія въ древность; гдѣ по недостатку, по необстоятельности доказательствъ, по смѣшенію истинъ съ вымыслами,— всякое объясненіе само въ себѣ уже затруднительно. Въ Священномъ писаніи чудеса также не изключены изъ сего испытанія. Ибо, не смотря на то, что Бежественность книги, въ которой объ нихъ разказывается, довольно доказана; все однакожъ точность самихъ чудесъ не можетъ быть опущена

безъ вниманія. Отъ любви къ странностямъ, по недостатку въ разсужденіи, часто принимаютъ Піитическое выраженія за собственное, и соединяя чудеса мнимые съ истинными, даютъ случай врагамъ откровенія издѣваться надъ сими послѣдними. Испытаніе есть единственный способъ, доказать святость чудесъ въ полномъ смыслѣ Божественнныхъ.

Возраженія вольнодумцевъ на счетъ сего.

Между тѣмъ послушаемъ вольнодумцовъ. „Все предпріятіе Моисеево, говорятъ они, „имѣетъ видъ, кажется, только политической. Ему очень хотѣлось ввести чистую Религію, сообщить въ родѣ своемъ „познаніе о единомъ Богѣ, научить покланяться тому Богу, коего почитали отцы „его; и какъ идолопоклонство, въ которомъ онъ былъ воспитанъ при дворѣ Египетскомъ, и которое къ его горести начинало распространятьея и въ Израили, „тяготило душу его; то ревность по Эговѣ возвысилась и возпылала въ немъ. Къ „тому же мучило его тиранское угнѣтеніе Евреевъ, которое долженъ онъ „былъ каждой день видѣть и скрывать „скорбь сердца своего, скорбь тѣмъ большую, что онъ зналъ, чѣмъ Египтяне обязаны *Іосифу*. А когда онъ принужденъ „былъ терпѣть еще и личное гоненіе, то „не мудрено, что въ пламенной душѣ его

„ отличающая, — отмстить тираннамъ за „ славу Бога отцевъ, за свободу единоплеменниковъ, и въ землѣ, въ коей обитали предки, поселить Израильтянъ, гдѣ они по „ примѣру прародителей своихъ не соблазнялись бы суетностію идолослуженія, и покланялись бы единому истинному Богу. Въ „ Аравіи взошелъ онъ въ связь съ Мадіамскимъ Княземъ, и съ симъ тестемъ своимъ, „ которой долженъ имѣть по видимому „ все благоразуміе опытнаго, обдумалъ планъ, „ какъ можно вернѣе достигнуть цѣли своей. Рѣшившись, возвращается въ Египетъ. „ Но какъ не имѣлъ онъ никакой помощи „ со стороны, не могъ положиться на великодушіе народа, истомленнаго рабствомъ, слабаго; то и принимаетъ на себя „ грозное имя посланника Божія. Въ семъ „ качествѣ прежде дѣлаетъ предложенія „ Старѣйшинамъ Израильскимъ съ тою „ цѣлію, что когда они повѣрятъ ему, какъ „ любимцу Эговы, который, освободивши „ ихъ отъ рабства, поведетъ въ землю имъ „ нѣкогда назначенную, благословенную; то „ ему легко уже будетъ удержать сихъ невѣждъ въ выгодномъ для себя мнѣніи. „ Онъ успѣлъ; и съ этой стороны покойный идетъ къ Царю. Именемъ Бога „ Евреевъ проситъ у него съ начала позволенія, только на нѣсколько дней Израильтянамъ выттти изъ Египта, для „ торжественнаго принесенія жертвы своему Господу, а что бы слова его были

„уважены, что бы въ случаѣ отказа устрашить Фараона гнѣвомъ Эговы, имъ
„возвѣщаемаго, дѣлаетъ предъ нимъ именемъ Эговы не только различныя знаменія, но и представляетъ какъ дѣйствіе гнѣва Небеснаго и всякой страшной, но натуральной случай; успѣваетъ обратить себѣ въ пользу язву смертную, вдругъ открывающуюся, которую наконецъ и самые Египтяне начинаютъ признавать казнію оскорбленнаго Божества Еврейскаго.—Фараонъ соглашается, отпускаетъ Израильтянъ; и вдругъ раскаевается, гонитъ за ними; но Моисей щастливо уходитъ отъ обманутаго Царя чрезъ бродъ, въ Чермномъ морѣ ему извѣстный. Зная мѣста, которыя могутъ встрѣтиться ему, онъ избираетъ выгодныя и идетъ къ знакомой ему горѣ Синаю. Здѣсь съ друзьями своими, повѣренными тайнъ его, обработываетъ онъ планъ будущей Религіи, Гражданскаго постановленія, и подъ видомъ откровенія даетъ законы; потомъ идетъ далѣе; преодолѣваетъ всѣ сомнѣнія въ разсужденіи его посредничества между Богомъ и народомъ; останавливаетъ вездѣ буйность безпокойныхъ и умираетъ - хотя не съ полною увѣренностію въ совершенномъ успѣхѣ, но уже все было такъ приготовлено, что *Іисусу Навину*, которой долго служилъ ему, и которой зналъ весь его планъ, оставалось легко кончить планъ сей.“

Опровержение оныхъ.

Съ перваго взгляда это похоже на истину; не одинъ законодатель и не одинъ основатель Государства выставлялъ себя посредникомъ между Богомъ и народомъ, для достиженія своего намѣренія. Въ человѣкѣ очень натурально благоговѣніе къ тому Божеству, которое есть предмѣтомъ вѣры его, и чернь, вездѣ любящая чудесности, всегда склонна чудомъ почитать всякое явленіе, коего причины ей неизвѣстны. Но еще повторяю, съ *перваго только взгляда*; ибо согласясь, что Моисей не былъ дѣйствительно избранъ Божествомъ, согласясь, что онъ пустился на великое дѣло, не бывъ совершенно увѣренъ въ помощи свыше, надобно признаться, что онъ избралъ самыя противныя средства, и дѣйствовалъ какъ самой слѣпой Энтузіастъ. Прожить сорокъ лѣтъ—лучшее время жизни, въ Аравіи; прервать выгодныя связи, какія имѣлъ съ дворомъ, войскомъ Фараоновымъ, съ собственнымъ народомъ своимъ, на восемдесятомъ году своего возраста, когда самые легкіе планы должны быть затруднительны безъ покровительства, которое впрочемъ могъ бы онъ найти у Князей Арабскихъ; безъ довѣренности къ себѣ Израиля, которую также удобно бы пріобрѣсти ему, — съ однимъ жезломъ въ рукѣ итти, и не только быть увѣрену, что Евреи, изнемогшіе подъ тяжестію рабства,

обожающіе истукановъ Египетскихъ, будутъ содѣйствовать, помогать ему, побуждать его, принявши за вѣстника Бога отцовъ ихъ, но и надѣяться устрашить гордаго, строптиваго Царя велѣніями Эговы, имъ презираемаго; воображать, что при дворѣ Монарха, окруженнаго мудрецами, можно угрозамъ дать полной вѣсъ, сдѣлавши что нибудь магическое; (ибо на случайныя произшествія въ натурѣ, хотя и могъ бы онъ употребить ихъ въ пользу, не льзя ему было положиться совершенно;) не представить себѣ, что, въ случаѣ неудачи, мечтателя встрѣтятъ презрѣніемъ, или накажутъ какъ измѣнника; не представить, что, въ случаѣ неудачи, тотъ народъ, которой спасать намѣревался, долженъ терпѣть большія мученія отъ тиранновъ своихъ—что можетъ быть безразсуднѣе сего?

Но—допустимъ все, что говорятъ вольнодумцы; допустимъ, что избавитель народа Еврейскаго есть Моисей одинъ; все онъ остается такимъ человѣкомъ, которому не льзя отказать въ совершенномъ почитаніи, и враги его должны съ нимъ помириться. Какъ могутъ они не уважать его? Во первыхъ нѣтъ въ томъ ничего не справедливаго, что онъ усиливается свергнуть иго невольничества и своей націи всѣми средствами, какія только находитъ благоразуміе его возможными. Евреи, народъ свободный, по всѣмъ правамъ владѣ-

ютъ они четыреста лѣтъ землею *Гесемъ;* Египтяне обязаны предкамъ ихъ всемъ своимъ величіемъ; и такъ всѣ мѣры ему позволены, и выставить себя посланникомъ Божіимъ—ничего нѣтъ извинительнѣе, невиннѣе! А что всего благороднѣе, всего почтеннѣе:—Моисей, освобождая Израиля, то имѣетъ главною цѣлію, чтобъ наставить слѣпотствующихъ, отъ идолопоклонства обратить къ чистѣйшей, истинной Религіи, научить поклоненію единому Богу, Творцу и Зиждителю міра; всю систему правленія основать на сей Религіи, и взаимно законами гражданскими утвердить сію Религію. Все дѣлать не для себя, безъ малѣйшихъ видовъ корысти, но всего себя совершенно жертвовать славѣ Бога своего,—неслыханное изступленіе! Допустимъ, что все было Моисеево; что откровеніе, которое было ему, будто онъ выдумалъ, что чудеса были пустой только, но ослѣпляющій призракъ—средство обратить на себя вниманіе народа, что бы удивить, поразить, заставить слушать себя;—все Моисей останется великимъ человѣкомъ, коему нѣтъ подобнаго во всей древности. Когда былъ густой мракъ невѣжества, когда разумъ человѣческой еще младенчествовалъ, онъ сдѣлалъ несравненно больше, нежели сколько могли сдѣлать всѣ мудрецы, всѣ Государи во времена гораздо просвѣщеннѣйшія. Враги мужа неподражаемаго! Назовите его обольстителемъ,—и

послѣ того тѣмъ не меньше стоитъ онъ вашего уваженія, удивленія. Народную Религію безъ всякой примѣси грубо-чувственнаго соединить тѣсно, существенно съ системою Гражданскою; — сію Религію основать на Вѣрѣ во единаго Бога, Создателя міра, на Вѣрѣ въ промыслъ Его вседѣйствующій, всеправящій, всесудящій; сію Религію утвердить въ народѣ строптивомъ, грубомъ, привыкшемъ къ идолопоклонству Египетскому, и которой народъ долженъ былъ также перейти къ идолопоклонникамъ, между ими поселиться, жить; ввести сей чистѣйшій Деизмъ, въ вашемъ смыслѣ, которому ни въ *Аѳинахъ*, ни въ *Римѣ* не могла Философія воздвигнуть ни одного храма; которому если гдѣ и поучали, то поучали втайнѣ — — гдѣ бы былъ обманъ невиннѣе, — нѣтъ мало-благодѣтельнѣе обмана сего! И что еще больше: обманъ, которому бы такъ чудесно покровительствовалъ Промыслъ, которой бы во всей предшествовавшей Исторіи былъ предуготованъ, которой въ цѣлой исторіи міра былъ бы такъ единственъ, которой наконецъ (весь свѣтъ признаетъ) есть первая основа человѣческаго просвѣщенія? Что за феноменъ! Пророкъ, или нѣтъ, какъ вы думаете, Моисей всегда есть орудіе Провидѣнія; имъ творило оно великое дѣло; оно образовало, призвало его; а благородная, пламенная его ревность есть истинно Божественное вдохновеніе. Отвергайте чудеса его; онъ самъ

чудо, система его чудо, чудо Религія его вѣчно-истинная, Божественная; просвѣщеннѣйшій разумъ не найдетъ другой лучшей! Еще не имѣетъ она полнаго свѣта; но она отнюдь не метеоръ; это заря, предшественница свѣта великаго, долженствовавшаго озарить вселенную. Многіе законы и обряды, соединенные съ сею Религіею, кажутся намъ теперь излишними, мелкими; но по тогдашнему времени, по характеру, положенію народа, они были необходимы для цѣлости существеннаго, и мы, разсматривая ихъ со всею строгостію, найдемъ совершенную отвѣтственность къ цѣли, и подивимся мудрости, больше нежели человѣческой.

Но если откровеніе, на которое Моисей ссылается, было точно и точно Божественное, какъ оно въ самомъ дѣлѣ есть; если чудеса имъ сдѣланныя въ доказательство высокости званія своего не могутъ быть обьяснены изъ причинъ естественныхъ, безъ содѣйствія существа вышняго; не уже ли онъ потому менѣе великой человѣкъ, менѣе заслуживаетъ почтенія? Самыя чудеса сего почтенія требуютъ.

Сужденіе о чудесахъ вообще.

Чудеса!—Все, что они имѣютъ за себя и противъ себя, почему сомнительны и почему истинны—все сказано; и если бы все сіе сталъ я повторять, слишкомъ наскучилъ бы моимъ читателямъ!

Поелику чудеса всегда принимались за самое сильное доказательство откровенной Религіи; ими и Моисей и Божественный *Искупитель* нашъ доказывали истинность посольства своего и ученія: то враги сей Религіи противъ чудесъ всегда и вооружались; старались опровергнуть то возможность ихъ, то истинность, то силу доказательства отъ нихъ. И такъ все испытаніе ограничивается слѣдующими пунктами. Что суть чудеса и въ чемъ состоитъ ихъ отличительной характеръ, по которому они совершенно не похожи ни на какое дѣйствіе природы? — Сверхъестественныя дѣйствія возможны ли? Соотвѣтствуютъ ли онѣ премудрости Божіей? Историческая ихъ истина можетъ ли быть доказана? Въ какой степени сами въ себѣ могутъ онѣ доказывать неложность Творца ихъ, неложность ученія его?—Сіи суть существенные вопросы; и я, сколько могу, рѣшу ихъ.

На первое, какая собственно свойственность чудесъ—отвѣтъ очень коротокъ. Обыкновенное объясненіе, что онѣ суть дѣйствія выше законовъ природы, и производимыя непосредственно всемогуществомъ Бога, Господа природы, не можетъ быть принято за удовлетворительное. Мы знаемъ не всѣ законы природы; многія силы ея для насъ таинственны; также степень, до какой дѣйствовать могутъ всѣ разумныя существа въ цѣлой области творенія,

намъ не извѣстна столько, что бы мы прямо сказать могли: до сихъ поръ простираются законы естественные, здѣсь предѣлъ силамъ всѣхъ органическихъ существъ; далѣе все возможно только Всемогуществу. Опытъ, равно какъ и чувства наши не могутъ намъ дать о томъ извѣстности. Въ положительныхъ обстоятельствахъ мы знаемъ близко и точно мѣру силъ человѣческихъ, потому опредѣляя и чудо вѣрнѣе всего можемъ назвать такимъ дѣйствіемъ, которое не сходствуетъ съ извѣстнымъ намъ теченіемъ натуры, котораго не льзя было ни по чему ждать, которое не возможно силамъ человѣческимъ. Но по сему обьясненію всегда однако же возможно Ангеламъ?... Конечно. Поелику разумъ имѣетъ довольно оснований допустить безчисленные, высшіе классы разумныхъ твореній, которые всѣ въ писаніи называются общимъ именемъ *Ангелы*, духи служебные; то мы не въ состояніи опредѣлить: какой степени силы даровалъ Богъ симъ высшимъ совершеннѣйшимъ существамъ, и гдѣ оканчивается могущество всѣхъ существъ ограниченныхъ. Ибо что мы по мѣрѣ силъ своихъ принимаемъ за чудо истинное, то можетъ быть для самаго низшаго Ангела очень натурально; и что сему кажется сверхъ-естественнымъ относительно къ силамъ его, то возможно для существа больше высшаго, болѣе мощнаго. Вообще, кромѣ *сотворенія изъ*

ничего, яко единственнаго безусловнаго чуда, не можемъ мы себѣ представить ни одной такой силы, которой бы Создатель не могъ удѣлить какому либо изъ сихъ существъ высшихъ. И положимъ, что существо невидимое, Ангеломъ нами называемое, имѣетъ такую же мѣру силъ, какъ и мы; но по одной невидимости всѣ дѣйствія его будутъ уже таковы, что мы принужденными себя найдемъ называть ихъ чудомъ. Всеобщій законъ природы есть, что „тѣло тяжелое, не поддерживаемое силою превышающею тяжесть его, падаетъ въ низъ."—Держать камень извѣстной величины на рукѣ — очень натурально; но если бы тотъ же камень держался на воздухѣ силою невидимаго духа, то явленіе такое было бы въ глазахъ нашихъ истиннымъ чудомъ. И такъ не льзя точнѣе опредѣлить чудо, какъ назвавши его дѣйствіемъ, которое не сообразно съ извѣстнымъ теченіемъ природы, и которое не есть произведеніе силы человѣческой, но бываетъ или чрезъ Всемогущество Творца, или силою существа разумнаго, высшаго насъ (ибо разумное только существо имѣетъ силу дѣйствующею.) Но здѣсь опять раждается самъ собою вопросъ: существа высшія, предполагаемыя нами внѣ сферы нашей, имѣютъ ли вліяніе на землю нашу, и слѣдовательно на насъ? И какъ Богъ есть Господь ихъ, то какія именно дѣйствія онъ попущаетъ имъ? — Сей вопросъ

также для разума таинствен; но отвѣчая на него положительно, мы не ослабимъ истину чудесъ, не уменьшимъ значительности ихъ.—Ибо если и допустить въ какомъ либо зломъ невидимомъ существѣ подобное влiянiе на землѣ нашей; то возраженiе, каковое хотѣли бы отъ сего заимствовать, не можетъ быть ни чемъ опровергнуто такъ сильно, какъ тѣмъ же самымъ отвѣтомъ, каковой Искупитель нашъ далъ Фарисеямъ на ихъ возраженiе, будто бы онъ творилъ чудеса съ помощiю Князя бѣсовскаго Вельзевула. Ибо злой духъ никогда не можетъ содѣйствовать къ утвержденiю Вѣры въ Бога, къ разпространенiю истины и добродѣтели между человѣками. Но когда дѣйствуетъ духъ добрый, то въ семъ случаѣ Божественное попущенiе столько же значительно, какъ и сила самаго всемогущества.

Возможны ли чудеса?—Изслѣдованiе сего вопроса очень не затруднительно. Самый *Деистъ*, если онъ оспориваетъ только истинность чудесъ, а между тѣмъ не есть совершенной безбожникъ, не усумнится въ возможности ихъ. Вопросъ уже рѣшенъ, какъ скоро соглашаемся, что силы и порядокъ вещей, или иначе—законы и теченiе природы произведены всемогущею волею Творца мiра, устроены его премудростiю и подъ его управленiемъ пребываютъ постоянно въ своемъ чинѣ. Насъ обманываетъ идея вѣчной непремѣнности за-

коновъ. Сія непремѣнность ихъ не значитъ ли только то, что всѣ части натуры, всѣ силы ея находятся между собою во взаимномъ отношеніи? Между тѣмъ самая взаимность, связь ихъ опредѣлена Богомъ. И міръ, въ которомъ все произходило бы безъ основанія довольнаго, въ которомъ не было бы ни какой связи между причиною и дѣйствіемъ, оставался бы вѣчнымъ хаосомъ, гдѣ мы не достигли бы до познанія о премудромъ Создателѣ, гдѣ изъ разума нашего, изъ способностей нашихъ, не могли бы мы сдѣлать никакого употребленія. Но было бы очень безразсудно, теченіе вещей, впрочемъ совершенно зависящее отъ воли всемогущаго, представлять такъ непремѣннымъ, что бы отклоненіе его было вѣчно не возможно. Сотворившій міръ, устроившій его, можетъ, когда то угодно будетъ премудрости безконечной, перемѣнить порядокъ въ немъ, дать ему другой видъ. Чудесъ нѣтъ для всемогущества. И тотъ не остановитъ ли солнца въ его теченіи, кто далъ ему сей ходъ, кто поддерживаетъ его въ семъ ходѣ? Не силенъ ли тотъ воскресить мертвеца, кто силенъ былъ создать человѣка? Такимъ образомъ, отвергающій возможность чудесъ, долженъ отвергнуть Творца; и тогда надобно согласиться, что въ натурѣ *все* безъ цѣли, и безконечно мудрый порядокъ, теперь усматриваемый нами во вселенной, зависитъ отъ слѣпаго случая.

Но возражають намъ враги Религіи: „не отвергая вообще возможности чудесъ,— „льзя ли однакожъ по разуму допускать, „что бы Богъ, устроившій міръ съ безко„нечною премудростію, для намѣреній луч„шихъ, но коихъ будто не имѣлъ онъ при „сотвореніи, принужденнымъ себя нахо„дилъ перемѣнять въ немъ порядокъ? Въ „безконечномъ разумѣ сего Высочайшаго „Существа не были ли отъ вѣчности на„стоящими всѣ перемѣны и произшествія „міра, какъ они по его намѣренію должны „были случиться? И что препятствовать „могло Всемогуществу, отъ начала такъ „устроить теченіе перемѣнъ, чтобъ тѣ „намѣренія, которыя должны бы совер„шаться чудесно, были бы исполнены ес„тественно, не требуя никакого превра„щенія, или отклоненія?“ — Возраженіе, кажется, значительно! Положимъ, что Богъ непосредственнымъ дѣйствіемъ своего всемогущества, или чудесно перемѣнилъ дѣйствительно натуральное теченіе вещей и далъ ему направленіе другое: сіе значитъ ли точно перемѣну въ волѣ его; сіе значитъ ли улучшеніе порядка, коего полное совершенство будто бы не было прежде извѣстно Всевѣдущему? Самое чудо, перемѣняющее порядокъ, не было ли также въ томъ же предвѣчномъ его совѣтѣ предназначено? Не было ли оно отъ вѣчности включено въ число причинъ посредствующихъ? Разрушалъ ли когда либо Творецъ собственный планъ средствами, имъ из-

бираемыми? Здѣсь принимаютъ за аксіому, что въ прочемъ требуетъ доказательствъ, именно: будто бы всѣ чудеса противны первому порядку, какой избралъ Богъ для достиженія своихъ намѣреній; но не дерзость ли будетъ съ нашей стороны, если мы непостижимый планъ безконечной премудрости вздумаемъ опредѣлить, ограничить, если мы возмѣчтаемъ испытать всѣ намѣренія его, узнать всѣ средства, какихъ требуютъ сіи намѣренія; между тѣмъ, какъ разумъ нашъ и того часто не знаетъ, что близко къ намъ, что входитъ въ кругъ смысла нашего? Въ великомъ планѣ Божіемъ точно ли не должно быть ни одно такое намѣреніе, которое бы требовало непосредственнаго дѣйствія Всемогущества? Самый дерзскій Деистъ признается, что чудо всегда есть Божественный языкъ, краснорѣчивѣйшій, сильнѣйшій, понятнѣйшій. И самой *Юмъ* въ томъ сознался. Въ цѣлой вселенной не уже ли не льзя быть ни одному предмету, для котораго бы нуженъ былъ сей языкъ Божественный? Всякой разсудительной долженъ согласиться, что нѣкоторыя истины могутъ быть очень важны для человѣковъ, по благодѣтельному вліянію на спокойствіе ихъ, по соотвѣтственности своей съ ихъ назначеніями; и между тѣмъ сіи истины, находясь во святилищѣ таинъ Божественныхъ, остаются выше разума ограниченнаго. Разумъ, на прим: не можетъ точно, опре-

дѣлительно сказать, почему Богъ ущедряетъ благостію своею насъ грѣшныхъ людей; будемъ ли жить послѣ смерти; какъ онъ возбудитъ насъ къ сей жизни новой; какъ дастъ онъ намъ тѣло организованное, нужное для жизни будущей. Ибо способъ душѣ человѣческой — и можетъ быть всякому ограниченному духу, принимать отъ внѣ впечатлѣнія безъ тѣла организованнаго, по крайней мѣрѣ столько же непонятенъ моему разуму, сколько не понятно и то, какъ Творецъ могъ дать моему мозгу способность мыслить. И такъ противно ли Премудрости Творческой, когда онъ открываетъ людямъ нужнѣйшія о томъ познанія и что бы посылаемый имъ вѣстникъ могъ заставить всѣхъ слушать себя, вѣрить словамъ своимъ, облекаетъ его силою чудесъ—для того только, что бы передать разуму, по мѣрѣ его вмѣстительности, великія утѣшительныя истины, что бы истины сіи извѣстны были всему міру? Я говорю объ одномъ *Моисеѣ*. Его ученіе, что Богъ есть существо нравственное, сотворившее міръ, правящее имъ, хотя и не принадлежитъ къ симъ таинственнымъ истинамъ; а живо открыто, начертано въ природѣ; но поелику Вѣра первыхъ человѣковъ при чувственной слабости ихъ потомковъ почти совершенно затерялась, и разумъ, грѣхомъ помраченный, не былъ еще столько силенъ, что бы Бога невидимаго видѣть въ дѣлахъ его; напротивъ

каждую силу природы, больше его поражающую, принималъ онъ за божество особливое и близокъ былъ къ тому, что бы совсѣмъ забыть единаго истиннаго Бога: то противно ли было Творческой премудрости, когда онъ избраннаго, имѣющаго возвѣстить небесное ученіе, ознаменовалъ такъ, что бы истина имъ проповѣдуемая, принята была человѣками, между тѣмъ какъ разумъ самъ собою, долго бы еще не могъ открыть ее?

Если даже принять, что Богъ Всемогущій никогда, ни для чего не прерветъ порядка вещей, имъ самимъ утвержденнаго; то и въ семъ непрерывающемся порядкѣ могло бы быть для насъ чудо, которое имѣло бы доказательность чуда непосредственнаго. Понимая всеобщій порядокъ, сіе теченіе натуры, мы говоримъ, что оно продолжается по обыкновеннымъ законамъ; говоримъ потому, что утверждаемся на наблюденіяхъ въ извѣстной части натуры. Между тѣмъ поелику безчисленныя произшествія, которыя имѣютъ большое вліяніе на перемѣну міра, и которыхъ законы впрочемъ вѣчно таинственны для насъ, хотя мы самыя произшествія считаемъ и слѣдствіемъ сихъ законовъ общихъ; то Творецъ, устроившій вселенную, могъ между прочими причинами помѣстить и сокровенныя, и вмѣстѣ дать духу человѣческому такое расположеніе, что въ минуту дѣйствія оныхъ, въ минуту яв-

леній зависящихъ отъ причинъ, онъ видѣлъ бы перстъ небесной также хорошо, какъ это возможно и при чудѣ самомъ поразительномъ. Намъ извѣстно, на прим: что землетрясеніе родитъ новые острова, горы и обрушиваетъ, стрясаетъ города; но причина дѣйствующая въ семъ случаѣ выше смысла человѣческаго; время и видъ явленія столько же непостижимы для разума, сколько не возможно для силы человѣческой остановить слѣдствія его. Однакожъ когда бы кто-нибудь предсказалъ намъ со всею точностію время сихъ ужасовъ и силу ихъ; то предсказаніе такое убѣдило бы насъ признать пророка пророкомъ, а событіе непосредственнымъ дѣйствіемъ Всемогущества.

О доказательности чудесъ.

Но и то обстоятельство, что чудеса имѣютъ высочайшую мѣру доказательности, не совершенно еще успокоиваетъ. Ибо какъ отличаемъ чудеса отъ обыкновенныхъ явленій тѣмъ только, что они превосходятъ мѣру силъ человѣческихъ; а мѣра сія такъ не равна, что дѣйствіе почитаемое однимъ за чрезвычайное, за Божественное, другому понятно по законамъ натуральнымъ; то кажется, при всей доказательности, какую мы допустили въ чудесахъ, еще ничего не доказано. Сія неопредѣлительность, сія двузначительность,

торыя производяшся въ углу, не имѣютъ свидѣтелей, стоющихъ быть свидѣтелями, которыя суть тайною для немногихъ, —всѣ такія чудеса не стоютъ словъ; онѣ суть обманъ, или призракъ суевѣрія; и тотъ, кто производитъ ихъ, презрителенъ. *Моисей* и *СПАСИТЕЛЬ* говорятъ сами не иначе о чудесахъ такихъ. Ворожея будетъ ворожеею, если бы тайны его оставались тайнами и для умнаго зрителя.

Но, говорятъ еще вольнодумцы, потому, что есть много чудесъ ложныхъ, довольно ли одного историческаго свидѣтельства, въ доказательство истинности чудесъ такихъ, которыхъ не можемъ мы сами видѣть, испытать? Съ симъ однимъ свидѣтельствомъ имѣемъ ли право мы утвердительно говорить о какомъ нибудь явленіи, что оно божественно?—Вотъ возраженіе, какое дѣлаетъ *Юмъ*, допускавшій возможность и доказательную силу чудесъ вообще, но между тѣмъ утверждавшій, что всѣ чудеса суть обманъ и расказы объ нихъ суевѣрны; утверждавшій, что всемогущество Божіе не сдѣлаетъ такаго откровенія, которое должно быть слабою опорою тѣхъ, кои сами чудесъ не видали, а видѣли ихъ люди одного времени, и больше никто, никогда! Его доказательства слѣдующія: свидѣтельствовать чудесами, значитъ свидѣтельствовать опытами; а опытъ всѣхъ человѣковъ отъ начала міра до насъ доказываетъ, что порядокъ во вселенной одинъ и тотъ же. Слѣдовательно,

если опытъ всѣхъ людей, всѣхъ временъ, есть возможно сильное доказательство истины вещей; то свидѣтельство отъ опыта частнаго, общему противорѣчущаго, никогда невѣрно.—Когда бы *Юмъ* вывелъ изъ сего такое заключеніе, что всѣ чудеса подозрительны, и что свидѣтельства объ нихъ самихъ требуютъ всегда самаго строгаго—вѣрнаго испытанія; то заключеніе его было бы очень справедливо: нѣтъ, онъ хочетъ доказать тѣмъ совершенную (absolutam) невѣроятность всѣхъ чудесъ, и весь силлогизмъ остается пустою софистическою игрою словъ. — Все равно, какъ бы сказалъ онъ, „что они невѣроятны по своей несходности съ теченіемъ природы и по рѣдкости.“ Между тѣмъ рѣдкость и необыкновенность не могутъ еще сдѣлать чудесъ сомнительными, и сказавши, что всеобщій опытъ доказываетъ непремѣнность порядка натуры, не льзя еще сказать, что Богъ, Господь природы, по особливымъ Высочайшимъ намѣреніямъ не можетъ перемѣнить сего порядка. И если всѣ свидѣтельства должны быть невѣроятны тогда, когда онѣ не сходствуютъ съ извѣстнымъ теченіемъ вещей: то всѣ новыя открытія въ природѣ уже сомнительны. *Юмъ*, кажется, самъ себя ослѣпляетъ, принимая опыты и свидѣтельства за доказательства равностоющія и между тѣмъ противорѣчущія другъ другу, и считая свидѣтельство объ одномъ частномъ опытѣ, безконечно-малымъ, совершенно незна-

на которую такъ часто и *Руссо* ссылается, ошибемся, если бы мы захотѣли принять и обыкновенное обьясненіе, что чудо есть непосредственное дѣйствіе Всемогущества. Дикій, не имѣющій никакого просвѣщеннаго понятія, какъ можетъ объяснить себѣ натурально электрическій ударъ, какъ не назоветъ онъ чудеснымъ человѣка, которой ему предскажетъ со всею вѣрностію солнечное затмѣніе? Что онъ подумаетъ, когда въ его глазахъ тамъ, гдѣ небо и земля раскалены, искуственно превратятъ воду въ ледъ? И такъ свѣтъ обманывался часто ложными чудесами и будетъ обманываться: въ чѣмъ же состоитъ характеръ чудесъ не ложныхъ? Почему мы узнаемъ, что доказательства истины и доказательства Религіи, на нихъ основанныя, справедливы?

Сей вопросъ таковъ, что онъ требуетъ всей внимательности. Рѣшимъ же.— Назвавши чудеса произведеніемъ силы Всемогущества, непосредственно дѣйствующей, ничего еще не скажемъ; надобно, что бы онѣ имѣли цѣль, и цѣль открытую. Мы можемъ смотрѣть на нихъ и изумляться, такъ какъ изумились бы при первомъ появленіи кометы; но ничего больше изъ того не заключаемъ, кромѣ обыкновеннѣйшаго, „что такъ Творцу природы „угодно было устроить порядокъ ея, и ему „же угодно было скрыть отъ насъ причи„ны явленія, когда мы изьяснить ихъ

могутъ понимать языкъ сей, понимая приближаться къ моральному своему совершенству и умножать блаженство свое." Сія есть единственная, непремѣнная цѣль и тогда, когда Господь природы внѣ ея обыкновеннаго теченія дѣйствуетъ видимо. Въ послѣднемъ случаѣ онъ хочетъ только разительнѣе говорить съ созданіемъ своимъ, сильнѣе внушить ему истины нужныя для счастія его. Но сія великая цѣль затеряется, какъ скоро чудеса будутъ частыя, незначительныя. Слава премудрости и благости, открытая въ природѣ, тогда непроизводила бы въ насъ столь живаго впечатлѣнія; и вмѣсто того, что теперь, видя гармонію во вселенной, научаемся порядочно жить, тогда бросили бы занятія разумныя; бывъ развлечены, оставались бы въ совершенной недѣятельности, или предались бы пустымъ фанатическимъ надѣждамъ; въ то время нѣтъ больше нравственности. И такъ всѣ чудеса, съ коими не соединена цѣль, достойная Божества, всѣ блестящія, на минуту только обворажающія чудеса,— суть простая игра, возбуждающая глупое изумленіе. Даже тѣ чудеса, кои не имѣютъ никакихъ слѣдствій, противорѣчатъ истиннымъ законамъ разума, занимаютъ только праздность суевѣрныхъ; даже тѣ, коими доказывается давно уже извѣстное; тѣ чудеса, которыя не могутъ выдержать строгаго, но благоразумнаго испытанія, ко-

чущимъ противъ общей суммы всѣхъ опытовъ. Это только значитъ, что всякой необыкновенной опытъ не можетъ быть вѣренъ по свидѣтельству; но свидѣтельство имѣетъ свою доказательную силу не зависимо отъ опыта; вѣрность его измѣряется дознанною нелживостію свидѣтеля, и можетъ быть оспориваема только большею правдивостію другаго. На семъ основывается вся извѣстность человѣческая; и если свидѣтельство имѣетъ свою вѣроятность, то самымъ обыкновеннѣйшимъ опытомъ не льзя оспорить его, такъ какъ не льзя неуважать свидѣтельства достовѣрнаго человѣка о видѣнной имъ вещи потому только, что кромѣ его никто сей вещи не видалъ. Прежде нежели *Тремвлей* и *Спаланцани* сдѣлали свои открытія, люди всегда бы сочли нелѣпостію разказъ, что животное, изрѣзанное въ куски въ доль и въ поперегъ, можетъ быть живо; что каждая часть составитъ особое цѣлое животное; что если оторвать голову одного и приставить къ другому туловищу, то сіи разныхъ животныхъ части срастутся и составятъ одно совершенное: между тѣмъ свидѣтельство сихъ ученыхъ мужей взяло верьхъ надъ всѣми предшествовавшими опытами.

Свѣтъ часто обманывался ложными чудесами. Сіи ложныя не мѣшаютъ быть истиннымъ, такъ какъ вѣрные опыты останутся навсегда вѣрными, не смотря

на то, что есть очень много невѣрныхъ. Въ обоихъ случаяхъ всего нужнѣе строгость въ разсматриваніи, — что ими доказывается? Цѣль ихъ есть ли божественная? На чѣмъ основываются свидѣтельства объ нихъ? Извѣстна ли правота свидѣтелей? — Такимъ образомъ разсматривай всѣ древнія и новыя чудеса, и увидишь, что чудеса *Моисеевы, IИСУСОВЫ и Апостольскія* суть единственныя, въ которыхъ всѣ признаки божественности открыты, ясны. Цѣль послѣднихъ гораздо обширнѣе, исторія объ нихъ полнѣе, обстоятельства извѣстнѣе; испытать истину свидѣтельствъ объ нихъ, правоту самихъ свидѣтелей, — гораздо легче. Но слава Провидѣнію! Мы имѣемъ довольно доказательствъ истинности и Моисеевыхъ чудесъ, не смотря на ихъ отдаленность.

Цѣль чудесъ Моисеевыхъ.

По крайней мѣрѣ цѣль послѣднихъ есть величественна, благодѣтельна; именно: основать и утвердить *Богослуженіе*, коего существо должно составить истинное познаніе о богѣ, Творцѣ и Правителѣ міра, и чистѣйшее *поклоненіе* ему единому; основать, говорю, Богослуженіе въ такое время, когда разумъ не могъ самъ собою достигнуть до познанія великой истины, когда ощущеніе Божества ослабѣло, изчезло въ сердцахъ потомковъ Адамовыхъ;

объ обстоятельствахъ, ускорившихъ исходъ; что бы Моисей былъ такъ безразсудно смѣлъ, что сіе чудо поставилъ основою своихъ законовъ, и что бы народъ былъ такъ глупъ и слѣпъ, считая все сказанное за истину; что бы вѣря, принялъ тяжкіе законы, позволилъ управлять собою 40 лѣтъ въ пустынѣ съ такою строгостію:—эта нелѣпость не вѣроятнѣе всѣхъ чудесъ. Нѣтъ' Моисей самъ не могъ выдумать Исторіи исхода. По этому она придумана послѣ къ Исторіи Израильтянъ? — Но и сіе столько же не возможно. Если обстоятельства исхода не вѣрны, то и цѣлая Исторія—басня. Обстоятельства, какія бы онѣ ни были, когда не имѣютъ никакой цѣли, никакихъ слѣдствій, никакой связи съ существомъ исторіи, — такія обстоятельства могутъ быть выброшены, и Исторія не потеряетъ своей полноты, своего порядка. Но исключите Исторію послѣдняго чуда изъ Исторіи Моисеевой; тогда она вся безъ основанія, безъ связи, безъ цѣли. Послѣднее чудо со всѣми происшествіями въ Израильскомъ народѣ, начиная отъ самихъ патріарховъ, составляетъ одно; оно во всей наготѣ представлено со всѣмъ, что имѣетъ къ нему отношеніе, со всѣми малѣйшими околичностями, которыя могли быть описаны Моисеемъ, и больше никѣмъ.

Моисей есть истинный писатель книгъ, извѣстныхъ подъ его именемъ.

Не хочу повторять доказательствъ на то, что Моисей есть точный Авторъ книгъ, извѣстныхъ подъ его именемъ. Я писалъ объ этомъ не большое разсужденіе, а читатель можетъ найти и у другихъ сильныя опроверженія противныхъ возраженій. *Волтеръ*, не зная съ какой стороны представить подозрительною древность и точность сихъ книгъ, а имѣя на противъ того въ мысляхъ—возвысить древность и подлинность Исторіи Китайской, сказалъ по поводу сей послѣдней въ одномъ мѣстѣ: намъ ли, спустя столько вѣковъ оспоривать лѣтопись такого Государства, которое было уже образовано во всѣхъ частяхъ, тогда, когда мы были еще варварами? Но умалчивая о томъ, что не льзя судить хорошо о Китайской націи по ея лѣтописямъ, когда за двѣсти лѣтъ предъ Р. Х. Императоръ Хи-Хоанъ-Ти всѣ сіи лѣтописи истребилъ и все, что только оставалось отъ древнихъ памятниковъ, что только было лучшее между Историческими записками, все велѣлъ сжечь, умертвилъ до 500 ученыхъ, которые, думая спасти драгоцѣнность, скрылись было въ горы; сжегъ самую Шу-Кингъ,—древнѣйшую и священнѣйшую изъ ихъ книгъ, такъ что послѣ всѣхъ возможныхъ исковъ у нихъ теперь есть только необстоятельный спи-

не насталъ день, какъ слово пророческое и исполнилось; шествіе возвѣщено такъ скоро, что Израильтяне не имѣли времени испечь хлѣба, но были принуждены взять съ собою еще не закисшее тѣсто. И какъ Египтяне видѣли уже прежде силу Іеговы и несправедливое ожесточеніе Царя своего противъ сего народа, судя потому, что хотя и знали о преднамѣреваемомъ имъ исходѣ, однакожъ по его прозьбѣ охотно одолжили его золотыми и серебряными сосудами; то и способствовали ему на сей разъ въ скорѣйшемъ исходѣ, и безпрекословно попустили ему взять съ собою ссуженныя вещи. Впрочемъ Египтяне за свое сребро и злато очень вознаграждены были прекрасною землею, воздѣланною Израильтянами, и всѣмъ, что Израильтяне въ землѣ сей оставили; — вотъ рѣшеніе для тѣхъ, кои упрекаютъ Евреевъ въ хищеніи.

Вопросъ главной таковъ: сіе произшествіе, со всѣми обстоятельствами здѣсь описанными, было ли дѣйствительно?... Если отвѣтъ утвердителенъ; то чудо несомнѣнно. Предположивши всѣ обстоятельства бывшими, и согласясь, что Моисей заранѣе предсказалъ ихъ, смѣшно было бы назвать смертность въ Египтѣ натуральною язвою. Въ семъ случаѣ нѣтъ нужды умствовать много. Всѣ обстоятельства повѣствуемыя, слѣдствія, установленіе пасхи, опресноковъ, освященіе всякаго пер-

венца — требуютъ только литтеральнаго объясненія. И такъ: полное произшествіе со всѣми обстоятельствами надобно ли принять за истинное исторически? Если нѣтъ, то должно, чтобъ оно было выдумано.—Но кѣмъ? Самимъ Моисеемъ?—Не возможно. *Нума* и *Миносъ* также разсказывали, будто являлись имъ Боги Богини; *Магометъ* увѣрялъ, что съ нимъ бесѣдовалъ Архангелъ Гавріилъ — и обманъ ихъ имѣлъ все свое дѣйствіе. — Моисей также могъ описать живыми красками явленіе Божества Аврааму; могъ такъ хорошо это представить, что бы простинькой народъ вѣрилъ всему какъ чудесному. Но что бы онъ заставилъ народъ вѣрить, —будто послѣ того, какъ всѣ чудеса, сдѣланныя имъ въ глазахъ Египтянъ, не могли склонить Фараона на его требованія, онъ возвѣстилъ ему, что въ слѣдующую ночь изомретъ всякой первенецъ Египетскій; что онъ Израильтянамъ предсказалъ тоже самое, что онъ потому приказалъ дѣлать нужныя распоряженія къ выходу; и что какъ наступила страшная ночь, самъ Царь и Египтяне нудили ихъ выходить; что Евреямъ однакожъ ничего не было извѣстно; что сами они ничего чудеснаго и не видали и не слыхали, но все при исходѣ ихъ случалось натурально; что Моисей въ ту же пору установилъ праздновать каждый годъ освобожденіе; отецъ сѣмейства долженъ былъ дѣтямъ своимъ разсказывать

когда солнцу и звѣздамъ, какъ Богамъ высшимъ покланялись, когда многобожіе почти совсѣмъ изгнало вѣру въ Провидѣніе всеправящее.—Сіе-то Богопознаніе и Богопоклоненіе должно утвердиться сими чудесами, да и самая Исторія учрежденія должна остаться для просвѣщенныхъ потомковъ незабвеннымъ памятникомъ того, что оно послѣдовало прямо отъ самаго Владыки міра. „Правда, если цѣль Богослуженія Моисеева была та, чтобъ Боговѣдѣніе истинное ввести только въ одномъ не многочисленномъ народѣ, который по системѣ политической долженъ быть удаленъ отъ всѣхъ другихъ народовъ и населять не значущій уголъ земли: то цѣли сей не отвѣчаютъ чрезвычайныя средства; и по сей несообразной великости, кажется, можно бы усумниться и въ самой цѣли." Нѣтъ:—эта цѣль простирается далѣе границъ Іудейскаго народа. Но надобно было, что бы свѣтъ, заключенный въ тѣсныхъ предѣлахъ, сохранился до тѣхъ поръ, пока люди сдѣлаются способными взирать на полное солнце. Итакъ Религія Израильтянъ есть тѣнь великой, чистѣйшей, истиннѣйшей Религіи, есть начало, есть предшественница ея. Тамъ и здѣсь видѣнъ Богъ, сближающій съ собою человѣка; тамъ и здѣсь одна цѣль, одно намѣреніе. Какъ истина сей, такъ Божественность и той доказана чудесами. Утомительно было бы, если бы я вздумалъ разсматривать каждое

чудо Моисеево врознь; и такъ посмотримъ ближе на послѣднѣе, за которымъ освобожденіе Израиля безпрепятственно послѣвало. Ибо, какъ скоро нелживость сего послѣдняго доказана; то доказано все.

О чудесномъ избіеніи первенцовъ.

Фараонъ повелѣваетъ Моисею не являться болѣе къ себѣ: *отъиди отъ мене, да не приложиши видѣти лица моего; въ онь же бо день аще явишися, умреши.* 2 книг. Моис. X. 88. Моисей не противится, но говоритъ Царю, что онъ въ слѣдующую же ночь самъ пошлетъ за нимъ, самъ будетъ требовать, что бы изшелъ изъ Египта народъ Израильскій; ибо въ сію ночь — *измретъ всякъ первенецъ въ земли Египетстѣй отъ первенца Фараонова, иже сѣдитъ на престолѣ, и даже до первенца рабыни, яже у жерновъ и до первенца всякаго скота; XI. 5; даже въ Бозѣхъ Египетскихъ отмщеніе сотворится XIII. 2.* О семъ ночномъ пораженіи сказываетъ Моисей и своему народу; повелѣваетъ ему быть въ готовности; повелѣваетъ, что бы каждый отецъ сѣмейства имѣлъ для своей фамиліи полную снѣдь, *Пасху;* назначаетъ, что должно составлять ее, и въ тоже время говоритъ, что сію *Пасху* обязаны Израильтяне праздновать каждый годъ, въ торжественное воспоминаніе ихъ чудеснаго избавленія. Еще

[illegible] — [illegible]ивая о всѣхъ
[illegible] только,
[illegible] Волтерово,
[illegible] основа-
[illegible] нихъ не-
[illegible] усердно
[illegible]вительны-
[illegible] исторiи Ју-
[illegible] книгъ. Ибо
[illegible]ческiй па-
[illegible]бы бело-
[illegible]ь про-
[illegible] дохо-
[illegible]рна его?
[illegible] Греческаго
[illegible] на-
[illegible] раздѣле-
[illegible] ко-
[illegible]евыхъ
[illegible] отсюда
[illegible] который
[illegible]оду гл.
[illegible]деса въ
[illegible]ить былъ
[illegible] рѣчь
[illegible] исхода
[illegible] когда бы
[illegible]гда бы не
[illegible] заключаю-
[illegible] объ опи-
[illegible]емъ. какъ
[illegible] думалъ,
[illegible] теперь у насъ,

сочинена *Самуиломъ.* Думать очень можно; поелику Самуилъ занимался возстановленіемъ падшаго Богослуженія съ святою ревностію, отыскалъ у священниковъ списки книгъ Моисеевыхъ, перемѣнилъ нѣкоторыя древнія названія на новыя, продолжалъ родословную, помѣщалъ свои выраженія, на прим. *даже до сего дни*; но думая, не льзя совершенно, рѣшительно утверждать. Ибо какъ Моисей по обыкновенію древнихъ Египтянъ имѣлъ при себѣ лѣтописцовъ, употребляя въ сію должность священниковъ и Левитовъ, и какъ онъ весь законъ и всѣ распоряженія преподалъ на письмѣ, и священникамъ и Левитамъ приказалъ имѣть списки особливые для себя и для читанія передъ народомъ: то какъ возможно вообразить, что бы онъ могъ, пиша прочее, пропустить тѣ произшествія, на которыхъ утверждаются законы его, на которыхъ основывается Божественность всей конституціи, именитость его собственная; что бы, говорю, могъ онъ опустить сіи произшествія? И кто изъ позднѣйшихъ писателей могъ бы разсказать до малѣйшей подробности о всемъ бывшемъ на горѣ *Синаѣ*, о устроеніи скиніи свидѣнія, объ одеждѣ первосвященнической, о порядкѣ наблюдаемомъ въ день ношенія сей скиніи, о странахъ проходимыхъ, о мѣстахъ гдѣ останавливались,— обо всемъ такъ обстоятельно, съ такою точностію. Надобно, что бы было писано

все тамъ, гдѣ что случилось, и въ тоже время; самимъ ли *Моисеемъ*, или только подъ его присмотромъ — это все равно. Моя мысль подтверждается тѣмъ, *что законы и Исторія, какъ бы слиты другъ съ другомъ; и первые помѣщены въ Исторіи, каждой за тѣмъ случаемъ, которой былъ къ тому поводомъ;* напротивъ *Самуилъ*, или другой писатель позднѣйшаго времени далъ бы всему порядокъ другой, и написалъ бы законы и Исторію отдѣльно другъ отъ друга. Я говорю, все равно, писана ли Исторія Моисеемъ, или подъ его только присмотромъ. Ибо судя по предмѣтамъ, которыхъ было очень много и которые были очень важны, коими Моисей долженъ былъ заниматься при горѣ Синаѣ, нельзя представить себѣ, какъ все ему можно было написать. Но хотя бы они писаны были кѣмъ либо изъ Левитовъ, или священниковъ, только подъ его надзоромъ; то вѣрность ихъ точно такова же, какъ бы онъ прямо былъ ихъ авторомъ. Но не касаясь сего вопроса, Моисеемъ ли писана исторія второй и четвертой книги, слѣдовательно Исторія чуда, нами разсматриваемаго: по крайней мѣрѣ то неоспоримо вѣрно, что онъ авторъ пятой книги и законовъ въ ней содержащихся. Да; такъ неоспоримо, какъ то, что Моисей существовалъ; какъ то, что теперешняя Іудейская нація есть потомство древнихъ

Израильтянъ. И такъ вѣрно онъ установилъ и Пасху, и праздникъ Опресноковъ, и освященіе первенцовъ. Прочитайтежъ пятую, шестую, седьмую, осьмую, шестнадцатую и двадцать шестую главу сей книги; снесите ихъ съ распоряженіемъ сдѣланнымъ при исходѣ — именно: что бы каждый отецъ сѣмейства въ вѣчное воспоминаніе освобожденія разсказывалъ дѣтямъ своимъ Исторію установляемаго праздника и поводъ къ оному: и тогда скажите, возможно ли сумнѣваться въ истинѣ послѣдняго Моисеева чуда.

Со всѣмъ тѣмъ сіе чудо оставалось предмѣтомъ, на которомъ опираясь Авторъ извѣстныхъ записокъ, вооружался съ язвительнымъ остроуміемъ противъ откровенія святаго—такъ какъ переходъ Израильтянъ чрезъ Чермное море, будто несовершенно доказанный, раждалъ въ немъ сомнѣніе, которое, думалъ онъ, рѣшить надобно. . . ,

Такъ! Если бы мы не имѣли полной Исторіи сего народа и законовъ его, Исторіи — со всѣми неоспоримыми характерами ея древности; если бы самъ народъ сей существующій не былъ свидѣтельствующимъ памятникомъ своей Исторіи: то произшествіе, бывшее больше нежели за 3ооо лѣтъ предъ симъ, конечно могло бы быть сомнительно. Но когда Провидѣніе сохранило Еврейской народъ и Исторію; (ибо Исторія безъ народа и народъ безъ

Исторія — худыя свидѣтельства) сохранило чудеснымъ образомъ; когда Израильтяне, послѣ перваго ихъ разсѣянія по востоку, могли опять соединиться въ землѣ своей, принять туже систему Богослуженія и гражданства, пока еще Исторія его не взошла въ Исторію Римскую, и чрезъ то не обратила на себя вниманіе цѣлаго свѣта; послѣ того какъ цѣль Моисеевыхъ постановленій исполнилась, какъ храмъ и городъ разрушенъ, какъ народъ долженъ былъ изчезнуть на земли, и однакожъ Провидѣніе соблюло его такъ, что нѣтъ во всей Исторіи человѣчества подобнаго тому примѣра; когда Іудеи не составляя собственно націи, не имѣя опредѣленнаго мѣстопребыванія, безъ имени гражданъ, живутъ и теперь, жили такъ бѣдственно цѣлыя осьмнадцать столѣтій; и послѣ всѣхъ претерпѣнныхъ ими гоненій, послѣ всѣхъ переворотовъ, остаются такими же, съ тѣмъ же общимъ характеромъ, доказывающимъ одно произхожденіе ихъ, котораго ни время, ни обстоятельства, ни климатъ перемѣнить не могли, по которому они и теперь такъ отличны отъ всѣхъ другихъ народовъ; когда они не имѣя храмовъ, не дѣлая жертвоприношеній, празднуютъ однакожъ и теперь Пасху, наблюдаютъ и теперь уставъ опресноковъ, и теперь держатся своихъ законовъ, ведутъ свой календарь: то цѣлость ихъ не иначе объяснить можно, какъ согласившись, что Про-

видѣніе хотѣло показать позднему потомству несомнѣнность всего, что есть въ писаніяхъ ихъ законодателя, показать ходъ просвѣщенія человѣчества, что бы мы видѣли, откуда и какъ изшелъ свѣтъ для ослѣпотѣвшихъ. Не принявъ сей великой цѣли, нѣтъ способа открыть причины, почему народъ Іудейской до сихъ поръ существуетъ; но сія цѣль конечно не вполнѣ еще достигнута. . . Къ Рим. II.

Чудесный переходъ Израильтянъ чрезъ Чермное море.

Сіе покровительствующее Провидѣніе, изведшее Евреевъ изъ Египта, сопровождало, охраняло ихъ и на пути до самой земли обѣтованной. Вмѣсто того, что бы итти прямою дорогою чрезъ пустыню, Моисей долженъ былъ на сей конецъ взять на право къ морю, вопреки всѣмъ познаніямъ о странѣ, и тянуться между заливомъ и смыкающими его горами, такъ что Израильтяне, всегда спасаемые, и здѣсь не видѣли другаго способа къ своему спасенію, кромѣ новаго чуда. Какъ скоро Фараонъ извѣщенъ былъ о томъ, то онъ вдругъ принимаетъ опять буйное намѣреніе, спѣшитъ съ колесницами и всадниками настигнуть убѣгающихъ; настигаетъ — и Израильтяне, примкнутые къ морю, считали себя погибшими. — Возстаетъ ропотъ на вождя; всякой готовъ покорить-

ся, отдаться грозному непріятелю. Но Моисей, вѣрующій всею душею Іеговѣ вѣчному говоритъ къ слабому, робкому народу;—и слова его были сильны, разительны; и отчаянные не смѣли сомнѣваться въ могуществѣ Бога своего: *дерзайте, стойте и зрите спасеніе, еже отъ Господа, еже сотворитъ намъ днесь. Имъ же бо образомъ видѣсте Египтянъ днесь, не приложите ихъ видѣти къ тому въ вѣчное время: Господь поборетъ по васъ*; 2 Моис. XIV 13. 14. Потомъ простираетъ жезлъ свой на море; востаетъ сильный вѣтръ, который, при помощи отлива, обнажаетъ дно морское на томъ мѣстѣ, гдѣ они стоятъ и вкупѣ удерживаетъ наступленіе прилива при узкомъ входѣ въ заливъ. Такъ что они переправляются безопасно на противолежащій берегъ; волны по обѣимъ сторонамъ служатъ имъ при переходѣ оградою, и какъ бы стѣною; и Египтяне не могутъ ни напасть на нихъ со стороны, ни преградить имъ пути посредствомъ обхода. Открытая вѣтромъ мѣль и увѣренность, что сей вѣтръ будетъ дуть постоянно до тѣхъ поръ, пока и они не переправятся, внушаютъ Египтянамъ дерзновеніе устремиться въ слѣдъ Израильтянамъ: но только что послѣдній Израильтянинъ вошелъ на берегъ, вдругъ простираетъ Моисей руку свою опять на море, — вѣтръ перемѣняется, стѣны зыбкіе рушатся; нашли тучи черныя, ударилъ громъ, вмѣстѣ

съ тѣмъ проторгается изъ облаковъ страшная гроза, кони пугаются и дѣлаютъ большое замѣшательство. Египтяне узнаютъ опять побораюющую по Израильтянамъ мощную десницу; въ изумленіи хотятъ они обратиться вспять; но приливъ постигаетъ ихъ; въ замѣшательствѣ погрязаютъ они еще болѣе въ сликающіяся бездны, и все воинство погибаетъ. Моисей настроиваетъ побѣдную пѣснь во славу Господа ихъ спасавшаго, и поетъ ее съ народомъ своимъ.—Сія пѣснь есть также вѣрнѣйшій памятникъ, доказывающій истину чудеснаго перехода чрезъ море. — *Маріамъ*, сестра его, составляетъ съ своими подругами хоръ, и съ ними повторяетъ пѣсни побѣдителей!

Гдѣ собственно былъ сей переходъ, нельзя сказать со всею вѣрностію потому, что названія мѣстоположеній перемѣнились. Ученый наблюдатель *Д. Шавъ* и славный *Монтагю*, оба съ однимъ намѣреніемъ отыскивали путь, по которому шелъ Моисей до моря, и полагаютъ въ двухъ миляхъ въ сторону къ Югу въ ущельи горъ закрывающихъ море, которое и теперь называется у Аравлянъ *чудесною* долиною, такъ какъ *путь*, ведущій туда отъ Рамеса, или Каира, *путемъ сыновъ Израилевыхъ*. Г. *Нибуръ* также, со всею свойственною ему проницательностію разсматривавшій ту сторону, думаетъ, что Моисей переходилъ ниже Суезскаго перешей-

ка; замѣтилъ на картѣ, что по обѣимъ сторонамъ высохшаго теперь брода оставшіяся глубокія мѣста достаточествовали, при наступленіи прилива, какъ къ прикрытію Израильтянъ, такъ и къ потопленію Египетскаго воинства. Сіе последнее мнѣніе не заключаетъ въ себѣ ни малѣйшей нелѣпости. Если впрочемъ примемъ и которое нибудь изъ сихъ мнѣній; то и тогда надобно согласиться, что очень неоснователенъ былъ безьимянной Авторъ записокъ, въ кабинетѣ своемъ разсуждавшій о невозможности перехода; тѣмъ больше, что сей невозможности не находилъ ни *Пококъ* ни *Шавъ*, ни *Монтагю*, ни *Нибуръ*, дѣлавшіе изысканія свои на мѣстѣ.

Нѣкоторые ученые старались опредѣлить время тогдашняго отлива; но не извѣстно точно, во сколько дней дошелъ Моисей отъ Рамеса до моря; слѣдовательно и означеніе времени не можетъ быть уже вѣрно.

Безразсудныя возраженія враговъ откровенія.

Между тѣмъ было бы слишкомъ безразсудно, допуская отливъ, назвать такой переходъ чрезъ море натуральнымъ и думать, будто Моисей, зная свойство *Чермнаго* или *Краснаго* моря, и предвидя отливъ, который увеличенъ былъ на тотъ разъ сильнымъ вѣтромъ, послѣ заставилъ

Израильской народъ вѣритъ, какъ это дѣлали въ подобныхъ случаяхъ *Александръ* и *Сципіонъ*, что осушеніе дна было чудомъ для спасенія ихъ. — Нѣтъ; время отлива натуральнаго, въ которое вода стоитъ на самой низкой степени, продолжается не болѣе часа, и въ это время перейти полку многолюдному никакъ нельзя. Это знали Израильтяне, пасши часто стада свои на берегахъ моря, и потому они роптали на Моисея, когда видѣли, что онъ ведетъ ихъ не подорогѣ, думая что онъ хотѣлъ отдать ихъ въ руки Египтянъ. Если даже принять, что вѣтръ, усилившій потокъ моря, и Океанъ, замедлившій обратить волны, были естественны: то и тогда чудесное покровительство Провидѣнія не менѣе и сомнительно. Ибо когда всѣ произшествія въ натурѣ, коихъ причины для насъ таинственны, называемъ чудесными; то и обыкновеннѣйшій случай имѣетъ уже характеръ чудеснаго, какъ скоро онъ таковъ, что человѣкъ ни какъ не могъ предвидѣть его, не могъ заранѣе принаровить къ намѣреніямъ своимъ.

Здѣсь могъ бы я кончить мое разсужденіе о двухъ послѣднихъ Моисеевыхъ чудесахъ; но скажу еще нѣсколько словъ о запискахъ, которыхъ Авторъ, дерзновенно вооружающійся противъ Религіи, силится здѣлать сомнительнымъ чудесный переходъ Израильтянъ. Но какъ остроумный Авторъ антифрагментовъ довольно

уже обнаружилъ лживость странныхъ, хотя по видимому нарочитою ученостію и правдолюбіемъ напыщенныхъ возраженій, и изъ достовѣрнаго *Нибурова* описанія той страны, въ которой Израильскій народъ напослѣдокъ расположился, равно какъ и залива, чрезъ которой совершился переходъ, доказалъ дѣйствительно, что сей переходъ былъ совершенно возможенъ вышеозначеннымъ образомъ; то я прибавлю только маленькое замѣчаніе, которое скорѣе всего рѣшитъ спорное дѣло. Въ самой вещи безымянный писатель въ томъ правъ, что число двухъ съ половиною или трехъ милліоновъ человѣкъ предполагаетъ очень значительное запрудненіе; и если бы онъ на семъ числѣ только остановился, то возраженіе его заслуживало бы не мало вниманія. Но обличаютъ его прочія мелочи, имъ выдуманныя; тысяча возовъ сѣна для скота; (скота, который идя, на каждомъ шагу могъ находить кормъ, и въ случаѣ нужды каждая скотина могла сама нести для себя кормъ на нѣсколько дней;) двѣ тысячи повозокъ для золота и сребра, взятаго у Египтянъ, и для платья; (какъ будто Египтяне дали Израильтянамъ цѣлыя тысячи сервизовъ и полные гардеробы;) далѣе, три тысячи повозокъ для прочаго богажу; (между тѣмъ какъ каждый могъ нести свою котомку;) можно бы здѣсь еще прибавить — обозъ тысячь изъ двухъ повозокъ для гошпиталей и полевой апте-

ки. Потомъ вымышляетъ трудности мѣстныя и указываетъ переходъ тамъ, гдѣ заливъ широкъ; прибавляетъ ученое описаніе изъ *Страбона*, и слабый читатель конечно соблазнится; но кто имѣетъ обыкновенный даже разсудокъ, тотъ очень замѣтитъ духъ, съ какимъ этотъ хитрый человѣкъ началъ разсматривать Исторію *Моисееву*. Однакожъ я сказалъ уже, что вышеупомянутый ученый сочинитель Антифрагментовъ обнаружилъ неосновательность всѣхъ сихъ возраженій, даже и тогда, когда число народа простиралось бы дѣйствительно до двухъ милліоновъ съ половиною. И такъ мысли мои по сему предмету будутъ изложены очень въ немногихъ словахъ.

Что весь Израильскій народъ навсегда оставлявшій Египетъ, былъ такъ многочисленъ — нѣтъ въ томъ сомнѣнія; ибо спустя 13 мѣсяцовъ послѣ исхода, когда былъ всеобщій счетъ при горѣ Синаѣ, нашлось шесть сотъ тысячь мужей, способныхъ носить оружіе. 4 Моис. 1. 2. Но надобно ли, что бы весь сей народъ былъ въ Рамессѣ и въ около лежащихъ мѣстахъ? Сего не льзя воображать. Израильтяне, какъ извѣстно, были по своему образу жизни пастухи, и по прибытіи ихъ въ страну Египетскую, Іосифъ назначилъ имъ область *Рамессы*, самую способную для сего рода жизни. Египтяне сами умножавшіеся до чрезвычайности, сами принужденные жить

въ тѣснотѣ, — могли ли позволить чужестранцамъ, ненавистнымъ для нихъ, равно до безмѣрности умножившимся въ 400 лѣтъ, распространять область свою, стѣсняя ихъ самихъ; ибо народъ состоящій изъ 600000 фамилій, занимающійся скотоводствомъ, ни какъ не могъ бы помѣстить ся въ одной провинціи; половины нижняго Египта не достало бы для него. И такъ надобно допустить непремѣнно, что большая часть Израильтянъ, внѣ главнаго жилища своего, кочевали съ стадами своими въ Аравійской пустынѣ, такъ какъ это дѣлали и предки ихъ; такъ какъ это ведется и между теперешними пастушескими тѣхъ мѣстъ народами; и даже послѣ, когда Израильтяне заняли уже землю Ханаанскую, они заходили съ стадами до самаго Ефрата. — Это не догадка. Есть Историческое доказательство, что *Ефраимляне* дѣйствительно ходили до границъ палестины, и были прогнаны жителями *Гадскими*, когда у сихъ хотѣли они отнять скотъ. Вмѣстѣ и то вѣроятно, что Евреи уходили изъ Рамессы потому, что злоба ихъ тирановъ отъ часу возрастала болѣе. Долженъ ли былъ Моисей, когда онъ рѣшился уже вывесть ихъ изъ Царства Фараонова, долженъ ли онъ былъ созывать въ Рамессу разсѣянныя орды, что бы Египтянъ тѣмъ больше ожесточить противъ себя, что бы тѣмъ больше затруднить выполненіе намѣренія своего? Сіи

орды были въ ту пору въ совершенной безопасности; но онъ зналъ на вѣрное, что найдетъ ихъ у горы Синая, когда придетъ туда съ братьями ихъ. И такъ Рамесса была только главное мѣстопребываніе націи, гдѣ съ небольшею частію народа жили старѣйшины поколѣній и фамилій, которые на мѣстѣ по обычаю Египетскому отправляли должность приставниковъ и книгочіевъ 2. Моис. V. 6, 10, 13, 14. И доколѣ сіи старѣйшины были во власти Фараона; то и весь народъ во власти его, какъ бы впрочемъ далеко ни зашелъ онъ съ своими стадами. И такъ если повѣствуется, что 600,000 мужей, крѣпкихъ и сильныхъ, вышло изъ Рамессы; то, мнѣ кажется, всего натуральнѣе обьяснить это, сказавши, что сумма всего народа, оставившаго на всегда Египетъ, была такъ велика; (положимъ, что она простиралась больше нежели до 3.000,000;) а не то сіе значитъ, будто весь народъ Еврейской, въ ту пору, какъ Моисей требовалъ у Царя отпуска, былъ въ Рамессѣ, или около Рамессы расположился въ лагерѣ, а 600,000 людей занимались бы военною екзерциціею; (въ такихъ критическихъ обстоятельствахъ было ли время забавляться!..) И къ чему тутъ ученыя изслѣдованія, къ чему сравненія, какъ строились въ походахъ и располагали лагери Римляне и другіе древніе народы, (о педантство! если это не порывъ злоумышленный!) и какъ шли Из-

рапльтяне, кареями, или фронтами въ рядъ по 10 человѣкъ? (въ послѣднемъ случаѣ строй) ихъ вытягивался бы на 180 Нѣмецкихъ миль въ длину!) Далѣе—остроумныя описанія перехода, какъ народъ долженъ былъ пробиваться по кустамъ Кораловымъ, какъ у Евреевъ царапались носы, кололись ноги; далѣе—смѣхъ надъ почтовою воловьею, а наконецъ издѣвка надъ слабоумнымъ Іудеяниномъ, который написалъ такую несвязную исторію, не чувствуя, что онъ безпрестанно противорѣчитъ возможности; — я говорю, всю эту пустую ученость, все остроуміе, всего бы лучше поберегъ для себя! . . . А слабоумный ли Іудеянинъ, выдумавшій несвязную Исторію, написалъ величественную пѣснь побѣдную, которая присвоена Моисею? Онъ ли сочинилъ рѣчи къ народу, въ которыхъ такъ живо представляется чудесный переходъ чрезъ море Чермное? Слабоумнымъ ли вымышлены псалмы, приписанные Давиду? Давидъ! такъ часто и съ такимъ восторгомъ воспѣвшій чудеса, явленныя народу его; — Давидъ, коего Царство простиралось до моря Чермнаго, гдѣ онъ имѣлъ и гавань, не уже ли никогда не посѣщалъ сей примѣчательной страны? Но довольно. Уже видно и безъ того, какъ Авторъ записокъ, съ мнимою любовію къ истинѣ, вооружается противъ Христіанской Религіи; для него чѣмъ яснѣе свѣтъ, чѣмъ больше свѣта, тѣмъ больше, кажет-

ся, онъ слѣпнетъ.—Не жалко ли, что человѣкъ, каковъ Авторъ отрывковъ, имѣя свѣденія, бывъ такъ просвѣщенъ, остроуменъ, обнаруживаетъ такую подлую склонность къ язвительнымъ шуткамъ, и—или по излишней довѣренности къ самому себѣ, или изъ зависти къ нѣкоторымъ писателямъ, которыхъ мнѣній не доставало у него силъ оспорить, блеститъ одними легкомысленными сужденіями, своихъ читателей забавляетъ одними пустыми софизмами, не касается доказательствъ убѣждающихъ въ истинѣ, изыскиваетъ всѣ способы сомнѣваться, и самъ чувствуя неосновательность сомнѣній, повторяетъ старыя возраженія, о которыхъ будто не знаетъ, что онѣ уже давно совершенно рѣшены; — не больно ли? И сіи отрывки долженствовали храниться въ одномъ изъ первѣйшихъ храмовъ наукъ; храниться, какъ сокровище священное для потомства, до тѣхъ поръ, какъ люди просвѣтятся больше, какъ способнѣе будутъ понять цѣну ихъ. Тогда любопытный раскроетъ книгу и увидитъ... что *Моисей*, *ХРИСТОСЪ* и его Апостолы,—которымъ свѣтъ обязанъ всемъ просвѣщеніемъ, которые основали для человѣковъ всесовершеннѣйшую Религію,—Религію заключающую въ себѣ, по словамъ Автора, прекраснѣйшую, благороднѣйшую нравственность, вдыхающую въ сердце человѣка чувства къ Богу влекущія, вселяющую въ насъ любовь къ добру чис-

тому, соединяющую людей узами братства нѣжнаго; которые указывали путь къ вѣчному блаженству, показывали намъ насъ самыхъ, говорили такъ просто и такъ истинно о собственномъ нашемъ назначеніи; которые за истину возвѣщаемую терпѣли гоненія, муки, жертвовали самою жизнію—были-о Богохульство!—злочестивцы, обольстители!...Сіи отрывки долго переходили изъ рукъ въ руки тайно; непросвѣщенными, молодыми людьми были сыскиваемы, читаемы, поглощаемы въ сладкомъ увѣреніи, что Библія и Религія не будутъ болѣе стѣснять ихъ свободы; и вдругъ отрывки появляются открыто! — Честной, умной человѣкъ видитъ, какой дорогой подарокъ скрытъ въ нихъ для потомства!—Однакожъ довольно! Самъ чувствую, что пространнымъ моимъ разсужденіемъ о двухъ послѣднихъ чудесахъ Моисеевыхъ, я утомилъ читателя. Но какъ они суть основаніе, на которомъ утверждается Божественность званія Моисеева, Божественность Религіи его: то думалось, что объ этомъ надобно говорить обстоятельнѣе; за то въ продолженіи Исторіи буду коротокъ и коснусь только существеннѣйшаго.

Сороколѣтнее странствованіе Израильтянъ въ пустынѣ.

И такъ народъ Израильскій сталъ сво-

боденъ, и съ сей поры долженъ составлять независимое Государство. Но какъ онъ, вдругъ вышедъ изъ состоянія рабскаго, не могъ бы хорошо пользоваться свободою; для того итти ему было надобно не прямо въ Ханаанъ. Старое поколѣніе, привыкшее во Египтѣ къ Египетскому идолопоклонству, одичавшее въ грубыхъ предразсудкахъ, не могло скоро перемѣнить образа мыслей своихъ, не могло не счесть голымъ чистое Богослуженіе, не могло скоро пріучиться къ строгой системѣ гражданства. И такъ оно должно было въ пустынѣ умереть. Сыны его, которымъ проповѣдуется единый *Егова*, Богъ праотцевъ ихъ, Господь и Творецъ міра, также требовали времени укрѣпиться въ вѣрѣ сему Богу, требовали времени научиться мысленно, не имѣя предъ глазами чувственныхъ изображеній, покланяться ему; и вся установляемая на семъ основаніи конституція не могла бы быть прочною, если бы народъ вдругъ раздѣлился на разныя провинціи, если бы онъ прежде не полюбилъ тѣхъ законовъ, которые должны остаться непремѣнными для него, для потомства. Также и священникамъ надобно было короче узнать свои должности, вникнуть въ существо обширной законодательной системы. На сей конецъ Моисей направляетъ путь свой въ пустыню, къ Синаю; 2. Моис. III. 12. Ибо гора сія заранѣе была ему назначена мѣстомъ, гдѣ онъ, при содѣйствіи Бога, дол-

женъ былъ торжественно дать народу своему новую конституцію.

Вода, сдѣланная Моисеемъ годною для питья.

Благій Промыслъ, блюдущій Израиля, сопровождаетъ его и на пути; но безпокойной, строптивой духъ, при каждомъ непріятномъ случаѣ обнаруживающійся, открылся и здѣсь, когда Израильтяне пришли въ страну, гдѣ не было воды, годной для питья; гл. XV. Моисей помогъ недостатку чудеснымъ средствомъ. Провидѣніе такъ расположило, что онъ заранѣе узналъ страну сію, и теперь, когда она служитъ театромъ, для него познаніе сіе уже очень полезно. Нося на себѣ высокій характеръ посланника Божія, ему нужно было воспользоваться симъ случаемъ и указать строптивымъ десницу, имъ покровительствующую.

Крастели и манна небесная.

Во второй мѣсяцъ исхода открылся новый поводъ къ тому. Возсталъ ропотъ на недостатокъ припасовъ. Тутъ, исполненный теплой вѣры къ Господу Моисей, обѣщаетъ народу въ слѣдующій день и мясо и хлѣбъ. Въ самомъ дѣлѣ къ вечеру на станъ слетѣли цѣлое стадо крастелей. Поелику саранча въ Аравіи густыми ту-

чами носится надъ полями и составляетъ обыкновенную пищу жителей; то нѣкоторые подъ словомъ крастелей разумѣютъ саранчу. Другіе толковники, опираясь на свидѣтельствѣ тѣхъ, кои въ своемъ путешествіи коротко познакомились съ сею страною, охотнѣе оставляютъ слово въ первомъ его значеніи; потому что въ сихъ странахъ иногда цѣлыя стада крастелей прилетаютъ изъ за моря, и будучи утомлены долгимъ полетомъ перепархиваютъ послѣ медленно по землѣ, такъ что ихъ легко можно хватать шутъ руками. Симъ образомъ хотя и не нужно принимать здѣсь собственнаго чуда; однакожъ увѣренность, съ каковою Моисей предсказалъ сіе приключеніе, тѣмъ не мѣнѣе доказываетъ всегдашнее присутствіе духа Божія въ немъ. Въ слѣдующее утро вся земля покрыта была *манною*. Что бы манна не была извѣстна въ Египтѣ, а особливо Израильтянамъ, которые иногда заходили далеко въ Аравійскія пустыни, и что бы она получила и названіе свое отъ ихъ удивленія; это не вѣроятно. По описанію она похожа на манну натуральную, которая въ Персіи, Аравіи и даже Ханаанѣ выступаетъ въ лѣтніе мѣсяцы по ночамъ изъ листовъ извѣстныхъ кустарниковъ: она стрясается предъ восхожденіемъ солнца маленькими крупинками. Но если бы эта манна была натуральная; если допустить, что не она одна служила пищею для народа во все

продолженіе пути; то не льзя согласить другихъ обстоятельствъ историческихъ; именно: что ее находили всегда, во всякое время года; что самъ народъ считалъ ее благословеніемъ небеснымъ, знакомъ отеческой попечительности Еговы объ немъ; что Моисей, въ память низпаденія, велѣлъ наполнить ею сосуды и хранить въ Кивотѣ.

Еще не все; народъ, пришедши въ Рифидину, находитъ источники высохшими: новый ропотъ. Здѣсь Моисей, призвавши въ помощь Господа, повелѣваетъ собраться всему Израилю; идетъ предъ ними, сопровождаемый старѣйшинами, къ горѣ *Хоривѣ*, бьетъ жезломъ въ скалу — и въ виду народа истекъ ручей воды свѣтлой. Путешественникамъ и до сихъ поръ показываютъ скалу сію, изъ которой вытекающій источникъ и теперь увлажаетъ вокругъ его лежащую долину. Скала сія дѣйствительно называется у Аравлянъ камнемъ Моисеевымъ; но Исторія библейская вѣрнѣе словесныхъ преданій.

Огненный столпъ.

Не поступая далѣе, я долженъ сказать нѣсколько словъ объ огненномъ и облачномъ столпѣ, предшествовавшемъ на пути предъ полкомъ Израилевымъ. Извѣстно, что нѣкоторые ученые, что бы сдѣлать всѣ чудеса подозрительными, или по крайней мѣрѣ, что бы не накоплять ихъ безъ мѣры, называютъ сей столпъ облач-

ный обыкноненнымъ столпомъ дымнымъ отъ горящаго походнаго свѣтила, которой столпъ у Моисея только описанъ величественно. Пусть будетъ, что въ древнія времена, особливо въ жаркихъ странахъ, гдѣ переходы возможны только ночью, и очень тяжелы днемъ, по причинѣ зноя удушающаго, употребляли лампады сіи, и покой, или движеніе ихъ служили сигналомъ къ походу, или отдыху. *Александръ Великій* перенялъ сіе употребленіе у Персіянъ; Магометане и теперь употребляютъ его, когда со своими караванами ходятъ въ *Мекку*. Но при всемъ томъ, что надобно быть разборчиву при разсматриваніи чудеснаго, тѣмъ больше, что истина чудесъ, при исходѣ сотворенныхъ, совершенно уже доказана: не простительно однакожъ будетъ, если мы пышное описаніе счетши только краснорѣчіемъ, столпъ огненный и облачный примемъ за натуральные; если согласимся, что столпы сіи были отъ свѣтильника, которой будто несли предъ кивотомъ. Никакъ; народъ видѣлъ въ семъ столпѣ Ангела, путь имъ показующаго; народъ видѣлъ Бога, непосредственно ими правящаго въ шествіи ихъ. Если изъяснять все случившееся съ Израилемъ просто, забывши великой, благодѣтельной планъ, какой хотѣлъ Эгова исполнить чрезъ него; то нѣтъ нужды говорить не натурально. Но когда вспомнимъ, что народъ Еврейскій долженъ былъ ук-

рѣпиться въ чистѣйшемъ познаніи о единомъ Богѣ, о всеправящемъ его Провидѣніи,—въ познаніи, которое въ наши только времена взошло въ область ума, но котораго не имѣли и самые просвѣщеннѣйшіе древніе народы, и котораго тѣмъ больше не могъ пріобрѣсть разумъ человѣческій самъ собою во времена Моисеевы; — ибо нѣтъ ничего труднѣе, какъ представить Бога существомъ безтѣлеснымъ, совершеннѣйшимъ, единымъ; не допустить для постепенности Боговъ нижшихъ; когда вспомнимъ, говорю, все это: то надобно согласиться, что народъ грубый, чувственный, имѣлъ нужду въ сильномъ увѣреніи, что бы принять, запечатлѣть въ себѣ высокую истину; и сіе увѣреніе было сорокалѣтнее чудо, столпъ не изчезающій надъ Кивотомъ святымъ! И Моисей, при всемъ благоразуміи своемъ, могъ ли бы удержать 40 лѣтъ въ пустынѣ народъ, начинавшій уже чувствовать силы свои, часто торжествовавшій надъ непріятелями своими, сдѣлавшійся воинственнымъ; могъ ли бы не допустить его до земли обѣтованной, которая всегда была близка: если бы не былъ столь чудеснымъ образомъ покровительствуемъ Богомъ?

Явленіе Господа на горѣ Синайской.

Въ третій мѣсяцъ исхода наконецъ достигнулъ Израильскій народъ *Пустыни*

Синайской—мѣсто, гдѣ, онъ долженъ былъ принять новые законы, новую конституцію. Полкъ долженъ былъ остановиться противъ горы прямо. Ибо надобно было, чтобъ народъ видѣлъ всю славу Бога, ихъ водившаго въ Моисеѣ; надобно было, чтобъ онъ принялъ законы, не какъ человѣческіе, но какъ Божественные, и покорился бы имъ, какъ законамъ Божескимъ. Я говорю, что народу нужно было видѣть славу Бога своего и Божественность законовъ. Это не значитъ однакожъ, что бы великія свѣденія и благоразуміе Моисеево совершенно были не значительны при семъ законодательствѣ. Сего чрезвычайнаго человѣка Богъ избралъ для великаго дѣла прежде рожденія его, такъ какъ онъ избираетъ другихъ людей въ орудіе своего Промысла всеблагаго. Онъ даетъ душамъ ихъ необыкновенныя способности, такъ правитъ жизнію ихъ, что обстоятельства, случаи способствуютъ къ образованію душевныхъ ихъ качествъ, что бы въ то время, какое изберетъ Премудрость его, тѣмъ вѣрнѣе могли они исполнить его назначеніе. Въ глазахъ нашихъ такіе люди дѣйствуютъ, какъ люди; а въ самомъ дѣлѣ они суть орудія въ десницѣ Божіей, которыми исполняется предначертанное въ совѣтѣ вѣчномъ. Такъ точно избралъ Богъ и Моисея, когда хотѣлъ имъ возвысить, прославить Израиля. Величіе духа было какъ бы врожденно Мои-

сею. Чудеснымъ образомъ Провидѣніе назначило ему жилище въ младенчествѣ при дворѣ Египетскомъ подъ надзираніемъ мудрецовъ тамошнихъ, гдѣ онъ, живя до самыхъ лѣтъ мужества, могъ легко образовать великіе таланты свои, могъ снискать опытность и свѣденія, нужныя для его назначенія будущаго, а вмѣстѣ жалкое зрѣлище — народъ Еврейской, завлеченный отъ истиннаго Богопознанія къ мечтамъ суевѣрія, народъ между тѣмъ угнетаемый — это зрѣлище усиливало въ немъ вѣру къ Богу отцевъ, къ единому Творцу и Правителю міра, дѣлало на сердце его глубокое впѣчатлѣніе, возбуждало въ немъ благородную ревность по истинѣ; въ 40 лѣтнее пребываніе свое въ Аравіи, онъ могъ думать о великости, важности своего намѣренія, и зная по преданію, что Богъ обѣщалъ племени Авраамову землю Ханаанскую, полагая, что время исполненія обѣтовъ Божескихъ близко, тѣмъ больше могъ онъ быть рѣшительнымъ. Своего великаго назначенія онъ еще не зналъ; но какъ наступила минута; то Егова и призываетъ его, и съ сей поры онъ уже больше не человѣкъ; но посланникъ Божій. По чудесамъ, какія Богу угодно было сотворить чрезъ него, онъ самъ чувствовалъ свое достоинство; чувствовалъ, что всѣ мысли его, всѣ дѣла его будутъ не его, но отъ Бога; тѣ же самыя чудеса подвигли Израиля, признать въ немъ вождя своего, Богомъ избраннаго,

И такъ можно ли, что бы Моисей съ обширнымъ образованнымъ умомъ, никогда не терявшій изъ виду своего великаго званія,—можно ли, что бы онъ не думалъ, не разсуждалъ о законахъ и постановленіяхъ, которые должны составлять систему Богослуженія, систему гражданственную для народа, идущаго населить Ханаанъ? И льзя ли, чтобы Богъ избравшій, просвѣтившій Моисея, ничего въ семъ случаѣ не предоставилъ его благоразумію; но всѣ законы, всѣ установленія, всѣ обряды далъ бы не посредственно отъ себя? По этому—всѣ дарованія душевныя уже безъ цѣли; а самой дикой пастухъ могъ бы столькожъ хорошо быть на его мѣстѣ. Но кто не видитъ во всѣхъ законахъ Моисеевыхъ, во всѣхъ расположеніяхъ его, человѣка опытнаго, знающаго свѣтъ, людей, воспитаннаго въ Египтѣ? О! я не съ тѣмъ говорю это, что бы конституцію народа Израильскаго назвать произведеніемъ ума человѣческаго. Планъ всеобщаго просвѣщенія міра, которому Религія Евреевъ должна была служить основаніемъ; высочайшія намѣренія, коихъ тѣнь только одна скрывалась въ книгахъ Пророка перваго— все это выше ума человѣческаго; и здѣсь не льзя неузнавать Божества вседѣйствующаго. И такъ законы Моисеевы, при всемъ ихъ внутреннемъ достоинствѣ, казалось бы суть человѣческіе; но они Божественны. Государь, открывая Министрамъ свои

намѣренія, свои планы, предоставляетъ исполненіе сихъ плановъ благоразумію самихъ Министровъ; но, тогда, какъ законы уже подписаны, обнародованы, — тогда они имѣютъ на себѣ печать Монарха, выражаютъ волю его. Та же цѣль была и присутствія Еговы на Синаѣ, во все время пребыванія на ней Моисея. Слава, осіявшая его тогда, была торжественнѣйшимъ свидѣтельствомъ, что всѣ законы, какіе Моисей даетъ народу, суть законы Еговы. По исторіи библейской все, что ни говоритъ, что ни дѣлаетъ Моисей, есть непосредственно Божіе. И точно-Моисей ничего не говоритъ, ничего не дѣлаетъ самъ собою; онъ есть Герольдъ, возвѣщающій волю своего Господа. Всѣхъ обстоятельствъ, на горѣ Синаѣ случившихся, я не буду описывать; коснусь только существеннаго.

Все произшествіе было самое торжественное, какое только, по тогдашнимъ понятіямъ и способностямъ народа, могло сдѣлать въ немъ наиболѣе сильное впечатлѣніе. Тогда думали, что Богъ живетъ только на небѣ, во свѣтѣ, и—если онъ снизходитъ на землю, то снизходитъ на горы; громы возвѣщаютъ низхожденіе его. Въ громахъ говоритъ онъ къ Моисею. Послѣ перваго короткаго пребыванія на горѣ, Моисей является къ народу, и именемъ Божіимъ вѣщаетъ, глав: XIX: *сами видѣсте, елико сотворихъ Египтяномъ, и подьяхъ васъ, яко на крылѣхъ орлихъ, и приведохъ*

васъ къ себѣ; и нынѣ, аще слухомъ послушаете гласа моего, и сохраните завѣтъ мой; будете ми людіе избранни отъ всѣхъ языкъ: моя бо есть вся земля, и я Богъ не одной страны, не одного народа, но есмь Господь всего міра, на всѣ народы безъ исключенія призираю; ты же Израиль! *будешъ для меня царское священіе, языкъ святъ;* ты будешъ одинъ народъ, который, бросивши всю нечистоту идолослуженія, мнѣ одному поклонишися, и тѣмъ отличишся отъ прочихъ языковъ, и тогда явлюсь тебѣ во славѣ моей. *Отвѣщаша же вси людіе единодушно рѣша: вся елика рече Богъ, сотворимъ и послушаемъ.*

Скрижали заповѣдей.

Между тѣмъ, что бы благоговѣйный ужасъ въ народѣ увеличить, что бы присутствія Божія ждали со страхомъ, съ сердцемъ чистымъ,—Моисей за три дни до явленія Еговы повелѣлъ всѣмъ очиститься, вымыть платье; и что бы еще сильнѣе было впечатлѣніе, повелѣваетъ вкругъ горы провести у ея подошвы линію, которую подъ смертною казнію запрещаетъ переступать; даже скотъ, перешедшій черту, не избѣжалъ бы смерти. Наконецъ гора покрывается густыми облаками; огненная молнія вылетаетъ изъ нихъ; удары громовые повторяются другъ за другомъ: гора

колеблется, и се — снизходитъ Господь. (Какъ не похоже химерическое откровеніе *Миноса, Нумы и Магомета* на сіе истинное, величественнѣйшее!...) Моисей ведетъ народъ изъ лагеря къ горѣ, ст. 17, что бы онъ самъ видѣлъ и увѣрился за ранѣе въ истинѣ и Божественности законовъ, которые приметъ отъ рукъ его. Гл. XXIV. 9. Потомъ въ сопровожденіи Аарона и 70 старѣйшинъ народныхъ идетъ на гору; но симъ повелѣваетъ остаться у ея подошвы въ нѣкоторомъ отдаленіи; одинъ восходитъ на вершину, теряется въ облакахъ, и возвращаясь сноситъ первые законы, гл. XX. 21. 22. 23., прочитываетъ ихъ народу, какъ завѣтъ, сдѣланный Богомъ съ Израилемъ. Народъ, устрашенный грознымъ явленіемъ, отвѣтствуетъ гласомъ единымъ: *вся словеса, яже глаголи Господь, сотворимъ и послушаемъ;* и тутъ же соглашается всѣ законы, какіе бы ни далъ имъ Моисей, принять и соблюдать какъ Божественные, какъ самимъ Богомъ начертанные. Что бы сіе принятіе закона —сего завѣта между Богомъ и Израилемъ— было виднѣе, истиннѣе, въ слѣдующее утро Моисей воздвигаетъ алтарь; въ показаніе, что всѣ 12 колѣнъ равно участвуютъ въ завѣтѣ, ставитъ 12 столповъ вкругъ алтаря, повелѣваетъ народу принести жертву; (въ такомъ случаѣ жертва тогда значила клятву— не отступать отъ договоровъ, на которые соглашались.) При

ь Моисей собираетъ кровь отъ убива-
іхъ животныхъ въ чаши, и половину
иваетъ на алтарь, а прочею окропля-
› народъ съ словами: *се кровь завѣта,*
же завѣща Господь съ вами о всѣхъ
весѣхъ сихъ. Такія жертвы у всѣхъ
знихъ народовъ значили торжествен-
обязательство при взаимныхъ дого-
ахъ; при чемъ тотъ, кто обязывается,
инаетъ себя, что если не устоитъ онъ
договорѣ, то да проліется кровь его,
ъ какъ ліется она изъ закалаемаго жи-
наго; гл. XXIV. 12. 15. Моисей восхо-
ъ опять на гору, для составленія Бо-
уженія общественнаго и для принятія
ти заповѣдей, долженствовавшихъ ос-
ться основаніемъ Религіи и гражданст-
начертанныхъ на двухъ дскахъ камен-
ъ; такимъ образомъ оригиналъ могъ
ь прочнѣе; гл. XXV.—XXXI. Святость
нов тѣмъ была явственнѣе и сильнѣе,
ъ очевиднѣе народу было, что они на-
аны перстомъ Божіимъ. Изъясненіемъ
я не хочу прерывать здѣсь Исторіи,
ъ больше, что будетъ случай въ по-
ствіи говорить о семъ. Также не вой-
ъ изслѣдованіе способовъ, какъ тогда
ывали. Такія ученыя разсматриванія не
ѣчаютъ цѣли моей. Что письмо бук-
ное въ сіе время было уже извѣстно;
этомъ я упоминалъ въ своемъ мѣстѣ.
ло сей поры *Цекропсъ* принесъ литте-
ную азбуку изъ Финикіи въ Грецію, и

Геродотъ находилъ Іоническія буквы древнія очень похожими на Финикійскія. Вѣроятно, и при семъ случаѣ употребленныя буквы были одного происхожденія и одной фигуры; но со временемъ однообразность затерялась, и каждый народъ имѣлъ уже отлично свои. И поелику сей легкій способъ письма, изображающаго звуки, былъ уже въ употребленіи; то натурально, что вмѣсто каменныхъ, металлическихъ или деревянныхъ таблицъ, нашли для письма больше удобные матеріялы, которые могли бы свертываться въ свитки, могли бы составлять книги. Что у Моисея были такіе матеріалы, сіе доказываетъ книга, въ которой онъ написалъ первые законы, и которую при торжественномъ жертвоприношеніи читалъ народу. Нѣтъ нужды, изъ чего бы ни состояла матерія, на которой писано. Собственно такъ называемая Египетская бумага, которую вообще всѣ писавшіе употребляли во времена господствованія Грековъ въ Египтѣ, и которая потому составляла значительную часть торговли,—кажется *до Александра Македонскаго*, по худой своей обдѣлкѣ, не была въ употребленіи; слѣдовательно тѣмъ менѣе въ Моисеево время. Эта матерія (впрочемъ всего вѣрнѣе,) была полотно изъ хлопчатой бумаги, которую и теперь находятъ въ гробахъ мумій: на семъ полотнѣ можно писать чисто и ясно. Между тѣмъ законы, уложенія, договоры всегда

вырѣзывались для прочности на каменныхъ, свинцовыхъ и другихъ металлическихъ доскахъ. Іовъ въ гл. XIX. 23. восклицаетъ: *кто далъ бы, да напишутся словеса моя, и положатся она въ книзѣ во вѣкъ; и на дщицѣ желѣзнѣ, или оловѣ и на каменіяхъ изваются!* — Какъ бы то ни было, первыя скрижали не уцѣлѣли. Ибо какъ народъ почиталъ Моисея погибшимъ, по причинѣ его сорокодневнаго замедленія на горѣ, и не видя облака на вершинѣ, думалъ, что Богъ, до сихъ поръ охранявшій его, Богъ изведшій его изъ Египта, оставилъ, забылъ Израиля; то и принудилъ Аарона сотворить ему *кумира*, который бы предшествовалъ ему на остающемся пути. Онъ не хочетъ оставить Бога отцевъ своихъ, Эговы; но поелику нѣтъ больше Моисея, то онъ требуетъ чувственнаго кумира, осязаемаго присутствія Божества.—*Ааронъ* изъ страха повинуется народу; по обычаю Египтянъ, у коихъ Боговъ представляютъ животныя, избираетъ для сего кумиръ *Аписа*, высшаго изъ Боговъ Египетскихъ, и къ которому конечно Евреи присмотрѣлись уже, живши въ царствѣ Фараоновомъ. Ааронъ показываетъ народу модель; и потому что она изображала знакомаго ему истукана, всякой, у кого что было золотаго, отдаетъ для слитія полнаго кумира. Потомъ Израиль приноситъ жертву Богу своему въ семъ истуканѣ; праздникъ заключается пляскою

и другими забавами, по обычаю Египтянъ.

Показаніе *Діодорово*, будто Египтяне при Богослуженіи не имѣли музыки, между прочимъ опровергается примѣромъ *Маріамы*. Можетъ быть во времена *Діодоровы*, когда тиранствовали Греки, Египетское Богослуженіе было степеннѣе; можетъ быть *Діодоръ* видалъ только печальныя торжества.

Златый телецъ.

Моисей, услышавъ на горѣ необыкновенный шумъ, низходитъ узнать причину; и какъ велика была горесть его, когда видитъ онъ народъ, не давно предъ тѣмъ поклявшійся—не творить никакого кумира, никакого подобія Богу своему; видитъ сей народъ покланяющимся истукану! Праведный гнѣвъ исполняетъ сердце его; онъ не можетъ снести буйственнаго изступленія Израильтянъ: выпускаетъ изъ рукъ скрижали, и обѣ доски разбиваются на части. Что ему дѣлать съ истуканомъ? — Что бы больше, сильнѣе дать народу почувствовать его глупость суевѣрную, онъ сжигаетъ тельца, превращаетъ въ пыль, бросаетъ пыль въ источникъ, текущій отъ горы, и приказываетъ пить воду. — Не льзя больше усилить мученіе совѣсти!....

Сей золотой истуканъ всегда казался важнымъ предмѣтомъ для враговъ Моисеевыхъ. Они спрашиваютъ: — „какъ могло

найтись такое множество золота у Израильтянъ; какъ могъ Моисей превратить золото въ пыль?"—И такъ сіе обстоятельство въ Исторіи требуетъ остановки. Что касается до перваго, то глупо бы было воображать кумиръ массистымъ, колосальнымъ столько, что всего золота народнаго будто бы недоставало къ тому. Кумиръ, который надобно было поставить на Олтарь, который надобно было носить предъ народомъ, долженъ ли имѣть полную величину вола и народу не то ли только нужно было, что бы успокоивать себя мыслію: *Богъ присущъ ему*! Къ томужъ изъ Исторіи извѣстно, что золота въ древнія времена находили очень много. Множество его въ Аравіи, по описанію древнихъ, не вѣроятно велико. И если небосклонъ въ 365 локтей величины, слитой изъ золота надъ гробомъ Азимандуса, не возможенъ; все однакожъ, по свидѣтельству Историческому, Египетъ былъ богатъ симъ металломъ дорогимъ. Въ доказательство, что и Израильтяне не имѣли въ немъ недостатка, мы находимъ у нихъ Священныя вещи, или цѣльно золотыя, или обложенныя золотомъ. Впрочемъ — если сказанное еще неудовлетворяетъ противниковъ; то мы скажемъ далѣе, не противорѣча тексту, —что *Ааронъ* сдѣлалъ тельца изъ дерева, а золотомъ только оковалъ его, какъ окованъ былъ послѣ Кивотъ завѣта, и какъ обыкновенно дѣлались истуканы у языч-

никовъ, Іис. XXX. 22. И такъ Моисею легко было и сжечь кумиръ, хотя къ неудовольствію враговъ Религіи доказано уже, что Египтяне еще прежде Моисея знали искуство растоплять металлы. — Между тѣмъ, поелику поклоненіе Богу безъ всякаго чувственнаго подобія составляло главный законъ Религіи установляемой, составлало даже законъ Государственный, и съ нарушеніемъ сего закона сопряжено паденіе всей конституціи, потому что народъ впалъ бы такимь образомъ въ идолопоклонство: для того благоразуміе требовало, нарушеніе важнѣйшаго закона и нарушеніе первое — наказать со всею строгостію. И такъ Моисей повелѣваетъ Левитамъ безъ различія лицъ умертвить тѣхъ, которые смѣютъ и предъ его глазами кощунствовать, которые не прерываютъ безумныхъ игрищъ въ честь суевѣрію. Кровь 3000 человѣкъ была казнію за клятвопреступленіе, а для Левитовъ это былъ сильный урокъ, какъ должны они уважать цѣну законовъ имъ повѣряемыхъ; ст. 29. На другой день, когда народъ былъ еще въ унынія, Моисей говоритъ ему о великости грѣха его и возвращается на гору, обѣщаясь испросить ему помилованіе у Господа. — Господь помиловалъ; но Моисей напоминаетъ Израильтянамъ, что если они будутъ еще также безумны и сотворятъ себѣ кумира, то лишатся милосердія Эговы; увѣряетъ, что Богъ есть невидимъ; сказываетъ, что онъ

думалъ имѣть особливую благодать, чтобъ узрѣть лице Божіе, но ему было отвѣтствовано Господомъ: *Азъ предъиду предъ тобою славою моею и помилую, его же аще милую, и ущедрю, его аще щедрю.* (Какую послѣ того довѣренность долженъ имѣть народъ въ Вождю своему!) *но не возможеши видѣти лица моего.* Послѣ явленія, поразившаго Израильтянъ, вынудившаго у согрѣшившихъ слезы покаянія смиреннаго, Моисей описываетъ въ сильныхъ выраженіяхъ милость и правду Божію: *Господь, Господь Богъ щедръ и милостивъ, долготерпѣливъ и многомилостивъ и истиненъ. И правду храняй и творяй милость въ тысящи, отъемляй беззаконія и неправды и грѣхи, и повиннаго не очиститъ; наводяй грѣхи отцевъ на чада и на чада чадъ до третіяго и четвертаго рода;* за тѣмъ коротко повторяются главные законы.

Все произшествіе кончилось тѣмъ, что Моисей взялъ двѣ новыя дски, и взошедши опять на гору, тамъ отъ Бога получилъ еще разъ десять заповѣдей, которыя должны были храниться въ Кивотѣ завѣта, какъ памятникъ милосердія Божія. Послѣ сорокодневнаго осіянія славы на Синаѣ, кто могъ сомнѣваться въ Божественности всего того, что ни написалъ великій вождь Израиля! Прочіе законы онъ давалъ уже предъ скиніею, надъ коею однакожъ, въ знаменіе Божія присутствія, стояло облако свѣтлое.

Повѣствуется, что когда Моисей сшелъ съ горы, Ааронъ и народъ не могли смотрѣть на лице его, потому что свѣтъ ослѣпляющій исходилъ отъ лица.—Это не есть невозможность. Ангели, блаженствующіе лицезрѣніемъ Божіимъ, являются свѣтлыми; почему же и Моисею, который былъ столько времени осіяваемъ божественною славою, не измѣнится въ лицѣ своемъ?—Какъ бы то ни было; народъ молилъ, да является онъ предъ нимъ съ лицемъ покровеннымъ.

Моисей строилъ потомъ скинію — походный храмъ; готовилъ богатыя утвари, нужныя для Богослуженія. Великолѣпіе нужно для чувственности народа, который не могъ еще забыть пышности обрядовъ Египетскихъ. И сія Скинія почиталась домомъ Божіимъ; предъ нею съ сей поры все уже дѣлалось; предъ нею давалъ Моисей законы, учреждалъ, располагалъ. Нѣтъ лучшаго, нѣтъ совершеннѣйшаго средства—увѣрить въ истинѣ слабыхъ человѣковъ! Израиль видитъ Символъ присутствія Божія, видитъ Кивотъ, заключающій въ себѣ десять заповѣдей святыхъ — и покланяется Эговѣ, не имѣя чувственнаго изображенія собственно Его. Когда все было совершенно; когда написаны были законы, касательно Богослуженія и порядка гражданскаго; когда здѣланы были нужныя распоряженія для дальнѣйшаго похода; то и дано повелѣніе—снять лагери. Но едва прошло нѣ-

сколько дней путевыхъ, какъ безпокойный народъ и опять уже ропщетъ; ропщетъ на то, что у него нѣтъ мяса, нѣтъ луку и другихъ растѣній, къ которымъ онъ привыкъ въ Египтѣ, — что принужденъ питаться только манною.

Несправедливо думали нѣкоторые, что поелику многія растѣнія въ Египтѣ посвящены были божествамъ, то будто и самимъ растѣніямъ, и между ими особливо чесноку воздаваемо было божеское чествованіе; на чемъ основывается и шутка *Ювеналова*, когда онъ говоритъ, что *Египетскіе Боги растутъ въ огородахъ*. Растѣнія въ сей странѣ составляли главную пищу, и только морской лукъ былъ неснѣдной, какъ посвященный Тифону—злому духу. Народъ Израильской, вмѣсто требуемаго мяса, опять получаетъ крастелей. Но возмущеніе народа такъ было велико, что Ааронъ и Маріамъ участвовали въ немъ противу Моисея. Сей безъ непосредственной Божіей помощи, при всей терпѣливости, при всемъ благоразуміи, не имѣлъ бы силъ удержать въ порядкѣ возмутившихся.

Тридцати-осми-лѣтнее странствованіе.

Въ семъ еще году Израильтяне были близки къ Ханаану; гл. XIII. 4 кн. Моис. *Моисей*, избравъ изъ каждаго колѣна по одному человѣку надежному; послалъ ихъ съ препорученіемъ — узнать страну, каче-

ство земли, плодоносность ея, число, характеръ жителей и образъ жизни ихъ, — все до подробности. Сорокъ дней спустя они возвращаются назадъ, и не могутъ изобразить богатства земли. Въ доказательство плодоносности принесли они виноградную кисть удивительной величины. Но описаніе многолюдства въ Ханаанѣ, воинственнаго духа и гигантскаго роста жителей, обширности и крѣпости ихъ городовъ—было такъ страшно, что народъ явно взбунтовалъ, гл. XIV; требовалъ, искалъ вождя, которой бы возвратилъ его опять въ Египетъ. *Моисей*, *Ааронъ*, *Іисусъ Навинъ*, *Халевъ*—все употребили, что бы успокоить народъ; но онъ тѣмъ больше неистовствовалъ, и хотѣлъ побить камнями проповѣдниковъ мира: облако стоящее надъ Скиніею образумило бѣснующихся. Потомъ Моисей, воззванный Богомъ, взошелъ въ скинію; и рѣчью, которую послѣ говорилъ, и въ которой описалъ, какъ молился онъ за грѣшниковъ предъ Господомъ, какой получилъ отвѣтъ, такъ тронулъ народъ, что онъ, не смотря ни на что, устремился воевать за Ханаанъ. Но сраженіе было безъ порядка со стороны Израильтянъ; Моисей не хотѣлъ сраженія, оставилъ ихъ себѣ самимъ, и горные народы, на которыхъ напали было, прогнали ихъ съ урономъ. И такъ воля Эговы исполнилась; Израильтяне еще 36 лѣтъ должны были оставаться

въ пустынѣ; между тѣмъ духъ возмущенія смирился, память о Египтѣ терялась, и прежде нежели наслѣдили землю обѣтованную, дѣти изшедшихъ изъ Египта привыкли къ новымъ законамъ.

Что бы хотѣлъ Моисей самъ собою 38 лѣтняго удаленія Израильтянъ отъ Ханаана; это всего не возможнѣе. Ему было уже 82 года, и онъ могъ думать о смерти; кромѣ того льзя ли, что бы онъ попустилъ охладѣть ревнію народному? Что вѣроятнѣе, когда самъ народъ устремился сражаться съ иноплеменниками? Стоило бы только поддержать духъ, управить симъ стремленіемъ; но воля Божія была не такова.

Извѣстно, что описаніе великой плодородности Ханаана, здѣсь помѣщенное, не безъ противорѣчія. Но одного свидѣтельства *Тацитова*, который сравнивалъ обѣтованную землю съ Италіею, довольно, что бы выраженія противниковъ остались незначительными. Не смотря на то, что Ханаанъ цѣлыя 18 столѣтій былъ почти безпрестанно опустошаемъ; не смотря на то, что и теперь *Турки* и *Арабы* тамъ господствуютъ; все онъ, по свидѣтельству достовѣрнѣйшихъ путешественниковъ, есть страна плодороднѣйшая; грунтъ тамошній производитъ тамъ и теперь всякихъ родовъ плоды: фиги, смоквы, сливы и виноградъ. *Шульцъ* видѣлъ тамъ кисть виноградную не меньше той, какая описана у Моисея.

Наказаніе строптивыхъ.

Тридцати-осми-лѣтняя Исторія Евреевъ очень коротка. Они доходили опять по пустынѣ до Краснаго моря. Сего оборота страннаго причиною было новое возмущеніе, но возмущеніе не народа, а заговоръ составили противъ Моисея и Аарона Левиты съ знатнѣйшими изъ колѣна Рувимова,—люди участвовавшіе въ совѣтахъ вождя Божественнаго, гл. XVI. *Рувимляне* съ негодованіемъ смотрѣли на то, что принуждали ихъ удалятьса отъ земли обѣщанной, которая по описанію такъ прекрасна; а *Левитовъ* вооружала ненависть къ Аарону и роду его; тѣ и другіе думали, что два брата похитили власть надъ народомъ; между тѣмъ какъ права всѣхъ Израильтянъ равны. Моисей со всемъ величествомъ, свойственнымъ ему, говоритъ о безкорыстіи своемъ, увѣряетъ въ своей невинности, и въ тоже время ссылается на избраніе Божіе; въ слѣдующій день собираетъ возмутившихся Левитовъ предъ Скиніею свидѣнія и предъ лицемъ всего народа объ оправданіи его молитъ Господа, гл. XVI. Потомъ, сопровождаемый старѣйшинами, идетъ къ кущамъ другихъ возмутителей, повелѣваетъ сонму отступить и говоритъ такъ: „*въ семъ познаете, яко Господь посла мя сотворити вся дѣла сія: аще смертію всѣхъ людей умрутъ сіи, и аще по присѣщенію всѣхъ*

человѣкъ посѣщеніе будетъ ихъ; то не Господь посла мене: но явно покажетъ Господь, и отверзши земля уста своя пожретъ я и домы ихъ, и кущи ихъ, и вся елика суть ихъ, и снидутъ живи во адъ, и увидите, яко разгнѣваша человѣцы сіи Господа." Едва онъ сказалъ—и въ виду всего народа земля разверзлась; и все, что непокорные ни имѣли своего, поглощено; въ туже пору земля заровнялась, и 250 Левитовъ, злобствовавшихъ на Аарона, поражены молніею. Это подало поводъ къ нѣкоторымъ новымъ распоряженіямъ въ Священствѣ и къ утвержденію Священства Ааронова. Далѣе въ 38 лѣтъ никакого значительнаго произшествія не случилось, кромѣ того, что въ первый мѣсяцъ 40 года народъ, уже на возвратномъ пути къ Ханаану, роптал по недостатку воды, и слѣдствіе ропота было тоже, какое и въ первые дни исхода его. Другой ропотъ родился въ народѣ, когда Моисей, почти къ самому Ханаану приближившись, взялъ направленіе другое за тѣмъ только, что бы не входить въ землю *Едомитянъ*, и привелъ народъ въ такую страну, гдѣ много змѣй, отъ укушенія которыхъ умирали Израильтяне. Народъ счелъ наведеніе змѣй наказаніемъ Божіимъ за непослушаніе, и молилъ Моисея да испроситъ милость отъ Господа. Чудесное средство спасало раскаявавшихся. Моисей сдѣлалъ змію металлическую, и повѣсилъ ее на деревѣ· одно воззрѣніе на сію змѣю изцѣляло укушеннаго.

Сіе не имѣетъ ни какого сходства съ поклоненіемъ змѣи у Египтянъ; здѣсь народъ видѣлъ только, что помощь получаемая имъ, есть непосредственна отъ Бога. Потому и *Спаситель* въ разговорѣ съ *Никодимомъ* сравниваетъ вознесеніе змѣи въ пустынѣ съ своимъ на крестъ вознесеніемъ; но сіе вознесеніе безконечно спасительнѣе для человѣковъ; *и увѣровавшій въ него имать животъ вѣчный.* Іоан. III. 19.

Сраженія Израильтянъ.

Наконецъ полкъ Еврейскій приближается къ Ханаану. Но какъ съ южной стороны путь чрезъ землю Едомитянъ загражденъ; то Моисей рѣшился итти восточною стороною. Здѣсь надобно было проходить области *Амморейскія* и *Моавитскія.* Царь Амморейскій не согласился ни на какія условія, предложенныя ему Моисеемъ и думалъ,— вооруженною рукою остановить Израильтянъ. Израильтяне сразились—и остались побѣдителями, и завладѣли землею Амморейскою. Царь *Васанскій* хотѣлъ также воспрепятствовать, и былъ также побѣжденъ. Оставалось только пройти предѣлы *Моавитскіе.*

Валакъ — Царь Моавитскій, не смѣя отважиться остановить Израильтянъ силою, не надѣясь, что бы сраженіе съ полками Еврейскими кончилось побѣдою на его сторонѣ, прибѣгнулъ къ средствамъ ме-

ніе убыточнымъ, но въ дѣйствительности коихъ онъ былъ увѣренъ. Призываетъ къ себѣ волхва *Валаама*, и проситъ его проклять сонмища, *Моисеемъ* водимыя, думая, что сихъ однихъ проклятій довольно для того, что бы отогнать враговъ отъ Царства своего. *Валаамъ* вмѣсто проклятія благословилъ потомковъ *Іаковлевыхъ*, и тѣмъ уничтожилъ всю надѣжду Царя Моавитскаго. Царь между тѣмъ находитъ средство другое. Онъ установляетъ торжественныя празднества въ честь Богу *Веору*, и повелѣваетъ приглашать на оныя Евреевъ, остановившихся лагеремъ не далеко отъ предѣловъ его—имѣя въ виду то, что бы вовлекши Израильтянъ въ нечестіе идолопоклонства, привлечь на главу ихъ гнѣвъ Бога Эговы. Не льзя успѣть болѣе, какъ онъ успѣлъ въ семъ случаѣ. Народъ бѣжалъ къ любострастнымъ женщинамъ, которыя были главными дѣйствующими лицами при тѣхъ торжествахъ; вмѣстѣ съ ними приносилъ жертвы, вмѣстѣ съ ними предавался распутству — и во всемъ станѣ Израильскомъ сдѣлался такой безпорядокъ, что Моисею, для прекращенія его, надобно было употребить всю власть свою, всю строгость. Больше знатныя изъ Израильтянъ, осквернившіе себя нечестіемъ, были повѣшены, а прочіе лишены жизни. Не смотря на строгость суда, развратъ такъ былъ великъ, что въ глазахъ Моисея, въ глазахъ народа, который раскаявался въ

грѣхѣ своемъ, *Замврій* изъ колѣна Симеонова не стыдился ввести съ собою въ кущу двухъ дочерей Мадіамскаго Князя. Правда, сія дерзость, на мѣстѣ же и наказана. Но что бы сильнѣе почувствовали отвращеніе къ идолослуженію, Моисей отомстилъ развратъ на двухъ Царяхъ Мадіамитскихъ, умертвивши ихъ и раззоривши ихъ Царства.

Послѣднее поученіе Моисеево къ народу.

Наконецъ Моисей привелъ народъ свой на границы земли обѣтованной; здѣсь оканчиваетъ онъ сороколѣтнее свое поприще; здѣсь онъ умираетъ. Но подобно солнцу, въ прекрасный Майскій день закатывающемуся въ кроткомъ величіи, подобно сему свѣтилу приближается къ гробу великой человѣкъ, который во всемъ, что ни дѣлалъ, былъ благороденъ, чистъ въ душѣ своей;—слава Божія и благо народа ему ввѣреннаго—были единственными предмѣтами его усилій, стремленій. Знаетъ *Моисей*, что минута близка, и что онъ не можетъ войти въ землю, которая была цѣлію сороколѣтнихъ подвиговъ его; но такъ угодно было Богу, и сего довольно для успокоенія праведника. Мысль, что онъ пребылъ вѣренъ въ званіи своемъ, что онъ приближилъ Израиля къ странѣ щастливой; мысль, что народъ Израильскій будетъ блаженствовать; что покланяясь единому

истинному Богу, будетъ благословенъ Богомъ своимъ; — сія мысль восхищала его. Въ послѣдній разъ прочитываетъ онъ законы, которые особливо нужны для свѣдѣнія народнаго, минуя тѣ, кои собственно касаются до Левитовъ. Какъ выразительны, какъ трогательны были слова его! Онъ говорилъ: „Израильтяне! вы будете образованный, мудрый, счастливый народъ, и имѣя законы столь справедливые, столь прекрасные! Знайте, что не мои законы сіи; нѣтъ! они Бога вашего. 5 кн. IV. 7. 8; ибо что я ни дѣлалъ, все—по непосредственному повелѣнію Божію, все Богомъ; вы сами тому свидѣтели; вы сами видѣли всѣ чудеса, которыми Богъ утверждалъ истинность званія моего, которыми онъ подкрѣплялъ меня, когда я ослабѣвалъ править вами. Вы сами были при Синаѣ и видѣли славное явленіе Божіе, видѣли свидѣтельство божественности законовъ, для васъ начертанныхъ. Когда вы пребудете вѣрны Богу, вамъ столь славно себя открываемому, презрите идоловъ мерзкихъ; когда вы соблюдете законы вамъ данные, совершенно посвятите себя Эговѣ единому: то благословеніе его почіетъ на васъ вѣчно, и счастію вашему позавидуютъ народы; но когда забудете свое достоинство, когда оставите Бога вашего, когда потеряете изъ виду святый законъ его; тогда тѣмъ страшнѣе будетъ судъ его надъ вами, тогда вы будете посрамлены предъ цѣлою все-

ленною.“ Сіе благословленіе, сіе посрамленіе онъ описываетъ живыми, разительными красками; гл. XX. Потомъ отдаетъ Левитамъ книгу, гдѣ написанъ весь законъ, гдѣ описано и сіе обѣщаваемое благословеніе, и сіе проклятіе грозное; что бы они сохранили ее на всегда, повелѣваетъ читать ее предъ народомъ, когда онъ чрезъ каждые 7 лѣтъ,—въ годъ покоя—собираться будетъ у Скиніи; ибо искуство писать тогда было не такъ всеобще, чтобъ каждый отецъ сѣмейства могъ списокъ съ книги имѣть у себя. Еще не все. Онъ сочиняетъ высокую, торжественную пѣснь. Прочитавши предъ народомъ, отдаетъ ее старѣйшинамъ и писцамъ, что бы они ее списали и выучили наизусть. Потомъ поручаетъ *Іисусу* взятіе *Ханаана.* Полное упованіе на Бога, никогда не оставлявшее его, сопровождало и на пути къ смерти. На могилѣ его не воздвигли памятника; — можноли, что бы тотъ, кто въ жизни гналъ идолопоклонство, могъ подать какой нибудь поводъ къ идолопоклонству сему по смерти? Памятникъ его есть,—что онъ былъ истинный посланникъ Божій, который воскресилъ вѣру первыхъ человѣковъ, вѣру во единаго Бога, Творца и Правителя міра— что онъ есть единственный законодатель всей древности, который поклоненіе сему Богу безъ всякаго чувственнаго изображенія сдѣлалъ Религіею народною, утвердилъ сію Религію такъ, что вѣра чистая никог-

да не могла запятнаться; утвердилъ Религію, которая долженствовала быть основою совершеннѣйшаго просвѣщенія міра. И онъ всѣми народами, покланяющимся Богу его, будетъ, доколѣ міръ стоитъ, почитаемъ, какъ великій Пророкъ, какъ великій посланникъ Божій!

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Моисеево ученіе о Богѣ.

То, что извлекъ я изъ Исторіи сего великаго мужа, довольно доказываетъ не только натуральные, чрезвычайные таланты; но и божественное его просвѣщеніе свыше, доказываетъ и Божественность его. Теперь разсмотрю только существеннѣйшее Религіи, имъ установленной.

Вся она основана на вѣрѣ во единаго Бога. *Азъ есмь Господь Богъ твой, да не будутъ тебѣ Бози иніи развѣ мене;* вотъ законъ Религіи, и первый законъ гражданскій. Первое понятіе о семъ Богѣ есть то, что онъ духъ. Въ заповѣди конечно выражено не тонкое метафизическое понятіе; но понятіе такое было несовмѣстно тогдашней степени народнаго просвѣщенія. Моисей говорилъ такъ, какъ требовалъ человѣческій разсудокъ тогдашняго времени, какъ сте-

пень образованности его позволяла. Довольно для человѣка вѣрить такъ, что бы ему казалось понятнымъ отношеніе между имъ и Богомъ, что бы онъ могъ чувствовать свою зависимость отъ него, какъ отъ Творца и Правителя міра, что бы онъ воображая безконечную премудрость и безконечное всемогущество его, могъ всею душею благоговѣть къ нему и покаряться Ему. И такъ Моисей хотѣлъ только, что бы народъ его представлялъ себѣ Бога существомъ жизнь дающимъ, независимымъ, безпредѣльнымъ, вездѣсущимъ, всевидящимъ, премудрымъ, всесвятымъ. Даже и сіи совершенства — свойства Божественныя—выяснены не отвлеченно, какъ выясняются у насъ теперь. Простыя, чувственныя описанія употреблены на то. „Сей Богъ живетъ надъ облаками, въ небесахъ; оттуда видитъ все, что ни дѣлается на земли; вопль угнѣтенной невинности доходитъ къ нему; и онъ, какъ праведный Судія, гнѣвомъ своимъ поражаетъ преступника; Онъ милостивъ къ человѣкамъ, если они покорны ему; наказываетъ, но пріемлетъ раскаяніе; особливо ревнуетъ за славу свою, и кто покланяется Богамъ ложнымъ, когда всякое поклоненіе ему одному принадлежитъ, тотъ есть врагъ ему." Языкъ совершенно понятію человѣческому сообразнѣйшій, какъ для просвѣщеннѣйшаго ума, такъ и для самаго простаго равносильный! Тогдашняя дикость народа, все-

общая расположенность къ идолопоклонству, требовали тѣмъ сильнѣйшихъ выраженій гнѣва и мщенія. Между тѣмъ такія идеи, не смотря на то, что тонъ рѣчи такъ простъ, ни мало не противорѣчатъ, не затемняютъ мысли о безпредѣльномъ величіи и совершенствѣ сего существа *Высочайшаго*, ни мало не ослабляютъ понятія о его нравственной сущности. Совсемъ другой языкъ у поетовъ языческихъ, когда говорятъ они о Богахъ своихъ. Ихъ *Юпитерб*, при всемъ своемъ величіи, остается человѣкомъ, съ слабостями человѣческими, увлекаемый подлыми, низкими страстями, побѣждаемый хитростями другихъ Боговъ, ограничивается въ своемъ могуществѣ. А Іегова, и когда говорятъ объ немъ языкомъ человѣческимъ, всегда есть Богъ всесовершенный, всесвятый, непостижимый, безъ сравненія, который всякое его изображеніе чувственное, обоготворяемое, называетъ оскорбленіемъ величества, который есть Господь вселенной, всеправящій, всесильный, который хотя и на небесахъ обитаетъ, но по своему всевѣденію и всемогуществу есть вездѣсущь; весь око, весь ухо, отъ кого ничто не скрыто, который все устрояетъ свободно, праведно, о которомъ человѣкъ не можетъ помыслить безъ внутренняго благоговѣнія, на котораго милосердіе и премудрость онъ можетъ совершенно надѣяться, если живетъ, покоряясь святой волѣ Его.

Азъ есмь сый: мысль самая высокая, какую только можетъ имѣть разумъ о семъ существѣ. Іегова, самъ собою не зависимо существующій отъ вѣчности, причина всѣхъ вещей, самъ не имѣющій начала, вѣчный, не измѣняемый, какъ открылъ себя съ первой минуты творенія, всевѣдущій, непремѣнный въ величіи своемъ, намѣреніяхъ, обѣщаніяхъ своихъ; Господь всей природы, не какъ душа міра, но отъ него совершенно не зависимый, какъ первая причина его, какъ Творецъ, который былъ, существовалъ прежде, нежели міръ словомъ его свое бытіе получилъ, который повелѣлъ быть небу и землѣ, который сказалъ и—появилось солнце, и родилась луна, и твердь звѣздами усыпалась, и все заняло свое мѣсто, и все пошло въ путь свой, и все устроилось къ цѣли своей; который однимъ мановеніемъ образовалъ землю сію, наполнилъ ее сокровищами не смѣтными, оживилъ ее, указалъ всякому существу чувствующему жилище его; который все вдругъ предусмотрѣлъ, все приготовилъ, въ чемъ только твореніе его будетъ имѣть нужду; который, давши человѣку душу разумную, поставилъ его Царемъ, обладателемъ міра такъ, что по одному слову—*да будетъ*, во всѣхъ частяхъ натура образовалась совершенно, и—нѣтъ уже въ возможности міра лучшаго.—Сей Іегова есть Господь и Творецъ міра; и не только Творецъ, но и безконечно мудрый властитель его; ко-

торый всемогущею волею своею, коею все создалъ, также все блюдетъ въ чинѣ своемъ; который, будучи самъ Высочайшій, опредѣляетъ судьбу вселенной; не имѣетъ другихъ законовъ, кромѣ воли своей; содержитъ въ десницѣ своей теченіе природы и направляетъ его по намѣреніямъ своимъ; всѣ перемѣны предрасполагаетъ такъ, какъ бы онѣ непосредственно отъ него раждались, и свободно перемѣняетъ порядокъ вещей, когда угодно ему показать твари своей, что онъ одинъ есть Господь всего; который съ высоты трона своего видитъ всѣ концы земли; предъ которымъ отдаленнѣйшее будущее открыто равно, какъ и настоящее; предъ взорами котораго не скрыты самыя помышленія человѣческія; волѣ коего и свобода ихъ покоряется; который, попуская по своей премудрости до извѣстныхъ границъ, самое зло такъ направляетъ, что оно дѣйствуетъ къ большему прославленію его Промысла, такъ какъ бы самъ онъ непосредственно хотѣлъ того; такъ предвидѣнное ожесточеніе Фараона избралъ онъ средствомъ къ прославленію своего имени.

Понятіе о семъ правленіи міромъ опять выражено самымъ простымъ тономъ. „Сей Богъ будто опредѣляетъ, располагаетъ все по поводу обстоятельствъ настоящихъ; будто не посредственно дѣйствуетъ въ ту минуту, когда что случиться должно; повелѣваетъ дождить и сіять солнцу; дѣйст-

вуетъ и въ самомъ человѣкѣ; исполняетъ душу художниковъ мудростію; возбуждаетъ, ожесточаетъ Фараона, что бы показать надъ нимъ силу свою; 2 кн. XXXIV. Тогдашній слабый разсудокъ, какъ уже сказано, требовалъ такого тона. Идея о Божіей волѣ, основанной на всевѣденіи, на предвѣденіи человѣческихъ поступковъ, была тогда очень высока для слабыхъ, и странныя выраженія: *теченіе вещей, законы натуры*, въ такомъ народѣ, который только учился познавать Бога, затруднили бы первыя понятія о немъ, и вмѣсто вѣры къ нему, скорѣе родилась бы увѣренность въ слѣпотѣ судьбы, случая; скорѣе родилась бы мысль, о вліяніи какого нибудь злаго существа: и тогда цѣль Моисеева повѣствованія не была бы достигнута. Намѣреніе Исторіи его было — влить въ душу народа главную истину, что Іегова есть Господь и Правитель міра; и что по его волѣ, по его намѣреніямъ, все въ мірѣ происходитъ. Это есть основаніе страха, надежды и любви къ Богу. И таковъ тонъ рѣчи въ книгахъ Моисеевыхъ. На что народу знать: что есть Богъ въ сущности своей, какъ онъ все знаетъ, все видитъ? Довольно, что онъ все видитъ. Какая нужда догадываться, какъ онъ правитъ вселенною? Довольно, что онъ правитъ съ безпредѣльною премудростію, и что безъ его воли, попущенія, ничто не можетъ случиться. — Пусть Философъ разсуждаетъ,

утончается; для человѣка довольно знать такъ Бога, что бы могъ онъ чувствовать все благоговѣніе, всю любовь къ сему премудрѣйшему, всеблагому существу.

Библейскія выраженія ни мало не доказываютъ, что Богъ есть начало зла, что человѣкъ не имѣетъ свободы. Такія заключенія суть плодъ новѣйшей, хитрой Метафизики; онѣ не могутъ быть извѣстны разсудку человѣческому не изкаженному; и тѣмъ меньше думалъ о томъ мужъ Богодухновенный, впечатлѣвая въ сердцахъ Израильскихъ чувство благоговѣнія къ святости Божіей, склоняя къ строгому исполненію закона его. Ибо во всѣхъ описаніяхъ Моисеевыхъ, сей Богъ есть Богъ святый, котораго нравственная сущность есть такъ совершенна, какъ самъ онъ безконеченъ; 5 кн. XXXII. 4; который любитъ добро, и которому любовь сія существенна; который ненавидитъ зло, и наказываетъ за пороки; но, въ доказательство своего безконечнаго милосердія къ добродѣтели, простираетъ свое воздаяніе праведнику до тысячнаго колѣна; между тѣмъ какъ наказываетъ грѣшника только до третьяго и четвертаго; 2 кн. XX. 5; на котораго самый грѣшникъ уповать можетъ; ибо онъ при всемъ ревнованіи своемъ, милостивъ, долготерпѣливъ, и по любви безконечной готовъ простить, было бы только со стороны грѣшника истинное раскаяніе и исправлніе, такъ какъ онъ и

не требуетъ другаго ему служенія, кромѣ любви и покорности; который ничего больше не требуетъ отъ человѣковъ, какъ благоговѣть къ нему, и поступать по заповѣдямъ его; но всякое послушаніе должно быть изъ любви; 5 кн. X. 12; который хочетъ быть любимымъ отъ всего сердца, отъ всея души, отъ всего помышленія.

И сей есть Богъ въ самомъ строгомъ смыслѣ единый Богъ, ст. 4; не въ томъ смыслѣ, будто бы онъ былъ только выше и могущественнѣе, въ сравненіи съ другими божествами; но единый въ точномъ значеніи; *единый Богъ на небеси горѣ и на земли низу, и нѣсть развѣ Его;* IV. 35. 39; и нѣтъ Боговъ нижшихъ, которымъ бы онъ поручилъ правленіе міромъ, или какою нибудь частію его, которые бы могли располагать участію человѣковъ, дѣлать добро и зло. Всѣ такіе Боги суть ничто, и свѣтила небесныя слабыми смертными обожаемыя, предъ нимъ суть ничто, суть тѣла бездушныя, созданныя имъ, освѣщать землю, размѣрять время.

Еще меньше допускаетъ система Моисеева бытіе *тифона*,—злаго существа, который бы натуру, Богомъ всеблагимъ сотворенную съ безконечною премудростію, могъ разстроивать, который бы все зло могъ производить во вселенной. — Богъ есть единъ Господь міра, такъ единъ, что и зло, если оно бываетъ, по его попущенію бываетъ—для добра. Потому и вѣра въ

сего Бога единаго есть первое основаніе всей Религіи. *Внуши Израиль, Господь Богъ нашъ есть единый Богъ*—вотъ все исповѣданіе; и *да не имаши Боговъ иныхъ развѣ мене*—вотъ первый законъ. Онъ единъ есть Господь, всемогущій и премудрый правитель міра; и онъ хочетъ, чтобы его только одного взывали, на него одного уповали люди; слава, ему собственно принадлежащая, и которая не должна быть ни сколько отдана Божеству химерическому! Ибо вѣрою въ другое божество, которое будто имѣетъ вліяніе на міръ, на судьбу человѣческую, похищается у него слава сія; такая вѣра есть оскорбленіе его промысла, отвращаетъ человѣка отъ упованія, покорности и любви къ нему, прерываетъ всю связь между нимъ и человѣкомъ; и такъ всякая довѣренность, вниманіе къ волхвамъ, чародѣямъ—есть преступленіе, заслуживающее наказаніе; 5. кн. XVIII. 10. 11. Ибо очень довольно для человѣка къ его успокоенію одной мысли, что онъ блюдется вѣчнымъ Провидѣніемъ; сему Провидѣнію долженъ онъ поручить будущую судьбу жизни своей, отъ Бога одного долженъ испрашивать, ожидать благъ; и что Вышній по своей мудрости скрываетъ отъ него, или что даровать медлитъ, то узнавать, того доискиваться заклинаніями ложныхъ Боговъ—есть дерзкое неуваженіе премудрости и благости, есть то, отъ чего самъ невѣрующій лишается ис-

тиннаго покоя; такъ, невѣрующій совершенно дѣлается игрою обманщиковъ; ибо всѣ заклинанія чародѣйства, волхвованія суть—обманъ. Они ослѣпляютъ душу, ослабляютъ упованіе на Промыслъ.

Таковъ Богъ Моисея—Ιегова! Не смотря на простоту, съ какою великій Пророкъ изъясняется объ немъ, онъ есть всегда совершеннѣйшее существо, какъ только разумъ просвѣщенный можетъ представить себѣ сіе существо верховнѣйшее. И противъ простоты языка ничего сказать не льзя; не льзя сказать, будто подобно Гіероглифическому, Символическому языку, затемняетъ онъ истинное понятіе о Богѣ; напротивъ такой языкъ былъ единственное средство передать народу во всей чистотѣ сіе истинное понятіе.

Слогъ у *Давыда* и Пророковъ есть уже величественнѣе, благороднѣе; не имѣетъ уже Моисеевой простонародности; псал. 33. 26. 104, 139. Прочтите псалмы, въ которыхъ вѣнчанный Пророкъ описываетъ величіе и совершенства своего Бога; или прочтите *Исаіево* описаніе сихъ совершенствъ, сего величія; XL. XLIV. — Никакой Геній піита человѣка не можетъ описать такъ истинно, такъ высоко, съ такимъ небеснымъ огнемъ; здѣсь полетъ вдохновеннаго, тонъ такой, какой только можетъ быть высокимъ; но Моисей не могъ говорить такъ, когда разумъ народный былъ еще въ дѣтствѣ. Междумѣмъ

его книги были источникомъ, откуда Давыдъ и Пророки почерпали идеи о Богѣ, о его Провидѣніи; и они, при всей возвышенности своей пиитической, не удалялись отъ истаго оригинала мыслей и чувствъ.

Юмъ утверждалъ, какъ я уже замѣтилъ это въ своемъ мѣстѣ, „что дикіе люди должны начать свою религію съ многобожія, и что истинное познаніе Единаго Высочайшаго существа, Творца и Правителя міра, есть произведеніе разсудка уже образованнаго Философіею; ибо иначе допустить надобно, что люди, доколѣ въ дикости, могутъ открывать истину, а съ совершенствующимся образованіемъ теряютъ ее.“ Если религія, или Богопознаніе есть слѣдствіе человѣческаго разсужденія; то *Юмъ* правъ. Но здѣсь исключеніе; здѣсь грубой варварской народъ, котораго *Юмъ* не называетъ, не удостоиваетъ назвать, безъ всякой образованности и философіи, еще въ состояніи дикости, признаетъ единаго Бога, Творца и зиждителя міра; имѣетъ понятія о совершенствахъ сего Бога, о его нравственномъ правленіи міромъ,—чистыя, истинныя, какихъ не льзя предполагать въ варварахъ; какія только самый просвѣщенный разумъ имѣть можетъ; здѣсь грубой народъ, и словъ не имѣющій на своемъ языкѣ для выраженія духовныхъ и нравственныхъ идей, постигаетъ ощутительно, чувственно совершенства своего Бога, и о его безконечной,

духовной сущности имѣетъ такое высокое понятіе, что уже почитаетъ оскорбленіемъ величества—покланяться ему въ какомъ нибудь образѣ; вѣритъ, что всѣ перемѣны въ нравственномъ и физическомъ мірѣ зависятъ совершенно отъ сего Бога, имъ признаваемаго; допускаетъ Промыслъ не всеобщій только, но и личный; не принимаетъ никакихъ Боговъ нижшихъ; не терпитъ оракуловъ, гаданій, чародѣйствъ, считая сіе оскорбленіемъ Промысла;—и все сіе есть народная Вѣра—народная Религія — вся система на народномъ языкѣ:—какая разница съ Религіею просвѣщенныхъ націй, съ религіею Египтянъ, Халдѣевъ, Грековъ и Римлянъ! Не говорю о просвѣщеніи мудреца Халдейскаго или Римскаго частно; говорю о народномъ исповѣданіи, о господствующей Религіи. Прибавимъ еще, что основатель религіи удивляющей есть рожденный въ Египтѣ, воспитанный людьми религіи идолопоклоннической, гдѣ все было языкомъ Гіероглифическимъ, все тайною жрецовъ, гдѣ почитали чувственныхъ только Боговъ, гдѣ одно волхвованіе было—Философіею.

Скажутъ: „сіе исповѣданіе есть вѣра слѣпая, безъ всякаго философскаго вѣденія, безъ увѣрительности.“—Хорошо; но все не меньше удивительно, какъ у грубаго народа могла существовать Религія столько совершенная. И сія даже слѣпая Вѣра не есть ли уже благодѣтельна? Ибо

Іегова, какъ признавалъ его Израиль, не есть имя безъ значенія; имя выражало чистѣйшее понятіе о Существѣ Высочайшемъ. Единъ Богъ, Творецъ и Зиждитель міра!— Сею Вѣрою какъ уже много пріобрѣтаетъ разумъ! Сія Вѣра для самаго слабаго разсудка, есть увѣрительность; сія Вѣра побуждаетъ умъ, искать Бога въ дѣлахъ его; и каждый взоръ, хотя слегка брошенный на богатство, порядокъ и красоту природы, укрѣпляетъ Вѣру сію, и Вѣра становится живѣе, ближе къ самой возможной увѣренности, благодѣтельнѣе для сердца. Кто вѣритъ бытію Существа безконечно мудраго, благаго, всевѣдущаго, всесвятаго; кто вѣритъ промыслу его: тотъ уповаетъ на него, благоговѣетъ къ нему, любитъ его, повинуется ему. Псалмы и пророчества доказываютъ, какъ скоро Вѣра сія родила высокія познанія, какъ очищала, усовершенствовала нравственность человѣка.

Даже и не подалъ Моисей никакого повода Израильтянамъ къ тому, что бы Израильтяне, разумѣя себя потомствомъ человѣка, любезнаго Богу Іеговѣ, считали себя потому стоющими особливаго благоволенія его. Самъ *Авраамъ* по Исторіи его не просто, не по любви безъ-условной, не безъ причины избранъ Іеговою; онъ былъ Другомъ Божіимъ, потому что имѣлъ рѣшимость, удаляясь отъ соблазновъ идолослуженія, оставить свое отечество, пре-

былъ до конца жизни своей твердымъ въ Вѣрѣ къ сему Богу единому; I. кн. XVIII. 18, 19. Потому единственно онъ получилъ великія обѣщанія; и Іегова избралъ себѣ родъ его, потому что хотѣлъ быть его Богомъ. Впрочемъ — какъ уже само собою разумѣется, потомство Авраамово должно по примѣру праотца остаться, вѣрнымъ ему, также какъ онъ гнушаться богами чуждыми, должно повиноваться закону его; и тогда онъ будетъ Богомъ Израиля. Вотъ условіе завѣта между имъ и Израилемъ! Вотъ причина предпочтенія Израильтянъ! А если бы вообразили они, что имѣютъ сами собою право на такое предпочтеніе, что сами заслужили его; если бы они не хотѣли отличаться отъ другихъ народовъ примѣрными добродѣтелями, какія возможны для нихъ, по чистотѣ Богопознанія, по совершенству законовъ ихъ: то судъ Божій возгремѣлъ бы надъ ними тѣмъ ужаснѣе, и Богъ по своему правосудію за небреженіе, за непамятованіе своихъ преимуществъ, разсѣялъ бы ихъ по всему лицу земли, и въ нихъ далъ бы великой урокъ міру; что и случилось послѣ. Что принадлежитъ до злоупотребленія, какое могли сдѣлать Израильтяне изъ своего предпочтенія,—разумѣю презрѣніе, какое они могли имѣть отъ гордости къ другимъ народамъ;—то и противу сего приняты мѣры самыя мудрыя. Поводъ къ тому рѣдокъ уже и потому, что имъ на-

значены границы, и они сами собою, отдѣльно отъ другихъ племенъ должны жить; кромѣ того, данный имъ законъ обязываетъ каждаго Израильтянина быть справедливымъ ко всякому человѣку. Страннопріимство освящено у нихъ также законами; и всякой иноплеменникъ, если онъ захочетъ поселиться между ими, долженъ только принять Религію и законъ ихъ; послѣ того имѣетъ совершенно одинакія права съ ними; къ чуждому они обязываются имѣть все снисхожденіе, всю сострадательность, всю любовь, потому что они сами были чужыми въ Египтѣ, и знаютъ горестное положеніе странника. И гдѣ былъ другой законодатель въ свѣтѣ, который бы такъ умѣлъ возбудить въ своемъ народѣ живое чувство человѣколюбія, кто бы сильнѣе могъ внушить въ сердца ввѣренныхъ ему нѣжное расположеніе къ странникамъ, бѣднымъ, сиротамъ, вдовамъ и рабамъ?—Но мнѣ будетъ случай говорить о семъ послѣ; теперь займемся великою Моисеевою истиною, что — *Богъ есть Творецъ міра.*

ОТДѢЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

Моисеево ученіе о твореніи.

И такъ истина—что Іегова есть единый Богъ, Творецъ и Господь міра — есть

первая въ Религіи Моисеевой. Но Вѣра въ сего Бога не сохранилась бы во всей чистотѣ своей, если бы онъ своего ученія о немъ не соединилъ съ Исторіею творенія, съ Исторіею происхожденія человѣковъ. Ибо какъ познаніе о Богѣ невидимомъ послѣ принятыхъ мнимыхъ Божествъ такъ затерялось, что люди покланялись наконецъ и солнцу и звѣздамъ; также поелику народамъ, по ихъ разсѣянности и по невѣрности преданій, со всѣмъ неизвѣстна стала ихъ Исторія, собственная Исторія происхожденія ихъ такъ, что они полагали его далѣе времени воображаемаго, и думали, что до людей жили на земли Боги, духи: то Моисей оставилъ бы свое великое ученіе весьма не прочнымъ, не могъ бы обезопасить его отъ суевѣрныхъ толковъ, если бы не сказалъ ничего о началѣ міра и человѣковъ. Но когда онъ говоритъ народу о твореніи такъ просто и вмѣстѣ тономъ нравственнымъ; когда онъ опредѣляетъ время, въ которое сотворены мнимыя Божества — солнце, луна и звѣзды, въ которое образовалась, устроилась и земля сія; когда онъ тутъ же говоритъ о происхожденіи человѣчества, называетъ именемъ первыхъ мужа и жену; производитъ отъ сей четы всѣ извѣстные народы хронологически и генеалогически до самыхъ послѣднихъ потомковъ ихъ, но которые суть праотцы народа его; когда показываетъ, какъ ученіе его было Вѣрою первыхъ чело-

вѣковъ: то чрезъ сіе не только утверждаетъ истинность своего ученія, подавая разумѣть, какъ самые законы его были священны въ первомъ мірѣ, какъ они въ самомъ твореніи выражаются; но придаетъ и законамъ симъ столько святости, столько цѣны, сколько самъ, при всей именитости своей, не могъ бы дать.

Я всегда согласенъ изъяснять Моисееву Исторію творенія по литеральному ея значенію, не заботясь объ остроумныхъ шуткахъ по сему предмѣту помѣщенныхъ въ Bible enfin expliquée; и полагаю, что Моисей по своему намѣренію описываетъ первое, начальное твореніе всей натуры,—тѣмъ не менѣе однакожъ онъ есть великой Божественной Пророкъ.

Вотъ причины, почему думаю не иначе: Моисей такъ просто, съ такою точностію выражается, что его описаніе творенія солнца и звѣздъ, не льзя объяснять Философски безъ всякой натяжки, принужденности; между тѣмъ чувства читателя останутся все тѣже. Второю причиною у меня извѣстность, что Исторія творенія, написанная Моисеемъ, не есть новая, но древнѣйшая; какъ тогдашній разсудокъ принималъ ее, и что Моисей, выбросивъ изъ ней суевѣрное мифологическое, написалъ ее просто, здраво, и тѣмъ сдѣлалъ единственнымъ основаніемъ своей и всякой истинной Религіи. Третья причина та, что Моисеева Исторія даетъ понятіе

о твореніи чистѣйшее, величественное достойное Божества; понятія больше совершеннаго никакой разумъ дать не можетъ. Если же Моисей, (четвертая причина)описывая сотвореніе, самъ разумѣлъ подъ тѣмъ собственно только образованіе земли вновь: то предполагаемое совершеннѣйшее познаніе о системѣ міра, онъ не иначе имѣть могъ, какъ по откровенію.— И такъ сіе откровеніе было съ тою только цѣлію, что бы сообщить ему за три тысячи лѣтъ впередъ познаніе, изъ котораго онъ не могъ сдѣлать никакого употребленія?..Ибо онъ писалъ Исторію такъ, какъ требовала тогдашняя степень образованности; такъ, что изъ ней не иначе видно, какъ начальное сотвореніе натуры.

Пройдемъ коротко самое описаніе.

Въ началѣ сотвори Богъ небо и землю. Въ сихъ не многихъ словахъ больше истинной Философіи, нежели во всѣхъ сочиненіяхъ мудрецовъ, не учившихся изъ книгъ Моисеевыхъ. Земля собственной предметъ творенія, и небо величественная сфера, окружающая землю,—вотъ вся вселенная, вся натура, какъ онъ, какъ общій тогдашній разумъ думалъ и — думать могъ. Высокая мысль ничего не теряетъ чрезъ то. Богъ все есть всемогущій Творецъ міра въ самомъ полномъ значеніи. Не то, что бы Онъ отъ вѣчности существовавщей съ нимъ матеріи далъ только различ-

ные виды и порядокъ. Такъ думать могъ только разумъ неозаренный откровенiемъ; и для разума не иначе возможно произведенiе, какъ чрезъ сложенiе. Такова была во времена Моисеевы философiя Египетская. Принимали два вѣчныя начала, principia: одно страждущее—вѣчную матерiю; другое дѣйствующее—все-упорядочествующiй духъ. У Моисея Богъ есть Творецъ и матерiи; слѣдовательно творенiе изъ ничего... Мысль высокая! Разумъ мудрѣйшихъ изъ древности не могъ постигнуть сей мысли; *Платонъ* и *Аристотель* не имѣли ее; и однакожъ она есть основанiе истинной философiи о Богѣ, всякой религiи. Вѣчно сама собою существующая матерiя и Богъ —не льзя иначе согласить сего, какъ допустивши, что та и сей независимы другъ отъ друга, необходимы, что—два Бога. Но для чего одинъ изъ нихъ мертвъ? Почему сiя вѣчная матерiя дика, безъ образованiя въ существѣ своемъ? Это химера. Философъ не находитъ никакой причины, почему въ сей самостоятельной матерiи до теперешняго вида ея, долженъ былъ оставаться вѣчной безпорядокъ, неустройство? Если въ матерiи всѣ части имѣли свои мѣста, взаимную связь; то это былъ уже дѣйствительной мiръ; слѣдовательно мiръ безъ Творца; слѣдовательно и теперь мiръ существующiй можетъ быть безъ Творца? И откуда бы взялъ творческiй духъ силу по своей волѣ дѣйствовать въ существѣ,

подобно Ему независимомъ, необходимомъ? Если онъ только *Зиждитель*, который массу сей вѣчной матеріи, по мѣрѣ того, сколько она позволяла, приводилъ въ порядокъ, и блюдетъ сей порядокъ только потому, что она терпитъ порядокъ сей: то онъ не есть собственно Творецъ, не есть Господь міра; онъ не больше могъ сдѣлать изъ матеріи, какъ только чему она по натурѣ своей не противилась; и такъ онъ противъ своей воли долженъ былъ оставить матеріи много несовершенствъ, все зло отъ вѣчности соединенное съ несовершенствами; долженъ видѣть въ ней качества разнообразнѣйшія, которыя были бы въ вѣчной борьбѣ съ нимъ, и которыя каждую минуту могутъ разрушать весь порядокъ его. Слѣдовательно Всемогущество, Премудрость, Благость его со всѣхъ сторонъ ограничены; и я не могу надѣяться на его Провидѣніе; онъ не есть мой Богъ. Ахъ! какъ все напротивъ въ Исторіи Моисеевой! Здѣсь Богъ безпредѣленъ; здѣсь вся натура,—Его произведеніе; сущность вещей, ихъ связь, ихъ назначеніе—все отъ его Всемогущества, Премудрости, Благости; здѣсь мое на него упованіе совершенно; здѣсь съ сладостнымъ ощущеніемъ я называю Его моимъ Богомъ; здѣсь я всего себя покаряю Его Провидѣнію. И сіе есть причиною, почему Вѣра — что все изъ ничего сотворено, такъ важна

для всѣхъ истинно исповѣдающихъ Бога, почему она существенна Религіи откровенной.

По системѣ Моисеевой, Богъ не есть только душа міра; или иначе, сей тѣлесной міръ, не есть вѣчной изливъ изъ существа Божія. Если бы было сіе такъ; то всѣ перемѣны, всѣ несовершенства міра были бы существенны Божеству; новая нелѣпость для разума, предполагающая и другую, которая уничтожаетъ причину упованія на Провидѣніе, которая подрываетъ нравственность! Нѣтъ; у Моисея Богъ совершенно независимъ отъ міра; ибо онъ далъ ему начало по своему произволенію; все что ни есть,, все только по хотѣнію Премудраго Существа—и здѣсь разумъ безопасенъ, здѣсь не имѣетъ онъ поводовъ къ заблужденію. Деисты! — Какова Философія великаго Пророка?

Творить—для философа значитъ производить мгновенно, вдругъ; и такая мысль можетъ быть достойнѣйшую Всемогущества: но для слабаго разсудка она очень высока; слабой долженъ представить твореніе чувственнѣе, и онъ болѣе удивится Всемогуществу и Премудрости, когда вообразитъ твореніе во времени. У Моисея таковъ образъ выраженій. Земля и небо существуютъ не вдругъ въ полномъ своемъ совершенствѣ, въ полномъ порядкѣ; земля въ мгновеніе бытія еще *невидима и неустроена и тьма верху бездны.* Бс

творитъ прежде матерію, но она вся еще въ дикомъ безпорядкѣ, еще *хаосъ*. И здѣсь-то выражена великая мысль, что все сотворено изъ ничего. И такъ не льзя яснѣе выразить, какъ выражено здѣсь, что Богъ творитъ прежде первоначальную матерію, изъ которой должны образоваться и земля и небо;—не льзя яснѣе выразить, что міръ изъ ничего созданъ. Но матерія создана не съ тѣмъ, чтобъ быть только матеріею. Безпредѣльная Премудрость и Благость все пріуготовляетъ для жилища твореній чувствующихъ. Такъ и здѣсь.— Всемогущество воззвало матерію изъ ничтожества, и она должна быть отпечаткомъ Премудрости, и Любви безконечной; должна такъ устроиться, что бы всѣ будущія творенія по мѣрѣ способностей блаженствовали, а разумныя созданія могли бы восходить до познанія о Творцѣ своемъ, и постигая не постижимаго прославляли бы Его въ душѣ своей. *Духъ Божій ношашеся верьху воды*, надъ безобразною матеріею, или надъ всѣмъ хаосомъ, что бы въ немъ скрытыя начальныя вещества, или стихіи получили свое совершенство, свою зрѣлость. Потомъ слѣдуетъ порядокъ образованія — въ шести періодахъ и по главнымъ шести классамъ такъ, что разумъ, представлявшій землю средоточіемъ творенія, могъ полно вообразить себѣ мудрый порядокъ. *Да будетъ свѣтъ, и бысть свѣтъ.*—A noble passage! говоритъ Лордъ Болинброкъ. Преж-

де удивлялся язычникъ Лонгинъ высокости сего выраженія; здѣсь изумленъ величественностію врагъ Моисеевъ. *Да будетъ—и бысть!* Въ самомъ дѣлѣ, не льзя превосходнѣе выразить Всемогущества творящаго. Творцу не нужно дѣйствовать по законамъ, существеннымъ матеріи; не нужно, что бы содѣйствовали какіе-нибудь духи служебные. *Рече и бысть, повелѣ и создашася.* Одна воля всемогущая дала бытіе существамъ всѣмъ; она есть сила ихъ, она есть законъ ихъ. *Рече Богъ*—и хаосъ внемлетъ. Такъ одно слово Его возведетъ человѣковъ въ высшую для нихъ сферу; и гробъ и тлѣніе отдадутъ тогда мертвецовъ своихъ. Здѣсь—однимъ словомъ творится міръ. Да будетъ свѣтъ, и свѣтъ самолегчайшее, текучее,—по сему Божественному мановенію, отдѣляется и обтекаетъ землю; въ сію минуту былъ первый раздѣлъ между свѣтомъ и тьмою.

И видѣ Богъ свѣтъ, яко добро; что и-имѣетъ такое совершенство въ существѣ своемъ, какое только нужно ему по его премудрости, въ отношеніи къ свойствамъ прочихъ будущихъ твореній. *И разлучи Богъ между свѣтомъ и между тьмою;* восхотѣлъ, чтобы свѣтъ удержалъ сущность свою неизмѣняемо. Свѣтъ созданъ въ первый день. Но тутъ открывается великое поле для остроумныхъ, которые по глубокой Философіи своей знаютъ, что весь свѣтъ на землѣ исходитъ отъ солнца,

между тѣмъ здѣсь — какой тріумфъ для нихъ!—здѣсь свѣтъ за четыре дни до солнца. Казалось бы и въ самомъ дѣлѣ это неестественно; со всѣмъ тѣмъ нѣтъ никакой странности. По крайней мѣрѣ Моисей имѣлъ столько философіи, сколько имѣютъ наши мудрецы; и онъ вѣрно зналъ, что день не прежде наступаетъ, какъ съ восходомъ солнца, и что солнце есть средство, чрезъ которое освѣщается земля. И такъ, когда онъ полагаетъ отдѣленіе свѣта за четыре дня до бытія солнца, то долженъ имѣть свою причину—и конечно причина сія въ тогдашнемъ языкѣ и образѣ сужденія. По теперешней даже Философіи ничего не льзя сказать опредѣлительно о матеріи свѣта и тепла, разлитыхъ по всей вселенной. Свѣтъ есть непонятная стихія; объясняя его, Философія безпрестанно дѣлаетъ новыя открытія, ничего однакожъ необьясняющія. Солнце есть не болѣе, какъ средство освѣщенія. Какъ звукъ непосредственно исходитъ отъ тѣла звенящаго, но бываетъ звукомъ для уха нашего посредствомъ воздуха потрясающагося; такъ, можетъ быть, и солнце свѣту стихіи, разлитой повсюду, даетъ только направленіе; между тѣмъ мы освѣщеніе приписываемъ прямо ему. Впрочемъ я напомню читателю *Ейлера*, *Боергаве*, и ничего не скажу болѣе. Между тѣмъ поелику различіе сей стихіи отъ той, которую собственно называемъ мы возду-

хомъ, во времена Моисеевы не довольно было извѣстно; то не льзя еще думать, что бы онъ принималъ свѣтъ въ теперешнемъ опредѣленномъ (specifica) его значенiи. Вѣроятнѣе всего то, что Моисей по древнѣйшему смыслу разумѣлъ подъ словомъ свѣтъ вообще легчайшее, текущее вещество, окружающее землю. Натура не была тогда извѣстна такъ хорошо, и на языкѣ древнемъ не было двухъ словъ, извѣстныхъ для выраженiя двухъ стихiй. Сходство, какое имѣетъ Греческое и Латинское слово *воздухъ* съ Моисеевымъ *Ооръ*, даетъ нашей догадкѣ степень почти извѣстности, и *Ооръ* походитъ на Нѣмецкое коренное слово Ur, которымъ все крайнее, тончайшее выражается. Я прибавлю еще, что *Ооръ* подходитъ близко къ Египетскому Божеству, которое Греки по своему называли *Орусъ*, и которое Божество, по объясненiю *Плутархову*, точно значитъ воздухъ всеобъемлющiй. И такъ не мудрено, что Моисей, стараясь доказать ничтожность химеръ Египетскихъ, говоритъ объ *Оорѣ*, что и онъ также сотворенъ былъ вмѣстѣ съ прочими частями мiра.

Потомъ въ самой жидкости, обтекающей землю, еще грубой, должно послѣдовать раздѣленiе. *Рече Богъ: да будетъ твердь*,—распростертiе, сводъ между водою, что бы изъ ней оставалось на земли столько, сколько настоящее строенiе ея и свойство творенiй, для нее назначенныхъ, требовали; и сiя

твердь есть видимое нами небо. Всѣ ученые, объясняющіе Исторію творенія сообразно съ теперешними лучшими понятіями о системѣ міра, разумѣютъ подъ словомъ *твердь* атмосферу, пространство отъ земли до неопредѣленной высоты наполненное парами, которые ссѣдаясь по временамъ падаютъ въ видѣ росы, дождя. Опять не спорю, что объясненіе очень хорошо; но я сомнѣваюсь; по близкому, по естественному смыслу словъ можно ли допустить, что твердь значитъ низкіе, непостоянные, плавающіе облака. Твердь у Моисея, по тогдашнему понятію о землѣ какъ и о цѣлой вселенной, не есть ли собственно сфера, простому глазу кажущаяся замыкающею всю землю, подъ которою, а не въ которой летаютъ птицы; та сфера именно, которою мы обыкновенно называемъ сводомъ небеснымъ. На разпростертіе сей сферы указываютъ *Давидъ* и *Исаія* въ своихъ величественныхъ описаніяхъ Всемогущества и Величія Божія. *Свѣтъ есть риза твоя, Господи!* поетъ первый; *небо, яко кожу простираеши; превыспренняя своя водами покрываеши; ходяй на крилу вѣтренню, полагаешъ облаки на восхожденіе свое;* псал. 103. Исаія говоритъ, что *Богъ есть содержай кругъ земли, и живущія на ней, аки пруги, поставивый небо, аки камару,* что *Богъ простеръ е, яко скинію обитати;* гл. 40. ст. 11. Тотъ, кому такая идея неба кажется младенческою, долженъ упре—

капь въ невѣжествѣ всѣхъ древнихъ Философовъ, которые не имѣли и не могли имѣть другихъ понятій о землѣ и о тверди; простому глазу не иначе представляется небо. Но точно ли Моисей полагалъ воду на тверди сеи? Если въ его время не имѣли люди просвѣщеннаго понятія о происхожденіи паровъ; если твердь считали водохранилищемъ, откуда роса, дождь падали; если думали, что потопъ былъ отъ разверзанія хлябій небесныхъ: то надъ симъ можетъ издѣваться только глупецъ. Великая истина сотворенія между тѣмъ останется непоколебимою, и Всемогущество достопоклоняемымъ. *Плиній*, знаменитый испытатель натуры своего времени, хотя уже очень позже, думалъ, что твердь есть хранилище воды, падающей въ дождѣ и росѣ.

На землѣ оставшаяся, опредѣленная для ея оплодотворенія вода, слилась въ глубины ей назначенныя, и словомъ: *да произведетъ*—вдругъ земля одѣлась, украсилась растѣніями безчисленныхъ классовъ, которыя растѣнія имѣли уже и свойства необходимыя для употребленія будущихъ животныхъ. Каждаго рода растѣніе получило вмѣстѣ и силу плодотворную, такъ что бы полнота класса всякаго растѣнія оставалась всегдашнею, неистребляемою.

Теперь—когда земля и украсилась и обогатилась для будущихъ обитателей своихъ, свѣтъ долженъ осіявать ее, теплота

проникать. Рече Богъ: *да будутъ свѣтила на тверди небеснѣй, освѣщати землю и разлучати между днемъ и между нощію* —и мгновенно возникаютъ солнце и луна съ несмѣтнымъ сонмомъ звѣздъ, и занимаютъ на сей тверди мѣста, имъ назначенныя. Но здѣсь поднимается опять кощунство со стороны всѣхъ презрителей сей книги. „Что за Исторія сотворенія? Сотвореніе толикихъ милліоновъ солнцъ и міровъ промежду сотвореніемъ животныхъ и растѣній на сей землѣ; дѣло одного дня, подобно дѣлу другаго; и сіи безчисленныя солнцы съ своими особенными сестемами прикрѣплены здѣсь, всѣ въ одинаковомъ разстояніи въ видѣ свѣтильниковъ, къ мнимой тверьди для озаренія оной въ ночное время. Можно ли представить самое сотвореніе унизительнѣе и презрѣннѣе!"— Презрѣннѣе? Что же есть низкаго, презрѣннаго въ описаніи Моисеевомъ? Существо великой истины состоитъ не въ образѣ, какъ представлять себѣ разныя части натуры; но въ томъ, что *Богъ есть Творецъ всей вселенной;* и какое бы понятіе люди ни имѣли о вселенной, довольно, что Всемогущество Творца безконечно. Какъ же скоро земля принимается за главный предмѣтъ творенія, за центръ солнцевъ и всѣхъ свѣтилъ; то порядокъ, въ какомъ описываетъ Моисей ихъ сотвореніе, есть уже самой естественной. Но если надобно видѣть въ Моисеѣ Пророка вдохновеннаго,

какъ онъ и въ самомъ дѣлѣ есть, великаго Философа, которому не было подобнаго во всей древности; то это очень видно изъ того, что онъ солнце, луну и прочія тѣла небесныя, которыя почитались въ его время у всѣхъ жилищами Божествъ, которые будто по своему вліянію сохраняли міръ и управляли имъ, и изъ коихъ солнцу и лунѣ вездѣ, а особливо въ Египтѣ покланялись, какъ высшимъ вѣчнымъ Божествамъ, которыя въ *Іосифово* время имѣли еще храмы и жрецовъ; что онъ, говорю я, какъ истинный *Осарсифъ*, разрушитель солнцевъ, низводитъ сіи Божества на собственныя ихъ мѣста, повѣствуетъ, что и они подобно прочимъ тварямъ созданы изъ ничего, доказываетъ невѣчность ихъ бытія, и открываетъ, что они не служатъ жилищами Божествъ управляющихъ міромъ, но вся цѣль ихъ существенная та только, что бы освѣщать землю и раздѣлять на періоды время; тѣмъ онъ рушитъ все основаніе многобожія, и истиннаго Бога, котораго люди за сими чувственными Божествами почти совершенно уже забыли, представляетъ единаго Творцемъ и Правителемъ міра; а такимъ образомъ возстановляетъ истинную Религію. Что же низкаго въ описаніи Моисеевомъ, въ сей картинѣ величія и всемогущества Божія? Моисей не зналъ системы *Коперниковой*, не имѣлъ никакикъ телескоповъ. — О! жалкое остроуміе, которому свѣтъ ослѣп-

ленный, обманутый пышнымъ названіемъ, удивляется, которое тысячи глупыхъ обожаютъ, которое имѣя, называютъ себя *геніями*, торжествуютъ надъ Богомъ, Религіею, Библіею!!!

Поступаю далѣе: земля устроена для жилища твореній живыхъ, чувствующихъ; земля и суша утвердились въ своемъ равновѣсіи взаимномъ; земля украшена, обогащена, имѣетъ свѣтъ, теплоту. Теперь получаютъ свое бытіе животныя; ибо мертвая натура, хотя обогащенная и украшенная, не больше значитъ по своей цѣли, какъ и хаосъ. Всемогущество творитъ все для чувствующихъ существъ; все наполняетъ жизнію. И рече Богъ: ст. 20. *да изведутъ воды гады душъ живыхъ, и птицы лѣтающія по земли, по тверди небеснѣй, и бысть тако.*

Опять *слово* Божіе: ибо если по всеобщимъ только законамъ движенія не могъ шаръ земной организоваться, устроиться такъ чудесно извнѣ и внутри, не могли образоваться растѣнія въ родахъ своихъ; то сіи всеобщіе законы движенія тѣмъ меньше могли быть дѣйствительны къ произведенію самомалѣйщаго животнаго; и еще меньще изъяснить ими безконечное совершенство каждаго рода сихъ животныхъ, удивляющую постепенность въ семъ совершенствѣ, разнообразность родовъ, столько гармонирующую со всею натурою. Слѣпое броженіе, притягательная и отталки-

вающая сила, первоначальныя формы и прочія обоюдности, суть только игра воображенія, впрочемъ ничего необъясняющая. Безпредѣльное Всемогущество и Премудрость Творца, есть единственное основаніе, на коемъ можетъ успокоиться разсудокъ испытующій. И такъ по слову Всемогущества натура ожила въ безчисленныхъ родахъ созданій; сіе *слово* дало бытіе вдругъ и орламъ и китамъ и слону; сіе слово въ минуту творенія опредѣлило и мѣру совершенства въ каждомъ родѣ животныхъ, и указало мѣсто пребыванія каждому животному, и влило въ душу всякую инстинктъ, врожденную склонность, необходимую для защищенія его и сохраненія; сіе *слово* помѣщаетъ каждое животное на такомъ степени, какого требуетъ порядокъ и совершенство цѣлаго. Прежде сотворены менѣе совершенныя водныя животныя.

Далѣе—рече Богъ: *Да произведетъ земля душу живу по роду и четвероногая и гады и звѣри земли по роду: и бысть тако*. По мановенію Всемогущества всѣ роды четвероногихъ и звѣрей получили бытіе свое съ совершенствами разнообразнѣйшими, постепеннѣйшими, отъ простаго ощущенія до способности мыслящей, близкой къ самому разуму; каждаго рода животное, съ особливымъ строеніемъ, съ особливымъ инстинктомъ, изумляющимъ иногда самый разумъ; каждое животное получило бытіе свое въ той странѣ, въ которой только жить можетъ. И—*видѣ Богъ*,

яко добро,—все сообразно волѣ его премудрѣйшей и всеблагой, *и благослови я* — да пребудетъ все сотворенное до конца своего такъ, какъ сотворено.

Но все великолѣпіе земли, вся красота ея еще не имѣютъ полной цѣли, еще все-частно; нѣтъ еще того, въ чемъ бы всѣ совершенства были обьемлемы и содержимы. Каждое животное счастливо въ своемъ родѣ; ибо для безконечной благости каждое, и самое слабѣйшее созданіе, есть предмѣтъ достойный попеченій отеческихъ; каждое животное наслаждается богатствомъ благости Бога своего столько, сколько можетъ; но у него есть права, есть насѣкомыя, слабѣйшія животныя для пищи, и только; его чувствованія пріятныя ограничиваются удовлетвореніемъ врожденныхъ желаній; оно стѣснено и не можетъ перейти черты ограничившей его. Нѣтъ еще творенія, которое во всемъ полномъ богатствѣ Всемогущества могло бы постигать безконечно-разнообразную красоту и совершенство связи, которое умѣло бы найти въ твореніяхъ десницу мощную; которое поклонилось бы и прославило Творца своего!

И такъ: — *сотворимъ человѣка.* Здѣсь тонъ перемѣнился. Сія рѣчь не можетъ простираться къ существамъ посредствующимъ, которыхъ Моисей столь тщательно избѣгаетъ. Творецъ Всемогущій не имѣетъ помощниковъ; его одно мановеніе все-

сильно. Выраженіе означаетъ какъ высокость твари, которая наконецъ должна была получить существованіе, такъ и совѣтъ святѣйшія Троицы. Для произведенія прочихъ твореній довольно было одного повелительнаго слова: *да произведетъ вода, земля;* но, *сотворимъ человѣка;* здѣсь премудрость Божія какъ бы совѣтуется сама съ собою. „И точно; мы — не такъ „мелкое, незначущее созданіе, которому бы „натура на ряду съ прочими дала бытіе, „говоритъ *Сенека;* прежде нежели произ„вела насъ, она думала.“ *Сотворимъ человѣка по образу нашему и по подобію* — не льзя болѣе возвысить естества человѣческаго!—О! конечно человѣкъ имѣетъ подобіе Творца своего, человѣкъ—это разумное свободное существо, коего господство простирается на всю натуру; которое все, что натура ни производитъ, что ни скрыто въ безднахъ ея, все, что ни живетъ въ глубинахъ морскихъ, — умѣетъ употреблять на служеніе себѣ, для блаженства своего; которое знаетъ искуство—разнообразить красоту, умножать богатство натуры; существо равно господствующее и на полюсѣ и подъ небомъ огненнымъ! Таковъ человѣкъ долженъ быть, и онъ таковъ! Одинъ видъ его величественной уже доказываетъ, что онъ обладатель земли. Творецъ благословляетъ его; Творцу угодно, что бы родъ его населилъ всю землю, существовалъ, пока достигнетъ своего высокаго назначенія;

ибо творенiе, созданное съ способностью— уподобясь Богу своему, вѣчно; не уничтожаетъ всемогущiй образа своего.

Теперь—дѣло творенiя окончено. Творецъ взираетъ на свое созданiе, и видитъ, яко все добро; все сообразно съ вѣчною премудростiю, все существуетъ такъ, какъ существовало отъ вѣчности въ разумѣ Божiемъ, натура имѣетъ должную мѣру силъ, порядокъ въ частяхъ, связь, имѣетъ силу множительную, и можетъ подъ влiянiемъ сей всемогущей воли длиться до самаго истеченiя опредѣленнаго себѣ времени.— Порознь каждая вещь минетъ, превратится; но совершенство *цѣлаго*, порядокъ и гармонiя останутъ неизмѣняемы. Такъ Моисей представилъ начало мiра. Философы! гдѣ найдете вы мiросозданiе, въ которомъ бы великая истина изображалась въ такомъ свѣтѣ, такъ впечатлительно, такъ удовлетворительно для разума; такъ достойно Божества. —„Mais Dieu n'est pas „ignorant; если Моисей не могъ имѣть со„вершеннѣйшаго познанiя о вселенной, то „духъ внушившiй ему сiю Исторiю дол„женъ былъ имѣть такое познанiе.“— Это одно изъ возраженiй извѣстнаго человѣка, который, по чрезвычайнымъ дарованiямъ своимъ, послѣ цѣлыхъ столѣтiй назывался бы украшенiемъ своего вѣка, если бы не употребилъ ихъ во зло, если бы своимъ злоупотребленiемъ не сдѣлалъ имя свое презрѣннымъ для всѣхъ, кому Религiя

и добродѣтель священны. И симъ пустымъ возраженіемъ думалъ онъ, и всѣ обожатели его думаютъ, унизить міросозданіе Моисеево, поколебать основаніе Религіи откровенной.

Но развѣ сіе не будетъ сообразно съ премудростію Божіею, когда Моисей сообщаетъ людямъ истины откровенныя только такія, которыя прямо принадлежатъ къ ихъ нравственности, и то по мѣрѣ способности ихъ; а все неотносящееся къ нравственному назначенію ихъ, все заключающееся въ кругѣ разума предоставляетъ натуральнымъ успѣхамъ просвѣщенія? Чтожъ значитъ теперь возраженіе—Dieu n'est pas ignorant? Долженъ ли былъ Богъ тому народу, который сдѣлалъ первый шагъ изъ состоянія дикости, въ такое время, когда вообще человѣческой разсудокъ еще младенчествовалъ, когда не умѣли еще возвыситься до познанія Высочайшаго существа —Творца вселенныя, когда никакія тонкія открытія не могли быть постижимы, или были бы приняты за нелѣпости, когда языки не имѣли словъ для выраженія идей—слишкомъ философскихъ; тогда, говорю я, долженъ ли былъ Богъ чрезъ Пророковъ своихъ говорить народу, что бы онъ при разсматриваніи міра не вѣрилъ чувствамъ своимъ; что земля есть только мнимое средоточіе міра, а въ самомъ дѣлѣ она есть мало примѣтная частичка во вселенной; что земля не покоится и солнце не

обращается во кругъ ея, но что сама она оборачивается на оси своей въ двадцать четыре часа, и въ цѣлой годъ дѣлаетъ круговой ходъ около солнца; что таковыхъ шаровъ, какова земля, много, иные меньше ея, иные больше, и всѣ они вращаются около солнца; что это солнце не одно великое свѣтило, но есть милліоны подобныхъ ему; что маленькія звѣзды, которыя видитъ глазъ на небѣ въ свѣтлую ночь, суть солнцы, отстоящія другъ отъ друга на безмѣрное разстояніе; что опять сіи солнцы, подобно нашему, имѣютъ множество кометъ и планетъ своихъ, но которыхъ не льзя видѣть по отдаленности чрезвычайной? Короче: Богъ долженъ бы былъ открыть міру чрезъ Моисея за три тысячи лѣтъ систему *Коперникову*, при самомъ рожденіи народа Израильскаго. Вотъ значеніе словъ:— Dieu n'est pas ignorant! И жалкой Философъ, стоявшій уже на границахъ вѣчности, и тогда не устыдился, соблазняя легкомысленныхъ, издѣваться надъ такою книгою, которая есть единственный источникъ истиннѣйшаго познанія о Богѣ, которая одна открываетъ великое назначеніе человѣка?... О вы, мудрецы добродѣтельнѣйшіе, *Бойль*, *Невтонъ* и *Галлеръ!* вы, которые употребивши Ангельскія способности свои къ распространенію познаній натуры, къ прославленію Творца ея, а наконецъ посвятили оныя къ обьясненію сей божественной книги,—въ какомъ небесномъ восхищеніи духъ

вашъ приближался къ будущему славному просвѣщенію!

Цѣль и содержаніе Исторіи творенія я сближу подъ одну точку зрѣнія.

Основаніе истины Богопознанія, которое особливо въ народѣ Израильскомъ утвердить было можно, таково: что Богъ есть Творецъ и нравственный Правитель міра. Какъ бы кто ни представлялъ себѣ систему міра, въ какомъ бы порядкѣ ни творилась вселенная—все это никакого не имѣетъ вліянія на самую истину существенную. Довольно, что Богъ есть Господь цѣлой натуры, который все имъ избранное по безконечной премудрости и благости произвелъ и блюдетъ; вотъ великая истина, на которой основывается вся Религія, нравственность и блаженство человѣка; и сію истину открываетъ здѣсь Моисей такъ просто, такъ между тѣмъ достойно Божества, какъ хорошо можетъ только просвѣщеннѣйшій разумъ вообразить себѣ: и если бы не было неоспоримыхъ знаковъ Божественности Моисеевой, если бы онъ не имѣлъ характера Пророческаго; все остался бы первымъ Философомъ во всей древности. — Вотъ легкое начертаніе его ученія:

Богъ есть существо отъ вѣчности самосущее, независимое, и міръ создалъ изъ ничего по свободному мановенію его всемогущества. Нѣтъ здѣсь никакой вѣчной матеріи, никакихъ законовъ движенія не-

обходимыхъ, независимыхъ. — Не льзя думать при семъ, что бы твореніе было произведеніемъ какого нибудь слѣпаго броженія; нѣтъ; всѣхъ существъ свойства разнообразнѣйшія, число сихъ существъ, мѣра силъ ихъ, ихъ связь — все есть свободный выборъ, непосредственное дѣйствіе Творца премудрѣйшаго; — и отъ того *вся добра зѣло*, все сообразно его намѣреніямъ лучшимъ; — и отъ того не совмѣстно здѣсь никакое злое существо, которое бы могло разрушить намѣренія сіи... Какъ истинно и какъ просто! Во всей древности гдѣ найдемъ такой разумъ, который бы такъ выражался о Высочайшемъ существѣ и о началѣ всѣхъ вещей, который бы чище, возвышеннѣе могъ мыслить! Уменьши сіе представленіе, отними отъ него что нибудь: тогда Богъ не есть уже первая вина міра, не есть Господь его; тогда сотвореніе есть слово безъ значенія; тогда вѣра въ Провидѣніе, тогда вся Религія не имѣетъ никакого основанія.

Но возражаютъ изувѣры: „какой разумъ можетъ допустить, что бы твореніе началось только за семь тысячь лѣтъ, „между тѣмъ какъ всемогущество Божіе „отъ вѣчности дѣйствовало?

„*Твореніе за семь тысячь лѣтъ предъ „симъ*“ — въ самомъ дѣлѣ мысль очень поразительная; — но твореніе отъ вѣчности, время и міръ безъ начала... вовсе непонятно. Сотвореніе, со времени столь малаго; — слѣ-

довательно до онаго чрезъ всю вѣчность ничто, кромѣ Бога;—слѣдовательно великая вѣчная мысль Божія о сотвореніи міра и объ откровеніи тѣмъ своей премудрости, всемогущества и благости чрезъ всю вѣчность безъ исполненія;—вѣчное неограниченное всемогущество чрезъ всю вѣчность бездѣйственно;—вѣчная благость, вѣчная любовь чрезъ всю вѣчность безъ сообщенія;—вѣчный источникъ всякой жизни чрезъ всю вѣчность безъ изліянія:—какая бездна для разума! Я силюсь облегчить для себя сію мысль, прибѣгаю къ воображенію и отношу начало такъ далеко и такъ глубоко въ вѣчность, какъ только можетъ простираться сія моя послѣдняя способность; представляю себѣ милліоны вѣковъ, цѣлыя міріады міровъ до созданія міра: но представленіе мое все остается тр.днымъ, все темнымъ. Краткое время семи тысячь лѣтъ не составляетъ неясности; мгновеніе, или неизмѣримые вѣки—темнота одинакова: бездна простирается между началомъ и вѣчностію; ибо между началомъ времени и вѣчностію Бога, остается та же самая вѣчность, которая никакими милліонами лѣтъ не можетъ быть измѣрена, или наполнена; а потому все вѣчность, въ коей ничего не было кромѣ Бога, въ коей всемогущество его не дѣйствовало, любовь не сообщалась, въ которой однакожъ могли возникать въ бытіе тьмочисленные виды и породы тварей, познавать Его

въ безконечныхъ совершенствахъ, и блаженствуя, повѣдать славу Его. Какая бездна! И не смотря на то, мой разумъ невольно влечетъ меня къ началу. Твореніе отъ вѣчности, вѣчное существованіе случайнаго не необходимаго по себѣ міра, вѣчная цѣпь причинъ и дѣйствій, вѣчной рядъ скоропреходящихъ существъ безъ всякаго начала—такія слова, въ которыхъ я ничего не представляю себѣ, въ которыхъ ничего не могъ бы представить и тогда, если бы допустилъ вѣчную матерію; ибо по крайней мѣрѣ мнѣ должно бы было представить то начало, когда Творческій духъ сообщилъ ей первое движеніе. Конечно Богъ отъ вѣчности былъ всемогущь; но того, что само по себѣ не есть еще необходимо вѣчно, не можетъ всемогущество въ собственномъ смыслѣ сдѣлать такъ вѣчнымъ, чтобы не имѣть начала; и тутъ-то шесть тысячь, или столько же милліоновъ лѣтъ, опять совершенно между собою равны. Ибо, какъ бы я мысленно ни относилъ далеко сіе начало въ вѣчность; однакожъ въ семъ, вмѣстѣ съ твореніемъ произшедшемъ послѣдованіи времени, все долженствовало быть такое время, въ которое оно было бы не старѣе семи тысячь лѣтъ; и сія точка времени, долженствовала бы теперь быть также, какъ она была и до недовѣдомыхъ вѣковъ, если бы впрочемъ на сей землѣ, о коей собственно и можемъ только судить, не имѣлось никакихъ свидѣтельствъ

глубочайшей древности. По симъ же свидѣтельствамъ глубочайшая сія древность, а съ нею древность всей природы неоспоримы. Ибо земля, какъ я уже выше сказалъ, состоитъ изъ однихъ отрывковъ, изъ которыхъ мы заключать должны, что она, до теперешняго своего образованія, претерпѣла уже отъ огня и воды нѣсколько сильныхъ перемѣнъ, которыхъ числа и длительности никакъ нельзя показать съ точностію. Не хочу приводить здѣсь всѣхъ новыхъ наблюденій, а хочу только взять въ щетъ одно превращеніе глины въ мраморъ и во всѣ крѣпчайшія еще породы каменныя; и опять вывѣтриваніе сихъ послѣднихъ въ землю или мѣлъ, которыя однѣ заставляютъ уже насъ допустить гораздо глубшую древность, судя по тому медленному ходу, каковый беретъ природа въ сихъ своихъ дѣйствіяхъ. Доказательствомъ перваго превращенія служатъ разсѣянныя по всей землѣ аспидныя, солончаковыя и мраморныя горы, изъ положенія коихъ и изъ часто попадающихся въ нихъ остатковъ органическихъ тѣлъ, растѣній, морскихъ и земныхъ животныхъ, явствуетъ неоспоримо, что прежде сего состоянія были они мягкими и теперь нанесены моремъ; о второмъ же превращеніи свидѣтельствуютъ мѣловыя горы, примѣченныя *Палласомъ* у рѣки Дона, и вѣроятно равныя всѣмъ прочимъ горамъ сего рода, коихъ поверхность, лежащая на воздухѣ, совершенный

мѣлъ, коихъ ближайшее существо состоитъ еще изъ голышей, или кремней, которые хотя постепенно приближаются уже къ своему разрѣшенію, но въ слояхъ глубже лежащихъ имѣютъ еще все свое твердое существо. И что было прежде сіе существо, какъ не глина? Что были рубины и сапфиры прежде, нежели получили теперешній цвѣтъ? Безполезно было бы накоплять подобныя доказательства. — Теперь ничто не препятствуетъ моему воображенію представлять себѣ первое начало такъ далекимъ назадъ, какъ только можетъ сія моя сила простираться. Теперь могу я мыслить себѣ міры предъ мірами, перевороты за переворотами, на всѣхъ тѣлахъ небесныхъ, подобно какъ на сей землѣ, и вмѣстѣ могу себѣ представить такую древность творенія, которую никакое число выразить не въ состояніи. Правда, я никогда не дохожу до перваго начала; однако же чѣмъ глубже простираюсь въ мысляхъ назадъ, тѣмъ безмѣрнѣе является мнѣ царство Бога, тѣмъ неизслѣдимѣе его всемогущество и благость. Въ ясную ночь возвожу я взоры свои къ небу, обозрѣваю безчисленныя сонмища солнцевъ и міровъ и ищу самой отдаленной звѣзды, какую только могутъ мои вооруженные глаза усмотрѣть въ сей безднѣ. Сію звѣзду ставлю я мысленно средоточіемъ, отъ котораго опять возъемлюсь до самой крайней звѣзды, какую только можетъ оттуда постигнуть

мое зрѣніе; и повторяю сіе до тѣхъ поръ, пока воображеніе наконецъ утомится совершенно. Правда, я все еще далекъ отъ предѣловъ того пустаго пространства, гдѣ всемогущество перестало дѣйствовать; — можетъ быть даже нахожусь еще на срединѣ: но здѣсь все уже несравненно больше, нежели сколько мой духъ обьять можетъ. Ибо вопервыхъ, всѣ сіи безчисленные міры, разнообразные по своей природѣ и по своимъ тварямъ—(ибо всемогущество ничего не творитъ двойнаго)—всѣ сіи міры — (ибо всемогущество въ связи съ вѣчною премудростію и благостію творятъ только для разума) всѣ сіи міры, говорю я, въ каждое мгновеніе оживлены, подобно нашей землѣ, новыми разумными твореніями, кои по выдержаніи искуса, оставляютъ, также какъ и я, тлѣнныя свои жилища и воспаряютъ въ оный славный градъ Божій, яко къ собственному своему назначенію. Какая мысль! Гдѣ есть такой ограниченный умъ, который въ состояніи обьять оную? И притомъ какъ она еще мала, ничтожна! Ибо это только слабый взглядъ на царство Божіе, такъ какъ оно теперь есть. А если я простираюсь мысленно чрезъ всѣ лѣта истекшихъ вѣчностей, до того безконечнаго пункта, въ которой всемогущество изрѣкло свое *первое: да будетъ;* вѣчная премудрость открыла въ первой разъ благодѣтельную свою дѣятельность, и въ срав-

неніи съ тысячами милліоновъ людей, въ одно столѣтіе возникающихъ на сей земли лицѣ въ бытіе и переходящихъ въ оную вѣчность, представляю въ умѣ всѣ сіи безчисленные міры съ ихъ переворотами и вмѣстѣ всѣ безконечно разнообразныя породы разумныхъ существъ, которыя изъ самой сей вѣчности поступили въ бытіе, и какъ толикое же число новыхъ поселенцовъ пріумножили царство Божіе, пріумножаютъ еще оное во вѣки вѣчные, и въ возрастающемъ безпрестанно блаженствѣ будутъ славословить всемогущество, премудрость и благость своего Создателя — гдѣ есть ограниченный умъ, который бы въ состояніи былъ обозрѣть сіе славное царство Божіе въ его длительности, разнообразіи и величіи; который бы могъ постигнуть величіе Творца, воздвигнувшаго оное, содержащаго оное изъ вѣчности, при всѣхъ его безпрестанныхъ переворотахъ, въ неизмѣримомъ порядкѣ; присутствующаго отъ вѣчности всѣмъ симъ тварямъ, пекущагося объ нихъ съ тою же самою отеческою любовію, которая изочла всѣ власы на главѣ моей и безъ попущенія которой ни одинъ врабій не погибаетъ? И сей Творецъ, также мой Богъ, воззвавшій меня въ жизнь, да буду гражданиномъ сего славнаго его града. — Чрезъ цѣлые милліоны вѣковъ, въ которые я позже поступаю, не теряю я ничего; они для меня — лишь точка; я все еще имѣю предъ собою безпре-

дѣльную вѣчность, въ которой съ тобою, препрославленный теперь уже и блаженный Духъ, коему сіи виды всегда были восхитительны, въ содружествѣ тьмочисленныхъ блаженныхъ существъ, будемъ созерцать чудеса всемогущества, премудрости и благости общаго нашего Отца, наслаждаться ими, повергаться предъ ними въ благоговѣніи и не разлучаясь на вѣки, поступать всегда отъ одного степени славы и блаженства къ другому. Какіе виды! Воспряни душа моя, ты на самой крайней границѣ!!!

Впрочемъ какъ ни основательна, какъ ни велика мысль о глубокой древности творенія и о многократныхъ переворотахъ, выдержанныхъ нашею землею до теперешняго ея образованія; однако Моисей столь же мало званъ былъ къ тому, что бы начинать тѣмъ свою Исторію о сотвореніи, какъ и къ тому, чтобы преподать собственную систему міра. Великая истина: „*въ началѣ сотвори Богъ небо и землю*" остается непремѣнною. Положимъ, что онъ самъ по собственнымъ свѣденіямъ, или изъ откровенія, имѣлъ совершеннѣйшее познаніе о великости міра, но благоразуміе требовало въ описаніи его сообразоваться съ способностями тогдашняго времени; положимъ также, что ему извѣстна была и глубокая древность міра, но по тому же благоразумію долженъ былъ онъ начать описывать сотвореніе съ послѣдняго обра-

зованія или обновленія сей земли, и сіе ея начало въ возможной ясности представить глазамъ своего народа въ связи съ началомъ теперешняго рода человѣческаго по всѣмъ приведеннымъ родословіямъ. Ибо чѣмъ далѣе сталъ бы онъ относить сіе начало, тѣмъ болѣе ослабилъ бы, или затмилъ самую истину. Поводу же, приписывать міру глубшую древность, имѣлъ онъ довольно, судя потому, что въ его времена, по всей вѣроятности, были уже извѣстны въ Египтѣ баснословныя правленія Боговъ, предшествовавшія нѣсколькими тысячами лѣтъ правленію человѣковъ. Но хотя сіи правленія Боговъ и были не иное что, какъ переодѣтыя Астрономическія счисленія, или сія самая Исторія о сотвореніи; однакожъ они много вспомоществовали къ обоготворенію созвѣздій, и таковое идолопоклонство распространили по свѣту въ разныхъ видахъ. Потому простота, съ каковою Божественной Историкъ означилъ начало творенія, была единственнымъ средствомъ представить истину великую во всей чистотѣ и не смѣшать ея съ суевѣрными идолопоклонническими мнѣніями. Не меньше должно приписать дальновидности Моисеевой и то, что онъ въ своей исторіи творенія не упомянулъ ни о созданіи, ни о паденіи Ангеловъ. Разумъ, и особливо разумъ не путеводимый истинною Философіею, очень легко заблуждается въ идеальныхъ мірахъ, и наконецъ, зашедши въ

лабиринтъ, удаляется онъ отъ истиннаго Богопознанія и обезображиваетъ простую, чистую Религію. Доказательствомъ тому Религія *Индостанская* и Религія *Ламы.* Тамъ духи, существовавшіе прежде человѣковъ, у Историка рождены воображеніемъ, или имѣли таинственное значеніе; а между тѣмъ сіе есть единственною причиною, что господствующая народная Религія во всей Азіи, гдѣ нѣтъ Магометанской, занятой изъ откровенія, остается и теперь смѣсью безумныхъ суевѣрій всѣхъ родовъ.

Простота и короткость есть первое и существенное качество всякой истинной Религіи и есть дѣйствительно характеръ Религіи нашего Божественнаго Пророка. Теорія его такова, какая можетъ быть понятна для слабаго разсудка его народа, и какой требовала великая истина, что Богъ есть Творецъ и Правитель міра. Сію теорію должна была составлять исторія сотворенія сей земли и настоящаго человѣческаго рода. Ибо такая только Исторія есть исторія для человѣка. Моисей, какъ великій Пророкъ, заключилъ въ ней все основаніе истинной Религіи въ собственномъ ея видѣ, а какъ историкъ человѣческаго рода, написалъ сію исторію съ удовлетворительною ясностію, безъ чего она оставалась бы въ непроницаемомъ мракѣ и вѣчно-забвенною. При всей краткости языкъ, нравы и образъ мыслей въ сей

исторіи служатъ живымъ отпечаткомъ истины. Все въ ней такъ выражаетъ младенчество свѣта, всякой шагъ человѣческаго рода, шагъ впередъ такъ означенъ естественно, что всѣ повѣсти можно бы безошибочно назвать спискомъ древнѣйшей исторіи человѣчества, если бы даже и неосновывалась ихъ справедливость на неоспоримыхъ доказательствахъ. Исторія заключается въ такой книгѣ, гдѣ находятъ Іудеи и Христіане свою Религію откровенную;—ея Авторъ есть Пророкъ, Израильтянинъ, законодатель. — Какой Геній, какой Философъ могъ бы колебаться въ рѣшеніи своемъ о книгѣ, объ Авторѣ? И однакожъ нашлись противники истинѣ.

И тогда, какъ языкъ и исторію Китайскаго народа знали еще очень худо, хуже нежели теперь, и тогда уже была партія на сторонѣ сей націи, и тогда уже утверждали, что существованіе ея гораздо древнѣе человѣческаго рода по Моисееву численію; и извѣстно, съ какимъ шумомъ ополчался *Фоги* съ толпою своею противъ Моисея; но великій почитатель сего Фоги пережилъ своего героя и оружія, наконецъ забытыя, остаются теперь только въ Evangiles du jour, въ Bible enfin expliquée и подобныхъ отрывкахъ, сохраненныхъ для потомства въ поясненіе исторіи нашего времени.

Другой остроумный писатель хотя полагаетъ начало Китайской націи столь-

ко позже, сколько упомянутый почитатель ея утверждалъ противное, хотя не уступаетъ ей даже чести быть Египетскою колоніею; но тѣмъ не менѣе нападаетъ на Моисееву исторію творенія, представляя, что въ Архивахъ Ламовыхъ жрецовъ есть, можетъ быть, много такихъ лѣтописей, коими возрастъ міра, Моисеемъ предполагаемый, опровергается.

Еще ученый другой—умствуетъ и говоритъ, что въ сѣверной Азіи была нація, коей древность восходитъ выше исторіи Моисеевой.

По всѣмъ памятникамъ искуства до сихъ поръ южную Азію почитали колыбелью человѣчества; но остроумный сей философъ, съ видомъ глубокой опытности и со всею силою краснорѣчія, силится доказать противное, именно: что всѣ познанія народовъ южныхъ и особливо ихъ Астрономія, есть не иное что, какъ обезображенные остатки просвѣщенія общежительнаго, древнѣйшаго сѣвернаго народа, потому де, что если бы сіи познанія въ самомъ дѣлѣ родились на югѣ, то не льзя бы имъ оставаться на одной степени зрѣлости совершенства, больше нежели тысячу лѣтъ. Но вопервыхъ не легко понять, какъ сія сѣверная нація, великая и просвѣщенная могла совершенно изчезнуть въ Исторіи, такъ что у народовъ, отъ ней произшедшихъ, которые конечно, озарившись ея свѣтомъ, должны были полу-

чить отъ нее письмо и занять самой языкъ, не извѣстно даже имя ея, а тѣмъ болѣе нѣтъ никакого слѣда преемничества. Что касается до возраженія, что южные народы не могли бы оставаться такъ долго съ несовершенными астрономическими познаніями, если бы сами они пріобрѣли ихъ; то возраженіе не такъ сильно, какъ съ перваго взгляда кажется. Ибо когда вспомнимъ, что изумляющіе успѣхи нашихъ философофъ нынѣшняго и прошлаго столѣтія, успѣхи въ Астрономіи начались и возрастаютъ со времени изобрѣтенія телескоповъ; то очень не удивительно, что тѣ народы, не имѣя такихъ пособій, до сихъ поръ остаются съ тою же опытностію, какую могли снискать они съ одними глазами; не удивительно потому, что и познанія ихъ недостаточны; не возможно даже въ нихъ и стремленіе къ великимъ открытіямъ, какія сдѣланы нашими мудрецами. Они считаютъ степень познанія своего самою высшею, какой только достигнуть можно съ простымъ глазомъ; такъ наши философы не простирали наблюденій своихъ далѣе системы неподвижныхъ звѣздъ, и они были довольны, потому что ихъ открытія достаточны были для измѣренія и ращетовъ временъ года. Со времени Птоломея какъ бы ограничено было географическое познаніе о землѣ нашей, если бы съ изобрѣтеніемъ магнитной стрѣлки не у-

совершенствовалось кораблеплаваніе. И читая Исторію наукъ, художествъ не часто-ли удивляемся мы видя, какъ люди въ своихъ изобрѣтеніяхъ медлили иногда тамъ, откуда, казалось бы, оставалось имъ сдѣлать одинъ легкой шагъ, безъ всякаго препятствія къ большему совершенству. Впрочемъ, что люди первыхъ временъ могли снискать Астрономическія познанія извѣстной степени, безъ постороннихъ пособій, одними собственными наблюденіями, это доказываютъ наши поселяне, и наипаче тѣ изъ нихъ, которые большую часть жизни проводятъ подъ открытымъ небомъ. Они по состоянію солнца, по восхожденію и захожденію какой нибудь звѣзды, такъ вѣрно означаютъ время, что самый Философъ долженъ удивляться; и имъ многое извѣстно, о чѣмъ мы, живя въ городахъ и располагая дѣлами своими по часамъ искусственнымъ, не имѣемъ и понятія.

И такъ по крайней мѣрѣ доселѣ ничего нѣтъ, что бы даже съ нѣкоторою вѣроятностію опровергало исторію Моисееву въ томъ разумѣ, какъ онъ говоритъ въ ней о началѣ человѣческаго рода.

Но есть другое еще сомнѣніе, въ томъ именно, что Моисей производитъ весь родъ человѣческій отъ одной пары; между тѣмъ какъ многія націи, въ разныхъ частяхъ свѣта, не имѣютъ между собою сходства по виду, цвѣту и чувствовані-

ямъ.—Когда сіе несходство кажущееся сравнить съ существенностію; то увидимъ, что всѣ люди во всѣхъ климатахъ одинаковы. Внутреннее и наружное строеніе тѣла, членовъ и отъ того зависящая тѣлесная экономія, мѣра силъ и роста, продолженіе жизни, сходство и равномѣрность чувствъ и чувственныхъ ощущеній, силъ душевныхъ, побужденій сердечныхъ — все сіе такъ открыто показываетъ одно сѣмейность, служитъ такою общею чертою, что всѣ прочія отмѣны, кои происходятъ отъ различія климатовъ и отъ другихъ случайныхъ обстоятельствъ, должны казаться послѣ того уже незначителными. — Впрочемъ нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что одной пары очень довольно для населенія земли; и всего вѣрнѣе то, что не льзя было лучше исполниться мудрымъ и благимъ намѣреніямъ Творческимъ.

Разность вида и цвѣта усиливаетъ возраженіе.—Но когда допустимъ, что средній Азіатскій цвѣтъ, разумѣя въ той странѣ, гдѣ по всей вѣроятности обитали праотцы, есть цвѣтъ первоначальный: то постепенный переходъ къ сѣверному—бѣлому и къ мѣдяному цвѣту—южныхъ жителей, даже къ цвѣту собственно называемыхъ Араповъ—совершенно черному,—переходъ очень естественный доказываетъ, что вся разность есть только мѣстная (local) и причина ея въ большей или меньшей степени зноя. Арапы живутъ въ стра-

нахъ огненныхъ; другія мѣста на земли хотя лежатъ подъ одною линіею, но или климатъ ихъ умѣреннѣе отъ вѣтровъ морскихъ, или ихъ окружаютъ высокія горы, защищающія отъ вѣтровъ знойныхъ: и такъ надобно сказать опять то же, что слишкомъ большая степень жара темнитъ кожу Араповъ и дѣлаетъ перемѣну въ сокахъ ихъ и волосахъ.—Повѣствованіе Г. *Брюса*, путешествовавшаго во внутренность Африки, почитаетъ Г. *Бюффонъ* совершенно достовѣрнымъ; и сей славный путешественникъ увѣряетъ, что имѣютъ черный цвѣтъ жители только низкихъ береговъ на восточной и западной сторонѣ сей части свѣта; между тѣмъ цвѣтъ обитающихъ въ средней Африкѣ, — даже подъ самою равноденственною линіею, гдѣ мѣста возвышенны, гористы, и слѣдовательно прохладнѣе, и гдѣ частые дожди умѣряютъ палимую атмосферу,—не много отличенъ отъ цвѣта Европейцовъ; увѣряетъ, что Африканцы, живущіе между горъ, идущихъ отъ поворотнаго круга рака къ югу поперегъ Екватора, совершенно бѣлы; а населяющіе оба берега потому только черны, что берега отлого—ровны, и слѣдовательно открыты полному дѣйствію лучей пламенныхъ. Если увѣренія *Брюсовы* справедливы; то ими не только рѣшится возраженіе нами разсматриваемое, но онѣ вынуждаютъ еще удивленіе къ Премудрости и благости Творческой. И какими

безцѣнными открытіями обогатилось бы познаніе природы, когда бы ужасающая мысль о пустыняхъ непроходимыхъ не останавливала человѣка-генія итти испытывать далѣе!—Прочія отклоненія, которыя въ глазахъ остроумнаго Лорда *Кема* противорѣчатъ происхожденію человѣчества отъ двухъ людей, то есть: различіе въ видѣ у нѣкоторыхъ дикихъ народовъ, ненависть нѣкоторыхъ изъ нихъ ко всякому чужестранцу, слабодушіе и воинское мужество одной націи сравнительно съ другою; также, что иные, по видимому, созданы для одного только климата и не могутъ жить въ другомъ;—такія отклоненія, говорю я, не такъ важны, что бы могли породить сомнѣніе о всеобщемъ происхожденіи человѣчества отъ одной пары. Ибо не большая разность въ видѣ не есть еще такъ существенна, что бы не зависѣла частію отъ климата и рода жизни, частію отъ образованія, превращающагося со временемъ въ натуру, какое сіи народы даютъ при рожденіи дѣтямъ своимъ, по понятіямъ своимъ о красотѣ, или въ намѣреніи сдѣлать ихъ страшными для враговъ.

Въ каждомъ умѣренномъ климатѣ найдутся красавцы; вездѣ можно найти лице съ чертами гармоническими. Чѣмъ гдѣ тонѣе и чище воздухъ, говоритъ *Цицеронъ*, тѣмъ смышленнѣе тамъ люди. Климатъ Греціи, (гдѣ живутъ теперь народы ко-

нечно пришлые,) могъ образовать такой идеалъ, по которому *Фидіасъ* и *Пракситель* работали; и чѣмъ неумѣреннѣе зной или холодъ, тѣмъ менѣе прекрасны виды. Никогда Египетъ не представлялъ художнику идеала красоты, никогда не имѣли сего идеала *Самоѣды* и *Гренландцы*.

Животныя, переходя съ человѣкомъ изъ одной страны въ другую, перемѣняются въ видѣ и цвѣтѣ гораздо больше, нежели человѣкъ. И случайныя перемѣны въ скотской породѣ, отъ одной пары начавшейся, могутъ быть наслѣдственны, какъ у людей.

Слабость въ духѣ и мужество нѣкоторыхъ изъ дикихъ народовъ равно зависѣть могутъ отъ различія климатовъ, отъ пищи, образа жизни и привычекъ. Бѣдный народъ на южномъ морѣ, питаясь скудно раковинами и гнилою рыбою, конечно не имѣетъ такого мужества, какимъ славны *Патагонцы*, которые ежедневно на лошади занимаются звѣриною ловлею; такъ какъ дѣти сѣверо-Американскихъ дикихъ заранѣе пріучаются переносить ужасныя боли для того, что бы не столько чувствовать мученія отъ рукъ непріятелей, если они попадутся къ нимъ.

И ненависть дикихъ къ чужестранцамъ изъяснить можно или бѣдностію нѣкоторыхъ, или жестокостію какую можетъ быть случалось имъ терпѣть отъ чужестранцевъ, и которой они не могутъ забыть.

Наконецъ хотя очень натурально, что люди, привыкши къ холодному или знойному климату, не легко сносятъ противуположность; со всѣмъ тѣмъ не льзя сказать, что бы они были созданы для одной только какой нибудь страны. Человѣкъ есть Царь земли, и можетъ жить также хорошо подъ небомъ огненнымъ, какъ и въстранахъ льдяныхъ, питаться произведеніями земли и моря изъ всѣхъ частей свѣта... Самыя животныя, не смотря на то, что бытіе ихъ ограничено мѣстною натурою, слѣдуютъ за человѣкомъ, властелиномъ своимъ по мѣрѣ, какъ они необходимы ему для пищи, или для работы. Слуга вѣрный и товарищь его — собака нигдѣ не отстанетъ отъ него, привыкаетъ въ разныхъ сторонахъ питаться разною пищею; ибо извѣстно, что на южныхъ островахъ собаки живутъ хлѣбнымъ деревомъ.

Здѣсь заключу мое разсужденіе, и какъ былъ бы я щастливъ, если бы могъ быть увѣреннымъ, что содѣйствовалъ сколько нибудь къ уясненію столь спорной и столь важной статьи.

ОТДѢЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

О

МОИСЕЕВОЙ РЕЛИГІИ И ЕЯ ВНѢШНЕМЪ УСТРОЕНІИ.

Я хочу сдѣлать и о семъ нѣсколько краткихъ замѣчаній. Моисеево ученіе мною до сихъ поръ разсматриваемое, что Іегова есть Творецъ и правитель міра, не только есть вышній Богъ, но есть Богъ Единый, Господь и Владыка вселенной, — сіе ученіе составляетъ все основаніе системы Богослужебной и гражданственной; и, что бы народъ не имѣлъ другихъ боговъ кромѣ истиннаго, сему, какъ Единому покланялся, покарялся его одному Промыслу, любилъ его одного всемъ сердцемъ, познаніе его и его закона считалъ бы главнымъ преимуществомъ своимъ, и что бы ожидалъ себѣ полнаго блаженства, отъ повиновенія закону сему и отъ любви его—это есть первая, великая обязанность со стороны Религіи. Притомъ народъ сей, который признавалъ своимъ Богомъ существо Высочайшее и Святѣйшее, народъ такимъ Богомъ особливо покровительствуемый, долженъ отъ другихъ народовъ отличаться чистотою и невинностію нравовъ, правдивостію и лю-

бовію къ ближнимъ.—Это вторая великая обязанность, которая съ первою составляетъ существо Религіи всей, и которая ясно выражена на дскахъ закона, а еще яснѣе въ заповѣди: *возлюбиши Господа Бога твоего всемъ сердцемъ твоимъ, всею душею твоею, всею крѣпостію твоею,* 5 книг. *VI. 5*; *и ближняго твоего яко самъ себя*, 3 кн. XIX. 18; и сія Богослужебная система для большей взаимной твердости съ существомъ гражданской системы, по мѣрѣ того, какъ тогдашнее состояніе и положеніе народа требовало, такъ тѣсно соединена, что Богослуженіе, нравственность и полиція организуютъ *одно* нераздѣлимое *цѣлое*, всю Моисееву конституцію.

Бывъ ограниченъ временемъ и силами, пиша сіе размышленіе я бы долженъ былъ преступить сіи границы, если бы всю сію конституцію хотѣлъ ризбирать со всею подробностію; и лишнее бы было заниматься симъ, потому что славный Авторъ Моисеева права написалъ уже совершеннѣйшія по сему предмету и основательнѣйшія объясненія съ удивительнымъ остроуміемъ. И такъ я коснусь только нѣкоторыхъ, только главныхъ пунктовъ, заслуживающихъ особенное вниманіе и отличающихъ безсмертную конституцію относительно Религіи и нравственности.

Цѣль внѣшняго устроенія Религіи Моисеевой.

При внѣшнемъ устроеніи Религіи все имѣло главною цѣлію то, какъ бы въ народѣ столько грубомъ, привыкшемъ издавна къ чувственнымъ Богамъ, закоснѣвшемъ въ суевѣріи Египетскомъ, имѣющемъ поселиться между народами также суевѣрными, въ народѣ, для котораго долженъ быть страненъ, непостижимъ всякой Философизмъ,—ввести чистое Богопознаніе, какъ бы народъ сей заставить покланяться Единому истинному Богу.

Первое и сильнѣйшее средство, какое Моисей могъ употребить для сего, было: что онъ представилъ Бога Единымъ, Высочайшимъ Господомъ и Творцемъ міра, даже Творцемъ тѣхъ боговъ, коимъ другіе народы покланяются, который потому въ защищеніе кроткихъ поклонниковъ своихъ всегда покажется Богомъ боговъ и Господомъ міра Всемогущимъ; далѣе — что онъ Іегову представилъ не какъ Божество неизвѣстное, но какъ Бога, котораго цѣлый свѣтъ въ первыя времена почиталъ Богомъ своимъ, который былъ особливо Богомъ Авраама, праотца Израильскаго народа, и отъ котораго Авраамъ, бывъ благословенъ получилъ великой обѣтъ, что онъ будетъ Богомъ и потомства его, если сіе потомство будетъ ему столько же вѣрно. Сего Бога всемогущаго, неизмѣннаго

въ обѣтахъ своихъ, Моисей показываетъ Израильтянамъ и въ ихъ чудесномъ изведеніи изъ Египта. А что еще болѣе: онъ далъ понять, что великій Богъ есть ихъ Господь собственно, непосредственно ими управляющій, отъ котораго они и законы получили, который самъ сдѣлалъ для нихъ и всѣ постановленія, слѣдовательно котораго они могутъ почитать своимъ Господомъ и Царемъ.—Лестное преимущество! способъ самый натуральный сдѣлать Боговѣденіе и Бого-почтеніе важными. Богъ неба и земли есть Повелитель и Владыка Израиля;— какая мысль для народа еще не отвыкшаго отъ мыслей, что есть Божества мѣстныя! И такъ на двухъ понятіяхъ, которыя Пророкъ поселилъ въ душахъ Израильскихъ, должна была утверждаться Богослужебная система.

Необходимость внѣшняго устроенія Религіи.

Но Богъ невидимый— Царь безъ видимаго присутствія, Богъ и Царь безъ храма, безъ жилища, безъ пышностей, безъ даровъ и жертвъ—льзя ли все сіе понять грубому народу, которой не умѣетъ Бога представить себѣ безъ ощущаемаго присутствія Его, безъ наружнаго поклоненія. Слабость народа, или лучше тогдашняя всеобщая слабость требовала необходимо чувственнаго Богослуженія; и Богъ уважилъ слабость сію столь-

ко, сколько цѣлость высокой истины могла то позволить. Нужно было утвердить вѣденіе о Богѣ невидимомъ безъ всякаго матеріальнаго изображенія Его; и однакожъ надобно, что бы народъ живо чувствовалъ присутствіе Бога своего. Вещественное изображеніе вдругъ рушило бы основаніе всей Религіи, было бы сильнѣйшимъ поводомъ къ суевѣрію и многобожію; высокая идея о безпредѣльной духовной натурѣ Божественнаго существа должна бы уничтожиться каждымъ изображеніемъ; тогда Іегова былъ бы только мѣстнымъ Богомъ, ограниченнымъ; между тѣмъ народъ при каждомъ перемѣнномъ подобіи воображалъ бы себѣ новаго Бога, и, покланяясь одному, ничего не понималъ бы далѣе; слѣдовательно вся нравственность Религіи должна бы изчезнуть, такъ какъ не было сей нравственности въ Религіяхъ народовъ идолопоклонниковъ. И такъ — что бы помочь слабости народной какимъ нибудь памятникомъ чувственнымъ, Моисей руководствуемый самимъ Богомъ избираетъ для того кивотъ завѣта, въ который предъ глазами Израильтянъ кладетъ скрижали закона, снесенныя имъ съ горы, сосудъ съ манною, жезлъ—сей отличительный знакъ священства Ааронова и его фамиліи и свитки уложеній гражданскихъ. Сей кивотъ заступаетъ мѣсто образа; и однакожъ не можетъ быть поводомъ къ тому, что бы Бога представлять чувственно и чувственно покла-

няться ему. Вмѣсто того, что при видѣ истинная мысль о Богѣ, и сердечное возношеніе къ нему были бы трудны; здѣсь напротивъ идея о безконечной духовной натурѣ существа Божественнаго тѣмъ болѣе впечатлѣется и увѣрительность о его всемогуществѣ, величіи и присутствіи тѣмъ болѣе усиливается.— Пустой кивотъ не имѣлъ бы сего дѣйствія; онъ былъ бы пустая вещь безъ значенія, и народъ не могъ бы ничего представить себѣ; или, поелику другіе народы кочующіе носили боговъ своихъ въ подобныхъ влагалищахъ, то Израильтяне также могли догадываться объ истуканѣ, сокрытомъ въ кивотѣ. Но три вещи положенныя въ немъ удаляли всю возможность такихъ догадокъ. Высокая мысль о Богѣ остается во всей силѣ, и не смотря на невидимость его онъ такъ впечатлительно представленъ Богомъ, Владыкою, Царемъ, какъ не льзя бы было сдѣлать того никакимъ чувственнымъ изображеніемъ; ибо здѣсь скрытъ оракулъ его—законъ, которымъ онъ говоритъ къ народу, которымъ хочетъ онъ самъ управлять народомъ своимъ;—воспоминаніе о славѣ на горѣ Синаѣ дѣлало несомнѣнною Божественность сего закона. Сосудъ съ манною и жезлъ Аароновъ также имѣли свое особливое дѣйствіе. Первой напоминалъ Израильтянамъ о непосредственномъ покровительствѣ Іеговы въ продолженіе странствованія ихъ по пустынямъ; а второй доказывалъ важность

священства, на цѣлости коего основана цѣлость всей конституціи. Покровъ надъ кивотомъ знаменовалъ тронъ величества Царскаго; Херувимы, осѣняющіе крылами своими святилище означали присутствіе Бога, предъ которымъ они благоговѣли; 2. кн. XXV. 17.

Но одного кивота не довольно. Для того, что бы присутствіе Бога и Царя было несомнѣннѣе, надобно было имѣть ему по тогдашнему образу мыслей храмъ, постоянное жилище, куда народъ стекаясь могъ бы покланяться ему и радоваться бытіемъ его съ нимъ. Въ Египтѣ были воздвигнуты храмы; но народъ непостоянный въ образѣ жизни, народъ странствующій, обитающій въ кущахъ или шалашахъ подвижныхъ, могъ имѣть и храмъ только путевой. Патріархи не имѣли даже и такихъ храмовъ; они останавливаясь на какомъ нибудь мѣстѣ созидали тамъ и алтарь Богу небесному.

Такимъ образомъ если существо Религіи, если чистѣйшее понятіе о единомъ истинномъ Богѣ долженствовали быть чисты отъ всего суевѣрнаго; то общее зборное мѣсто, или храмъ для поклоненія Богу былъ необходимъ; мѣсто его заступала Скинія завѣта во время странствованія Израильскаго народа и далѣе, пока государство сіе не имѣло еще всей твердости. Давидъ, что бы возвысить видъ Богослуженія, что бы сдѣлать его болѣе блистательнымъ,

хотѣлъ было превратить скинію сію въ храмъ; но его намѣреніе выполнилъ уже сынъ. Скинія должна была такъ устроиться, что бы могла возбуждать возможнѣйшее чувство благоговѣнія къ присудствію Бога Всевысочайшаго и Царя Всемощнаго. Народъ долженъ былъ имѣть свободный входъ въ нее; но ему надобно было оставаться въ преддверіи; здѣсь могъ онъ видѣть издали торжественность Богослуженія, великолѣпіе и драгоцѣнность сосудовъ, притомъ употребляемыхъ; алтарь, на коемъ курился ѳиміамъ, золотой свѣтильникъ, златую трапезу съ хлѣбами и жертвами приношенія, — мѣсто, гдѣ полагались утвари, и гдѣ могли быть только священники, должно было остаться неприкосновеннымъ и, кромѣ священниковъ и служителей ихъ, входъ туда возбранялся каждому; иначе сами служители могли бы стесниться и отправленіе дѣлъ имъ назначенныхъ затруднялось бы; — кромѣ того, съ приближеніемъ къ алтарю ослабилось бы въ народѣ впечатлѣніе благоговѣнія. Самая же внутренность храма, *святая святыхъ*, гдѣ собственно былъ тронъ величества, кивотъ завѣта, отдѣлена была таинственною завѣсою; и туда, (чтобы святость мѣста тѣмъ значительнѣе была) могъ входить только Первосвященникъ, какъ первый служитель Религіи, какъ посредникъ и представитель народа; и то одинъ только разъ въ году, и то сдѣлавши прежде торжественное очищеніе. Такое собираніе въ

одно мѣсто не только было великимъ средствомъ — удержать народъ въ единодушіи относительно къ Религіи, утвердить прочность Богослуженія неизмѣнно; но было вмѣстѣ и сильнѣйшимъ средствомъ—связать народъ политически, такъ, что бы онъ, не смотря на то, что его составляли двенадесять колѣнъ или республикъ, независимыхъ другъ отъ друга по силѣ, по интересамъ,—почиталъ себя однимъ народомъ, коимъ одинъ Богъ, одинъ Царь, одни законы управляютъ. Сія связь и была разорвана, какъ скоро *Іеровоамъ*, сдѣлавшись Царемъ десяти колѣнъ, приказалъ устроить, кромѣ храма Іерусалимскаго, два мѣста другихъ для поклоненія Богу своему, и сего Бога показалъ Израильтянамъ въ образѣ Египетскаго *Аписа*. Ибо чрезъ сіе рушилась вся конституція, въ Государство открытъ сталъ путь идолопоклонству всякому; и два Царства, навсегда раздѣлившіяся, изъ ненависти одного къ другому ускоряли общую гибель.

Жертвоприношенія.

Существенность Богослуженія составляли жертвы. Всѣ жертвы въ своемъ началѣ были выраженіемъ признательности къ Богу. Ими свидѣтельствовали люди свою благодарность Господу, какъ Творцу природы и подателю всѣхъ благъ, принося лучшее изъ тѣхъ даровъ, которыми надѣляла

ихъ благость Его. И перваго чаловѣка сѣмейство симъ уже способомъ выражало свое сердечное благоговѣніе къ Создателю; и обычай жертвъ сохранялся не только въ Богобоязливомъ потомствѣ Адамовомъ, но онъ оставался неизмѣннымъ и между заблудшими, потерявшими истинное Боговѣденіе и поклонившимся идоламъ. Съ начала было два рода жертвъ; однѣ жертвы *обѣтовъ*, другія *благодарныя*. Но когда родилось чувство сомообвиненія, когда люди каждый нещастный случай, каждое явленіе натуры ужасное стали признавать за знаки разгнѣваннаго Божества: то приношеніемъ въ жертву лучшаго, что имѣли, знаменовали раскаяніе въ грѣхахъ, и выражали искреннее желаніе возвратить милость Божію, которой лишились. Со временемъ никакая жертва не приносилась безъ того, чтобъ Бога, какъ Правителя судебъ, не просить о покровительствѣ, или какъ свидѣтеля и судію не призывать въ утвержденіе клятвы при обѣтахъ и договорахъ: обыкновеннѣйшія же жертвы были благодарныя и *умилостивительныя*. Моисей также удерживаетъ послѣднія; однакожъ безъ всѣхъ околичностей, съ которыми онѣ были у народовъ идолопоклонниковъ. Жертвы снѣдныя и испиваемыя, состоящія изъ плодовъ земныхъ, вина и животныхъ снѣдныхъ, должны были питать въ сердцахъ жертвующихъ благодарное чувство къ Богу, Творцу натуры и по-

дателю всѣхъ благъ; и приносящій такія жертвы долженствовалъ остатки предлагать въ трапезѣ съ друзьями своими. А жертвы за грѣхи умилостивительныя, которыя надобно было приносить въ очищеніе каждаго преступленія, и которыя должны были сожигаться,—означали святость закона, означали то, что его никому нельзя преступить безъ наказанія, и однакожъ можно смягчить строгость наказанія сего. Ибо какъ безопасность конституціи требовала очень многихъ законовъ, а дикость народа и склонность его—перенимать чужія идолопоклонническіе обычаи, дѣлали строгость необходимою; то жертвы и были лучшимъ надежнѣйшимъ средствомъ поддерживать величіе закона и усиливать чувство самообвиненія при каждомъ проступкѣ противъ него, и между тѣмъ симъ щадилась слабость человѣческая, которая тѣмъ чаще падаетъ, чѣмъ больше законовъ ограничивающихъ ее. Приносящій жертву въ жертвѣ себя представлялъ Богу, и какъ съ возложеніемъ рукъ онъ признавалъ, что возлагалъ грѣхи свои на главу животнаго; то жертвоприношеніе и означало его смиренное исповѣданіе предъ Господомъ, что онъ преступникъ, что онъ самъ заслуживалъ бы смерть, которую терпитъ животное, если бы Богъ по своей любви не принималъ за него смерти животнаго жертвеннаго. Животное было закалаемо и сожигаемо, и жертвую

щій въ семъ случаѣ оставался въ тѣхъ мысляхъ, будто самъ онъ понесъ наказаніе смертное и тѣмъ удовлетворилъ требованіе закона; слѣдовательно дѣлался свободнымъ отъ всякаго обвиненія, или, какъ говоритъ Св. Ап. Павелъ къ Евр. IX, *очищался тѣлесно.* Но сіи умилостивленія были дѣйствительны только при легкихъ погрѣшностяхъ; не включаются сюда преступленія оскорбляющія Религію и нравственность, и потрясающія общественное спокойствіе. Всѣ сіи жертвоприношенія, даже дневныя жертвы, приносимыя священниками каждое утро и вечеръ за весь народъ, должны были совершаться въ храмѣ или въ скиніи, въ присутствіи Бога, чтобы святость ихъ была значительнѣе, и чтобы чрезъ то могли предупреждаться безпорядки и неуваженіе къ закону.

Праздники.

Еще для большаго поддержанія единства въ Религіи и единодушія гражданскаго, весь народъ долженъ былъ собираться къ святому мѣсту, три раза въ году праздновать три праздника. Сіи праздники были: *Пасха*, или праздникъ опресноковъ, *праздникъ седмицъ*, и *праздникъ кущь;* 2 кн. XXIII. 14. 5. кн. XVI. Праздникъ *Пасхи*, какъ самый главный, установленъ былъ въ память чудеснаго исхода изъ Египта; и поелику онъ сопровождался церемоніями,

какія были при самомъ исходѣ, и всякой отецъ семейства долженствовалъ притомъ повторять исторію исхода; то чудо избавленія и не могло никогда изчезнуть изъ вида народа; кромѣ того, праздникъ сей оставался сильнѣйшимъ средствомъ утвердить Израильтянъ въ истинномъ Богопочитаніи. Другіе два праздника имѣли также отношеніе къ спасенію отъ рабства Египетскаго; но поелику они праздпуемы были — одинъ во время начинанія жатвы, другой по окончаніи ея; то цѣль ихъ собственная была—возбуждать и усиливать въ душахъ Израильтянъ чувство благодарности къ Іеговѣ, какъ виновнику и подателю всѣхъ благъ. Сіи праздники были торжественные, всеобщіе для того, что бы народъ тѣмъ вѣрнѣе оградить отъ соблазновъ къ идолопоклонству сосѣднихъ народовъ, и удержать отъ безстыдныхъ, сластолюбивыхъ забавъ, сопровождавшихъ обыкновенно суевѣрное Богослуженіе; и слѣдовательно, чтобы привязать болѣе къ Богослуженію своему, смягчая строгость его и облегчая тяжесть. Особливо же служили они благоразумнымъ средствомъ поселять въ народѣ кроткіе нравы, возбуждать въ немъ любовь братскую, дружественную; что не возможно было, вперяя однѣ сухія, горькія, тягостныя правила Религіи. Для усиленія сей любви взаимной между Израильтянами установлено, чтобы остатки жертвъ десятинныхъ и первен-

цовъ, приносимыхъ Богу, не въ домахъ снѣдалъ каждой, но чтобы изъ нихъ составлялся общій пиръ для Левитовъ, для своей фамиліи, для вдовъ, сиротъ, бѣдныхъ, для самыхъ рабовъ,—что бы радость не была чужда ни чьему сердцу.

Праздникъ очищенія.

Только великій праздникъ *очищенія*, торжественнѣйшій изъ всѣхъ, праздновался одинъ разъ въ году съ сокрушеніемъ сердечнымъ предъ Богомъ и съ строгимъ *постомъ*, чтобы народъ не могъ забыть священнѣйшихъ обязанностей, какія на него налагаетъ законъ, и смирялся бы чувствомъ грѣховъ своихъ; но между тѣмъ чтобы и питалъ въ себѣ надежду на милость Божію, питалъ упованіе на Іегову, коего гнѣвъ приносимыя жертвы представляли ему страшнымъ, мстительнымъ. Церемонія праздника сего была очень пышна. Прежде всего первосвященникъ приготовившись, очистившись, долженъ былъ принести въ жертву тельца за грѣхи, и подъ благоуханіемъ кадилъ итти съ кровію сей жертвы во *Святая святыхъ*, къ сѣдалищу Величества Божественнаго, и здѣсь не умоляя еще за преступленія народа, кропить кровію предъ кивотомъ въ умилостивленіе за грѣхи собственно свои и своего дома; потомъ долженъ онъ заколоть овна въ жертву за народъ; съ кровію сего овна

итти, какъ предстатель народа также во *святая святыхъ*, также покропить ею предъ кивотомъ, и именемъ народа принести чрезъ то смиренное, полное раскаянія исповѣданіе грѣховъ въ доказательство, что Израиль за прегрѣшеніе самъ бы долженъ былъ умереть, если бы Богъ по благодати своей не благоволилъ принять приносимой крови вмѣсто жертвы за него. При исходѣ изъ святилища окроплялъ первосвященникъ кровію Алтарь. Потомъ бралъ овна другаго, возлагалъ, какъ при прочихъ умилостивительныхъ жертвахъ; обѣ руки свои на главу его, въ знаменіе, что возлагаются на овна грѣхи народа, и приказывалъ бросать его въ пустыню въ знакъ того, что такъ упраздняются отъ Израиля всѣ злодѣянія его. Въ заключеніе приносилъ первосвященникъ еще жертву за народъ и за себя; и телецъ и овенъ, коихъ кровь вносилась во *святая святыхъ*, внѣ стана сожигались въ знакъ того, что такъ совершенно уничтожаются согрѣшенія кающихся.

Сравненіе Богослуженія, установленнаго Христомъ Спасителемъ, съ Моисеевымъ.

Вотъ что составляло существенность Моисеева Богослуженія, которое конечно можетъ казаться намъ недостаточнымъ, бѣднымъ сравнительно съ чистѣйшимъ высокимъ Богослуженіемъ, установленнымъ

Божіимъ сыномъ — *ХРИСТОМЪ;* но которое, судя по тогдашнимъ всеобщимъ понятіямъ до Религіи относящимся, по всеобщей чувственной слабости, не могшей вознестись до поклоненія Богу въ духѣ,— очень способствовало къ непоколебимости установлявшейся Религіи и къ прочности конституціи государственной;—способствовало къ утвержденію великой истины о Богѣ Единомъ и къ возбужденію чувствованій благочестивыхъ въ сердцахъ народныхъ. Впрочемъ и сіе Богослуженіе не полно бы отвѣчало цѣли своей, если бы Пророкъ не наставленъ былъ Богомъ отбросить въ немъ все, что какъ нибудь могло быть поводомъ къ идолопоклонству. По сему-то съ первою заповѣдію—*не имѣть другихъ боговъ*, соединялась непосредственно другая—*не творить кумировъ* или символовъ, которыя бы представляли Бога; 2 кн. XX. 4.

Удаленіе всѣхъ поводовъ къ идолопоклонству.

О кумирахъ въ образѣ человѣческомъ не было однакожъ здѣсь и упомянуто; запрещены были только подобія всякія, или символическія картины духовъ и животныхъ водныхъ и земныхъ, которыхъ въ Египтѣ почитали за Боговъ. Истуканы Боговъ въ человѣческомъ образѣ были произведеніемъ Греческаго искусства уже позднѣйшаго, такъ какъ Боготвореніе человѣковъ самихъ выдумала уже поздо благодар-

ность, или лесть. Древнимъ Египтянамъ казалось, что животныя лучше, нежели человѣкъ, могли служить эмблеммою Божествъ ихъ. Въ людяхъ видѣли они всегда такія слабости, которыхъ не можно было согласить съ идеею совершенства; и слабости и пороки человѣческіе дѣйствительно появились у Боговъ Греческихъ, и ихъ *Миѳологія* здѣлалась отъ того книгою мерзостей; также въ то время, когда искуства были еще грубы, не могла одна форма человѣческая выражать разныхъ Божествъ и ихъ свойствъ различныхъ; потому-то и не находили разности между выраженіями Боговъ и Богинь Греческихъ; когда Греція еще младенчествовала, тогда говорили: si Deus, si Dea es. И хотя Египтяне въ позднѣйшія времена, принаровляясь ко вкусу Греческому, и приняли формы человѣческія для изображенія своихъ Божествъ; однакожъ голова животнаго всегда была у нихъ значительнѣйшимъ символомъ Бога собственно ихъ. Моисей, духомъ Божіимъ наставляемый, запретилъ подобныя симъ изображенія Бога истиннаго подъ опасеніемъ наказанія, какое положено за дѣйствительное Богоотступничество. Ибо при тогдашней склонности народовъ къ идолопоклонству всякое изображеніе, какое бы ни было оно, непремѣнно ослабило бы мысль о Высочайшемъ духовномъ существѣ, остановило бы человѣка въ благоговѣйныхъ сердечныхъ возно-

шеніяхъ къ нему, подавило чувства благочестивыя и наконецъ до того бы довело, что поклоняющійся изображенію потерялъ бы истинное понятіе объ изображаемомъ.

Тѣмъ менѣе терпимо было какое нибудь дѣйствительное идолопоклонство, или почитаніе чужихъ Боговъ; оно должно было наказываться смертію, какъ неизвинительнѣйшее преступленіе противъ Религіи и Государства.

Чтобы болѣе и болѣе предотвратить всякой соблазнъ къ тому, Моисеемъ данная конституція сколько можно далѣе отклоняла народъ Израильской отъ близкихъ связей съ сосѣдними народами; запрещено потому вступать въ супружество съ иностранными женщинами; даже многія снѣди, употребляемыя идолопоклонниками, возбранены.

Ясность Религіи Моисеевой.

Я не говорю о многихъ другихъ распоряженіяхъ и законахъ, какія сдѣлалъ Божественный промыслъ для достиженія великой цѣли своей. Во всей Богослужебной системѣ нельзя оставить безъ замѣчанія того только, что въ ней не было никакихъ непонятностей, никакихъ таинствъ жреческихъ, никакихъ загадочныхъ гіероглифовъ, коихъ смыслъ истинной затеряли бы, какъ въ Египтѣ, и самые священники; напротивъ все было устроено сооб-

разно всеобщимъ народнымъ понятіямъ, всѣ законы изданы на языкѣ народномъ; значеніе каждаго закона опредѣлено со всею строгостію; списки съ нихъ, дабы каждый гражданинъ въ случаѣ недоразумѣнія не принужденъ былъ далеко ходить за совѣтомъ, розданы были священникамъ; а чтобы отвратить всякую умственную перемѣну и самую даже неисправность перепищиковъ, они должны были публично читаться въ каждой седьмой годъ, годъ субботствованія, когда народъ успокоивался отъ работъ своихъ. Не льзя быть мѣрамъ болѣе мудрымъ, какія приняты здѣсь для огражденія книги законовъ отъ погрѣшностей, для сохраненія цѣлости ихъ первоначальной, если бы что неважное и перемѣнилось въ нихъ. Священники не могли толковать самопроизвольно; всякой видѣлъ самъ въ нихъ должности свои и никто въ случаѣ проступка не могъ извиняться невѣденіемъ, и начальникъ имѣлъ всегда право требовать точнаго исполненія ихъ. *Заповѣдь сія, юже азъ заповѣдаю тебѣ*, говоритъ потому Моисей Богомъ вдохновенный, 5 кн. XXX. 11, *не тяжка есть, ниже далече есть отъ тебѣ: не на небеси есть, глаголя: кто взыдетъ отъ насъ на небо и возметъ ю намъ, и услышавше ю сотворимъ; ниже объ ону страну моря есть глаголяй: кто прейдетъ намъ на ону страну моря и возметъ ю намъ, и услышавше ю сотворимъ; близь тебе есть*

глаголъ зѣло, во устѣхъ твоихъ, и въ сердцѣ твоемъ, и въ руку твоею творити его.

Древность Религіи Моисеевой.

А что наконецъ всего болѣе служило къ сохраненію конституціи, что должно болѣе привязать къ ней народъ; то сіе было ея древность, которую Моисей доказалъ Исторіею отъ начала бытія до его времени.—Сею Исторіею показываетъ онъ, что не вводитъ ничего такого, что бы было ново; показываетъ, что Іегова есть тотъже Богъ, которому и первые люди поклонялись, и образъ поклоненія имъ установляемый, и законы имъ написанные были священны и у праотцевъ ихъ; что всѣ Боги и Богослужебные обряды язычниковъ, даже Египетскіе, вымышлены уже со временемъ, и ими только обезображена, искажена первая Религія, которую онъ въ первоначальной чистотѣ ея опять возстановляетъ. Чрезъ сіе и чрезъ то, что онъ Исторію бытія написалъ какъ бы введеніемъ въ систему Богопочитанія, далъ своей конституціи такой видъ, такую цѣну, какой въ свѣтѣ никакая другая конституція не имѣла и имѣть не могла, и вмѣстѣ доказалъ тѣмъ свое благоразуміе, которое, если бы и не былъ онъ посланникомъ Божественнымъ, ставитъ его выше всѣхъ мудрыхъ и великихъ законодателей міра.

Здѣсь надобно мнѣ остановиться на двухъ вопросахъ, которыхъ опустить не могу. — Первой: въ системѣ Богослуженія Моисеева заимствовано ли что нибудь отъ языческихъ народовъ, и особливо отъ Египтянъ? Второй: образъ Богослуженія Еврейскаго имѣлъ ли прообразовательное значеніе? На первой вопросъ должно отвѣчать тѣмъ съ большею рѣшительностію, что его разсматривать должно не въ томъ смыслѣ, въ какомъ смыслѣ предлагали его сумнящіеся, которые думали, что Моисей, занимая обряды отъ народовъ идолопоклонническихъ, тѣмъ унизилъ бы славу Бога, какъ первой вины Религіи Израильской.

Превосходство Религіи Моисеевой въ отношеніи къ идолопоклонству Египетскому.

Судя потому, что самъ Богъ для служенія себѣ устроялъ непосредственные обряды народу Израильскому, не льзя принять мнѣнія тѣхъ, кои утверждаютъ, что Моисеево Богослуженіе сдѣлано по образу Египетскаго.

Сравните только существенные пункты его и Египетскаго Богослуженія. Въ Египтѣ Высочайшее существо, если знали его, такъ какъ у всѣхъ древнихъ народовъ, не имѣло публичнаго служенія себѣ; но были тутъ богами высшими — *солнце*, *луна*, *звѣзды* и *Нилъ*. Моисееву Религію напротивъ составляло поклоненіе единому Богу и Творцу міра, съ отверженіемъ всѣхъ бо-

говъ равныхъ и низшихъ; и у него боги Египетскіе суть бездушныя творенія, и почитать ихъ—значило быть преступникомъ. Въ Египтѣ каждое изъ Божествъ имѣло свой символическій образъ—*вола*, *собаку*, *крокодила*, *ястреба*. Моисей запрещаетъ всякія подобія истиннаго Бога подъ смертною казнію. Въ Египтѣ оныя животныя священны, а онъ большею частію называетъ ихъ нечистыми. Священнѣйшіе обряды Египтянъ называетъ мерзостію и вводитъ обряды и жертвы такіе, какихъ не терпѣли они. Въ Египтѣ чародѣйство, волхвованіе, толкованіе сновъ составляли мудрость и преимущество жрецовъ; Моисей называетъ сію мудрость суевѣріемъ, обманомъ, преступленіемъ заслуживающимъ казнь смертную. Въ Египтѣ обрѣзаніе было отличіемъ жрецовъ; Моисей предписываетъ его всему народу. Въ Египтѣ мертвые были почитаемы нѣкоторымъ образомъ священными, и ихъ старались блюсти отъ тлѣнія; Моисей возвѣщаетъ, что всѣ мертвые нечисты, что одно прикосновеніе къ нимъ уже оскверняетъ, и чтобы удалить ихъ съ глазъ, приказывалъ зарывать въ землю. Въ Египетскомъ Богослуженіи наконецъ все было гіероглифическое, Символическое, загадочное, таинственное; и одни жрецы только знали сокровенный смыслъ гіероглифовъ, одни они умѣли обьяснять ихъ; въ Богослуженіи Моисеевомъ напротивъ ничего не было символическаго,

все было открыто, просто, постижимо всякому Израильтянину, даже слабому. Священники по сему отношенію не имѣли никакого преимущества, не было ничего предоставлено произвольному ихъ толкованію; все было сказано опредѣлительно, на обыкновенномъ народномъ языкѣ такъ, что народъ также могъ хорошо знать свою Религію, какъ и священники; также полно могъ знать свои должности, какъ и священническія. Сія ненависть Моисеева къ Египетскому идолопоклонству была небезъизвѣстна, и по ней одной другіе народы разумѣли характеръ его. Египетскій жрецъ *Монетонъ* называетъ его врагомъ Египетскихъ обычаевъ; но здѣсь особливо значительно свидѣтельство *Страбоново*. Вотъ оно: „Моисей, говоритъ онъ, былъ изъ роду Египетскихъ жрецовъ, (сіе въ нѣкоторомъ отношеніи справедливо, ибо онъ принятъ былъ въ Царскую фамилію) но поелику ему ихъ Богослуженіе, основанное на поклоненіи животнымъ, казалось соблазнительнымъ, то онъ оставилъ потому Египетъ и ушелъ въ Палестину. Ибо онъ исповѣдалъ Богомъ истиннымъ единое только Высочайшее, безпредѣльное существо, обьемлющее всю натуру; и какъ существо сіе не могло быть представлено ни въ какомъ образѣ, то и утверждалъ онъ, что покланяться ему надобно безъ всякаго чувственнаго изображенія въ храмѣ посвященномъ его святости; утверждалъ,

что отъ сего существа добрую и чистую жизнь ведущіе могутъ ожидать всякаго блага. Такъ проповѣдуя, онъ склонилъ къ себѣ многихъ благомыслящихъ людей, и обѣщавшись установить Богослуженіе съ разумомъ согласное, безъ пышностей стоющихъ большихъ издержекъ, привелъ ихъ въ страну, гдѣ теперь стоитъ городъ *Іерусалимъ.*" Какъ истинно сіе противъ безтолковыхъ бредней *Монетена!*

И такъ въ Богослуженіи Израильтянъ избѣгнутъ всякой возможной поводъ къ идолопоклонству Египетскому. Но поелику Евреи не могли, какъ и никто не можетъ, представить себѣ Богослуженіе безъ обрядовъ, безъ храмовъ, жертвъ, праздниковъ, безъ священниковъ; поелику Евреи должны были все это имѣть, что бы не соблазниться благовидностію священнослуженія сосѣднихъ народовъ; то какъ бы Моисей могъ заставлять ихъ жертвовать прежними Богами вновь установляемой Религіи проповѣдуя имъ единаго истиннаго Бога, которому они поклоняться долженствовали, не позволяя имѣть предъ собою никакого образа Бога сего; какъ могъ бы, говорю я, Моисей склонить Евреевъ—народъ столько безпокойный—къ принятію Богослуженія вводимаго имъ, если бы при семъ вздумалъ предписать имъ новые, необыкновенные странные обряды, которые не имѣли бы на себѣ знаменія святости? Какіе бы ни выдумалъ онъ самъ, все народъ, не имѣя предъ гла-

зами чувственнаго образа Бога своего, на которой взирая, могло бы нѣкоторымъ образомъ успокоиваться молящееся сердце его, не видалъ бы въ нихъ ничего священнаго, и думалъ бы, что у него нѣтъ ни Бога, ни Религіи. Слѣдовательно, если Моисей не хотѣлъ вооружать Израильтянъ противъ себя самаго, если не хотѣлъ на себя навлечь подозрѣнія ихъ, если хотѣлъ, чтобъ вѣрили они присутствію съ ними Бога, о которомъ говорилъ имъ; то благоразуміе требовало избрать для Богослуженія такіе обряды, на которые бы Евреи смотрѣли съ благоговѣніемъ, и смотря поклонялись въ душѣ Богу отцевъ своихъ; которые, не имѣя ничего суевѣрнаго, были бы однакожъ достаточны для усиленія въ Израильтянахъ мыслей о присутствіи невидимаго Бога; которые могли бы питать чувство Религіи, какое хотѣлъ Моисей возбудить въ сердцахъ ихъ.

Богослуженіе Моисеево прообразовало Религію Христову.

Что касается до изслѣдованія другаго вопроса, то я не могу не уважить того общаго мнѣнія, что Богослуженіе, Моисеемъ устроенное, имѣло цѣлію—*предзнаменовать высокія таинства будущей совершеннѣйшей Религіи*, и что въ Моисеевой Религіи находятся доказательства истинъ Христіанскихъ. Св. Апостолъ *Павелъ* въ пос-

нія къ Евреямъ дѣлая сравненіе между закономъ Іудейскимъ и Евангеліемъ, доказываетъ тѣмъ преимущество Христіанской Религіи; онъ показываетъ, какъ бѣдны, незначительны были бы обряды Моисеевы, если бы они не прообразовали таинствъ, которыя наконецъ совершаются. Впрочемъ желательно бы было, что бы сравнивая части Богослуженія ветхаго завѣта съ таинствами новыми, не касались всѣхъ малостей потому, что такая игра воображенія не столько докажетъ истину, сколько ослабитъ достоинство нашей Религіи святой.

Устроеніе священническаго состоянія.

Наконецъ опора всей конституціи была состояніе священническое, которое одно должно было особливо пещись о цѣлости ея. Ибо, кромѣ всеобщаго мнѣнія, что Божество требовало служителей, которые, посвятивъ себя ему, имѣли бы своею обязанностію смотрѣть за всѣмъ, что принадлежитъ къ Религіи; особливая система конституціи Моисеевой, въ которой Богъ былъ вмѣстѣ и Государь, непосредственно правящій, и законодатель; и слѣдовательно гдѣ система Богослуженія съ правительствомъ гражданскимъ составляла одно цѣлое; тѣмъ болѣе необходимымъ дѣлала такое состояніе, которое смотрѣло бы и за обрядами священными, собственно относящимися къ служенію Богу, и имѣло бы

наблюденіе за точнымъ исполненіемъ закона.

Въ Египтѣ жреческое состояніе было первое изъ трехъ главныхъ въ цѣлой націи. Моисей вмѣсто того избираетъ одно колѣно изъ двѣнатцати, именно, колѣно *Левіино;* и въ семъ колѣнѣ фамилія *Ааронова* имѣла преимущество; ибо ей одной собственное достоинство священническое было присвоено, кромѣ должностей Богослужебныхъ; ей поручено было старашься о размноженіи списковъ съ закона и о сохраненіи цѣлости его; прочіе Левиты были при семъ случаѣ только помощниками. Предпочтенію сего колѣна другіе не могли ропотно завидовать, потому что Моисей самъ происходилъ изъ него; соединивъ съ нимъ лестныя отличія навсегда, онъ очень надежно предотвратилъ чрезъ то всѣ будущія притязанія; и Ааронова фамилія тѣмъ съ большею ревностію должна была заботиться о соблюденіи Религіи, что отъ ней одной зависѣла прочность щастія ея. Чтобы сіе чувство собственной пользы еще больше усилить, при раздѣленіи земли, Моисей не назначилъ Левіину колѣну ни какого участка, а опредѣлилъ въ замѣну того съ полей десятины, которыя и въ древнѣйшія времена были почитаемы принадлѣжностію Бога, какъ Творца міра и его служителей, 1 кн. XIV 18; прибавилъ къ тому первенцовъ отъ всякаго плода и скотовъ и часть денегъ—такъ называемыхъ *откупныхъ* за первор采днаго всякаго. Сему

колѣну назначены были особливые города для жительства, чрезъ что священники удобнѣе могли исполнять свои должности, которыхъ, кромѣ Богослуженія требовало отъ нихъ званіе, и народъ въ случаѣ надобности, могъ свободнѣе получать отъ нихъ совѣты и наставленія. А что всего благоразумнѣе—Левиты, живя разсѣянно по всему Государству, близки были къ народу, и ни чему не льзя было отъ нихъ скрыться, что какъ нибудь было бы опасно для конституціи.

О Θеократіи.

Но здѣсь слышу я возраженіе: „все до„казываетъ, что Конституція Моисеева „есть не что иное, какъ система хитрой „политики, система жреческая; ибо Θеок„ратія, о коей заставили народъ такъ вы„соко думать, великое множество и сила „жрецовъ, ихъ содержаніе дорогое и тя„гостное для Государства; великолѣпіе Бого„служенія, очень многаго стоющее; вѣчныя „и пустыя должности, налагаемыя Рели„гіею; законы ничего не значущіе, перемѣ„шанные съ важнѣйшими законами нрав„ственными; тиранническая строгость „священниковъ; ихъ кровожадная нетерпи„мость и чрезъ то питаемое въ народѣ чело„вѣко-ненавидѣніе—все, кажется, дѣйст„вуетъ, чтобы народъ содержать въ гру„бомъ невѣжествѣ и въ невольничествѣ у „жрецовъ.“

Думаю, все тутъ, чемъ *Болинброкъ*, *Волтеръ* и всѣ враги откровенной Религіи обольщали свѣтъ такъ долго. Но я могу на все отвѣчать въ короткихъ словахъ.

Ѳеократія—слово новое, и Іосифъ, которой употребилъ его первой, думаетъ самъ, что имъ не выражаетъ вещи предполагаемой; Моисей также не могъ выдумать Ѳеократіи, потому что она не къ его одной собственно конституціи относится. Всѣ Религіи древнія были соединены съ правительствомъ гражданскимъ; основаніе сему положено было еще въ фамильныхъ правленіяхъ; такъ *Мельхиседекъ* и Патріархи были царями и вмѣстѣ священниками, а изъ фамильныхъ правленій перешло сіе и въ большія гражданства. По мѣрѣ, какъ возрастало многобожіе, множились и сіи Ѳеократіи. Каждый народъ видѣлъ въ своемъ Богѣ, коему поклонялся, утвердителя своего отечества, Бога національнаго, ему особливо покровительствующаго. Такимъ образомъ въ Египтѣ Божество солнца—Озирисъ почитался высшимъ Богомъ національнымъ и Царемъ. Въ отдѣленіи, гдѣ разсматривалась Моисеева система о Богѣ, я сказалъ уже, что народу Израильскому не иначе можно было Іегову представить, какъ Богомъ національнымъ. Народъ думалъ бы, что не имѣетъ ни какого Божества, если бы заставили его иначе понимать Бога. И такъ Моисей могъ Евреямъ показать свою систему правленія

такою Θеократіею. Но національные Боги другихъ народовъ были твари обоготворенныя, боги суетные и мечтательные; слѣдовательно таковы и Θеократіи ихъ; а сему народу Богъ опредѣлилъ для обладанія еще въ предкахъ его ту землю, которую долженствовалъ онъ населить; Израиль шелъ въ землю обѣтованную особливо покровительствуемый симъ Богомъ; установленіе Религіи и правительства гражданскаго утверждаемо было симъ же Богомъ чудеснымъ образомъ, и Евреи потому управлялись его Божественными законами, могли твердо уповать на помощь его, пока сами вѣрными ему пребывали; и поелику они только изъ всѣхъ сосѣднихъ народовъ имѣли одного Бога, ими покланяемаго безъ всякихъ низшихъ боговъ, то Моисей могъ для удержанія ихъ отъ идолопоклонства, и для того, чтобы больше внушить въ нихъ почтенія къ своей конституціи, а особливо когда другіе народы и мнимыхъ, ложныхъ боговъ избирали въ свои защитники, — могъ, говорю, укрѣплять тѣмъ болѣе и ихъ въ *вѣрѣ*, что Творецъ міра есть ихъ Царь и Богъ—защитникъ. Поелику же скинія почиталась собственно жилищемъ Бога, а законъ всегдашнимъ оракуломъ его, и въ слѣдствіе того все, что ни производилось предъ скиніею, или въ скиніи, было свято, какъ производимое въ присутствіи Божіемъ, все, что въ слѣдствіе закона установлялось, или предписывалось, должно

было имѣть видъ непосредственнаго повелѣнія Божія: то сіе и подало, можетъ быть, поводъ къ понятіямъ о Ѳеократіи, что Богъ всегда былъ присущъ чудеснымъ образомъ Израильскому царству, и будто правилъ имъ непосредственно.

По понятію о сей Ѳеократіи должно разсуждать и о состояніи священническомъ, если сужденія должны быть справедливы. Ибо, если бы правленіе Израильское съ правленіемъ нашимъ, ихъ Богослужебная система съ нашимъ Богослуженіемъ, ихъ состояніе священническое съ состояніемъ духовенства нашего имѣло какое сходство; то всѣ возраженія противъ множества Еврейскихъ священниковъ, противъ власти и доходовъ ихъ были бы справедливы. Но, между тѣмъ, какъ тамъ Религія и Государственное правленіе составляли одно нераздѣлимое цѣлое; *Царство* нашего Спасителя *нѣсть отъ міра сего*, и его Религія отъ гражданскихъ постановленій не зависитъ; она есть потребность души, совмѣстна всѣмъ правленіямъ, во всѣхъ странахъ и во всѣ времена; потому что состоитъ она въ *поклоненіи Богу духомъ и истинною*, и цѣль ея есть привлекать путемъ невинности къ вѣчному, небесному блаженству; Богослуженіе жъ Іудеевъ было напротивъ совершенно чувственно, и по дикости народа, по всеобщей тогда слабости разсудка, могло ли быть иначе, когда Богу служили какъ присущему Царю

своему? И такъ наше состоянiе духовное съ состоянiемъ священниковъ Израильскихъ не имѣетъ никакого сходства; наше имѣетъ предмѣтомъ своимъ наставлять людей въ познанiи Бога и Искупителя словомъ Божiимъ тѣми святыми таинствами и обрядами, какiя имъ самимъ или Апостолами его установлены, возбуждать людей къ исполненiю ихъ званiя, питать въ нихъ упованiе на Искупителя, вѣру въ безсмертiе; впрочемъ наши духовные сутѣ также и граждане Государства, и если они имѣютъ внѣшнiя преимущества и права, то сiе для того, чтобы совершеннѣе могли выполнять долгъ званiя своего, нужнаго для государственнаго блага. Слѣдовательно всѣ возраженiя противниковъ должны быть изьяснены или недостаткомъ въ сужденiи, или злобою — со всѣхъ сторонъ чернить Религiю Моисееву. Кромѣ вседневныхъ жертвъ, кромѣ многихъ другихъ занятiй, относящихся къ Богослуженiю, что все требовало великаго числа священниковъ, имъ еще поручена была должность пещись о сохраненiи конституцiи; они были совѣтниками государственными и Министрами—хранителями и исполнителями всѣхъ законовъ; они были и смотрителями благочинiя, и Анналистами, и Историками, и врачами, и Астрономами; ибо имъ надобно было время праздниковъ назначать; они были все то, что у Турковъ законоискусники, или что у насъ

все состояніе ученыхъ: удивительно ли послѣ того, что число Левитовъ велико? И сіе не есть собственный вымыслъ Моисеевъ. Столько и таковы были жрецы у всѣхъ древнихъ народовъ — у Египтянъ, у всѣхъ восточныхъ и сѣверныхъ жителей, у древнихъ Нѣмцовъ, у Галловъ, у Британцевъ. Іосифъ при своемъ возвышеніи долженъ былъ вступить въ чинъ жреческой, и тогда уже могъ онъ принять на себя Государственныя должности. *Тацитъ* говоритъ о древнихъ Германцахъ, что у нихъ только жрецы имѣли право производить законное наказаніе надъ преступникомъ; и сіе наказаніе было казнію гражданскою, производилось не по повелѣнію Царя или Князя, но именемъ и велѣніемъ Бога—совершенно Ѳеократически!—Посему священники какъ служители Бога, и какъ Министры Государства необходимо должны были имѣть великую важность.

И доходы ихъ долженствовали потому быть соразмѣрны состоянію. *Десятины* и прочія подати съ народа были конечно велики; но такъ кажется отъ того, что священниковъ представляютъ только служителями храма. Въ прочемъ они не имѣли никакой собственности изъ земель, какъ прочія колѣна Израильскія; ихъ разнообразнѣйшія занятія, ихъ пребываніе у скиніи, или храма, отнимало у нихъ способы къ другимъ какимъ либо пріобрѣтеніямъ; и что Моисей прямо для ихъ пропитанія назначилъ первенцовъ отъ всего,

то назначенія такого требовала справедливость; иначе состояніе ихъ было бы самое бѣднѣйшее. Между тѣмъ онъ съ мудрою прозорливостію предписалъ границы власти ихъ, что бы они не могли быть опасны свободѣ и благосостоянію народному;—и здѣсь опять видѣнъ въ Моисеѣ великой человѣкъ. Въ подобныхъ Государствахъ древнихъ, гдѣ жрецы не зависѣли отъ свѣтскаго правительства установляли законы именемъ Божествъ, власть сія страшна была; ибо не было ни какихъ законовъ писанныхъ; у Моисея напротивъ народъ былъ совершенно обезопасенъ, потому что все было опредѣлено закономъ, и законъ чрезъ каждое семилѣтіе былъ читаемъ публично; слѣдовательно народъ зналъ съ точностію свои права и должности, и права и должности своихъ священниковъ. Опредѣленностію доходовъ священническихъ также народъ увѣренъ былъ въ своей собственности, и служители Іеговы могли у него требовать только то, что законъ повелѣвалъ давать. Всякой Израильтянинъ зналъ мѣру дани своей, и священникъ не смѣлъ требовать больше; ни что небыло давано напрасно. — Въ *Монтескю* можно далѣе читать о мудрости Моисеевыхъ уложеній.

Издержки, на Богослуженіе употребляемыя, съ сей же точки зрѣнія должны быть разсматриваемы. Если пышность роскошная сколько нибудь вредна истинному

духовному Богослуженію; то для человѣка чувственнаго тѣмъ не менѣе служитъ она къ возрожденію въ немъ благоговѣйной нравственности. Одинъ только совершенный уже христіанинъ увѣренъ, что онъ не иначе можетъ доказать любовь свою къ Богу, свое благоговѣніе, свое уничиженіе предъ нимъ, какъ правдивостію своею, побѣдою надъ похотями законопреступными, чистымъ, невиннымъ сердцемъ, дѣятельною безъисключительною любовію къ ближнимъ. Сіе-то есть моленіе, сіе есть служеніе Богу, угодное по духу Религіи *ІИСУСОВОЙ*; Марк. XII. 33. Это было даже духомъ Религіи въ вѣтхомъ завѣтѣ; не льзя величественнѣе, не льзя сильнѣе сказать, какъ выражались о томъ Давыдъ и Пророки. Псал. 50.; Іисус. I. 10. 18; Іерем. *VI*. 20; Амос. *V* 21; Мих. *VI*. 6.7. Но Моисей долженъ былъ снисходить всеобщей чувственной немощи тогдашняго времени, чтобы не ослабить впечатлѣнія о величія Бога—Іеговы; ибо можно ли праздникамъ его быть скудными, когда пышны они у сосѣднихъ Боговъ? Впрочемъ любовь къ Богу и къ ближнему все остается по закону Моисееву душею Богослуженія, остается единственнымъ средствомъ благоугодить Іеговѣ. Онъ ограничилъ и пышность служенія такъ мудро, чтобы оно не было отяготительно для народа, не превышало силъ его. Большая часть податей состояла въ произведеніхъ земныхъ; цѣна же сребра, даваемая на и

держки при Богослуженіи, которую Моисеевы противники возвышаютъ до смѣшной невѣроятности, была конечно не всегда одинакова, но бралась по расчету денежному.

О обрядахъ.

Возраженіе, какое дѣлаютъ противъ множества обрядокъ незначущихъ, въ святости которыхъ увѣряли однакожъ народъ, симъ уже рѣшено. Сами по себѣ были они, какъ говоритъ Св. *Павелъ* къ Галатомъ, нѣчто мѣлочное, не заключали въ себѣ духа истинной Религіи, не путеводили къ святости, не могли внушать успокоивающей вѣры въ благодать Божію. Но немощь народа, которой былъ еще не способенъ къ принятію простѣйшей Религіи, по выраженію того же Апостола, долженствовала имѣть *пѣстуна* до тѣхъ поръ, пока время рабства исполнится, и человѣчество въ просвѣщенной части міра, вышедъ изъ дѣтства, достигнетъ до зрѣлости разсудка и будетъ въ состояніи принять Религію совершеннѣйшую, какую благоволилъ Богъ возстановить чрезъ *Сына своего*. Между тѣмъ оные обряды, по намѣренію Моисееву, не были пустыя занятія, чѣмъ будто хотѣлъ онъ содержать народъ въ невѣжественномъ суевѣріи. Обряды, Пророкомъ Божіимъ установленные для выполненія великаго плана, имѣли цѣ-

лію—удержаніе народа въ поклоненіи единому Богу, и удаленіе его отъ всякаго идолопоклонническаго суевѣрія, утвержденіе въ немъ единства; имѣли цѣлію—покой и отраду его; и всѣ древніе законодатели и основатели Религіи всегда почитали нужнымъ установленіе дней праздничныхъ и дней покоя. *Ромулъ*, основывая государство свое, не забылъ дней сихъ; съ такимъ предположеніемъ и у Евреевъ установлены были три великіе праздника, а особливо годъ субботный, столько благодѣтельной для человѣчества. Не было при томъ сказывано поученій къ народу; но Моисей, не смотря на то, умѣлъ достигнуть цѣли своей относительно Религіи. Суббота питала въ душахъ Израильскихъ мысль о великой истинѣ, что Іегова есть Творецъ міра; а другими тремя праздниками, особливо праздникомъ Пасхи, воспоминалось чудесное избавленіе изъ Египта, торжественность законодательства Синайскаго,—воспоминалось гораздо живѣе, нежели можно это сдѣлать какою нибудь проповѣдью. И число дней праздничныхъ, а равно и дней покоя такъ было умѣренно, что народъ нельзя было пріучить тѣмъ ни къ праздности, не могло потерпѣть отъ того благосостояніе государства. *Суббота*, или каждый седьмой день покоя имѣетъ весьма благодѣтельное отношеніе къ силамъ и потребностямъ человѣческимъ, такъ что установленіе его перешло и въ

Христіанство; сія суббота у Христіанъ есть день *воскресный.* Три другіе праздника Моисеевы также не могли ни въ чемъ препятствовать трудолюбію и промышленности. И законъ, чтобы всѣ Израильтяне ко времени праздниковъ сихъ собирались въ одно мѣсто, гдѣ находилась скинія, или храмъ — совсѣмъ не могъ быть вреднымъ для безопасности государственной въ случаѣ, если бы страшные враги замышляли покуситься на гибель Израиля. Поелику государство было не обширно; то каждое покушеніе враговъ осталось бы гибельнымъ для нихъ самихъ, потому что въ такомъ случаѣ вся нація всею силою своею могла бы выступить противъ нихъ.

Различные законы.

Тѣсная связь Религіи съ правительствомъ необходимо требовала связи гражданскихъ законовъ съ законами нравственности и Богослуженія; — а это подаетъ поводъ къ многимъ превратнымъ сужденіямъ. По крайней мѣрѣ противники Моисеевы говорятъ, будто онъ безъ всякаго отношенія къ чувству моральному смѣшалъ съ существеннѣйшими правилами нравственными законы произвольные, незначительные, даже опасные для благосостоянія; и обязывая Израильтянъ къ исполненію безъ изключенія всѣхъ законовъ, полагая смертное наказаніе за малѣйшее преступленіе,

угрожая, что никто не можетъ быть свободенъ отъ казни за какую бы то ни было слабость, онъ имѣлъ будто то только въ виду, чтобы содержать народъ подъ тяжкимъ игомъ подлаго рабства, что бы заглушить, подавить въ сердцахъ Евреевъ все чувство человѣчества. — Съ перваго взгляда и сіе возраженіе блеститъ; но посмотримъ на него въ близи — и блескъ изчезнетъ.

При совершеннѣйшемъ образованіи нашихъ государствъ, такое смѣшеніе законовъ Богопочитанія съ законами Государственными могло бы быть даже вредно. Но если судить такъ о первомъ устроеніи гражданскихъ обществъ; то сужденія будутъ очень несправедливы. Для первыхъ основателей обществъ, или государствъ, не довольно было одного политическаго устроенія. Нравственное образованіе дикаго народа, которой принуждали они бросить звѣрскую независимость, было для нихъ также необходимо; и въ семъ случаѣ могли они дѣйствовать не иначе, какъ Религіею. Потому во всѣхъ первыхъ древнихъ законодательствахъ гражданскія и общія права, планъ государства, практическая нравственность и система Религіи составляли одно тѣло законовъ, коего душею было Боговѣденіе и Богопочтеніе. Такъ *Ромулъ* и *Залевкъ* полагали основаніе для государствъ своихъ. Посмотримъ съ сей точки зрѣнія на смѣшеніе въ законѣ Мо-

исеевомъ; конечно. мнимой соблазнъ покажется намъ тогда великою истинною. Поелику при возникновеніи Религіи разсудокъ еще младенчествовалъ, для нравственности благородной сердце было еще дико, а народъ долженъ былъ между тѣмъ совершенно вновь образоваться: то и надобно было непремѣнно, чтобы законы гражданскіе, законы полиціи, нравственности, Религіи служили другъ другу опорою; они дѣйствительно и были въ такомъ тѣсномъ отношеніи другъ къ другу, что необходимо долженствовали имѣть всѣ одинакую обязательность.

Но сіи законы были ли важны, или не важны, основываясь на всеобщихъ правилахъ, сказать опредѣлительно не льзя. Здѣсь разумѣю законы гражданскіе и законы полиціи. Ибо о Богослужебныхъ я сказалъ въ своемъ мѣстѣ, что сказать было нужно; а о законахъ нравственныхъ скажу въ послѣдствіи. О таковыхъ законахъ надобно судить по намѣреніямъ, съ какими имѣю установиться государство, по духу народа, по расположенію его, по климату страны. Если они мудры по симъ отношеніямъ, то и хороши; впрочемъ законы, которые у одного народа, въ одной странѣ, въ одно время кажутся незначущими, при перемѣнѣ обстоятельствъ могутъ быть важны; и тѣ законы, которые для народа образованнаго Религіею, людскостію, были бы тяжкимъ, тиранническимъ игомъ, могутъ быть

у народа дикаго справедливыми, мудрыми кроткими. *Триптолемъ*, вводя хлѣбопашество, установилъ наказаніе за умерщвленіе воловъ; въ Карфагенѣ, такъ какъ и въ законѣ Магометанскомъ запрещено было по той же причинѣ употребленіе вина; а въ жаркихъ странахъ—въ *Ханаанѣ*, *Сиріи* и *Аравіи*, гдѣ болѣзни наружныя были такъ общи и опасны, изданы законы очищенія. Недавно открытая книга законовъ *Индостанскихъ*, есть новое доказательство, какъ климатъ, и отъ того зависящій характеръ народа, могутъ имѣть вліяніе на существо законовъ сихъ.

Сіе можетъ служить къ оправданію даже тѣхъ законовъ, которые по видимому оскорбляютъ скромность и благопристойность. Всѣ древніе народы не знали такой тонкости въ выраженіи натуральныхъ вещей, къ какой мы привыкли; а особливо не знали ее народы восточные; и тѣмъ менѣе могли они имѣть мѣсто въ такихъ законахъ, гдѣ все опредѣлено съ строгою точностію. Въ подобныхъ случаяхъ даже и въ нашихъ судебныхъ мѣстахъ наблюдается прямость въ словахъ, если бы сія прямость была и непріятна для нѣжнаго слуха. Ибо когда требуютъ законовъ благосостояніе народа, сохраненіе порядка и нравственности; то какъ бы ни были они странны, не могутъ быть соблазнительными; они тогда становятся необходимыми. Можно однакожъ дѣлать изъ

такихъ законовъ и злоупотребленія. На примѣръ, если книгу законовъ, написанную для имѣющаго образоваться народа, сообразно съ характеромъ его, съ образомъ мыслей, съ климатомъ, въ коемъ живетъ онъ, скажу яснѣе, — если книгу Моисееву, о которой говоримъ, принаровленную къ тогдашнему состоянію народа Израильскаго, и потерявшую свою значительность въ Христіанствѣ, не имѣющую болѣе ни какой обязательности для вѣрующихъ во *IИСУСА*, даютъ въ руки дѣтямъ и простымъ людямъ, какъ книгу Богослужебную; на ней основываясь, опредѣляютъ важность и неважность поступковъ; если одну часть законовъ, въ ней заключающихся, представляютъ неупустительными, а другую часть обыкновенными, не совершенно обязательными, и чрезъ то въ Христіанъ вселяютъ такую нерѣшимость, которую разрѣшить послѣ уже трудно; если въ сихъ законахъ встрѣчающіяся человѣческія выраженія о Богѣ, о его ревности и мщеніи, которыя Моисей долженъ былъ употребить по слабости и жестокости своего народа, повторяютъ въ тонѣ неизмѣняемомъ при изъясненіи Евангельскаго ученія, какое преподалъ намъ *ИСКУПИТЕЛЬ* о своемъ отцѣ небесномъ; если моральной законъ вѣтхаго Пророка смѣшиваютъ съ высокою нравственностію *ХРИСТА* Спасителя, говорятъ съ неосмотрительною строгостію о тѣхъ проклятіяхъ,

коими Моисей сопровождаетъ законъ свой; если чувственную пышность Богослуженія въ сходственность законовъ Моисеевыхъ и теперь называютъ необходимою, и чрезъ то смѣшиваютъ высшій духовный характеръ Христіанства съ характеромъ Моисеевой Религіи: то сіе значитъ злоупотребленіе. Моисеева Религія есть, конечно, Божественная;—его ученіе о Богѣ есть основаніе истиннаго просвѣщенія міра и система законовъ его принаровлена съ удивляющею мудростію къ цѣли великой, ознаменована печатію Божественности; при всемъ томъ вся сія Религія была только заря, и существо ея, организованное сообразно съ слабостію тогдашняго разума и положеніемъ народа Израильскаго, должно было оставаться цѣлымъ только до извѣстнаго времени; сіе время было—совершеннѣйшее и больше, всеобщее просвѣщеніе міра.

Мнѣ надобно сказать еще нѣсколько словъ о множествѣ Моисеевыхъ законовъ. Безъ сомнѣнія такое множество имѣетъ свою неудобность во всякомъ образѣ правленія; но разсуждая по тогдашнему характеру народа, въ которомъ не было еще никакого просвѣщенія, которой не былъ еще образованъ, оно доказываетъ мудрость законодателя, мудрость у всякаго вынуждающую удивленіе. Во все вникнуть, все узаконить опредѣлительно, все не къ общему только спокойствію относящееся, но и то все, что имѣло какое нибудь вліяніе на

внѣшнее и внутреннее благосостояніе народа, на безопасность собственности, на здоровье, даже на домашній порядокъ и довольство—сіе не значитъ ли великаго человѣка? Во всѣхъ другихъ государствахъ большихъ, въ которыхъ много различныхъ состояній, такое строгое законное ограниченіе моглобы быть причиною безпорядковъ; но здѣсь, поелику кромѣ званія священства, весь народъ составлялъ одинъ классъ, весь народъ былъ — граждане, и каждый гражданинъ одинакіе съ другимъ имѣлъ права и должности; то спокойствіе всеобщее и внутреннее государственное благосостояніе, тѣмъ болѣе были отъ того непоколебимы, и личная свобода каждаго тѣмъ болѣе была обезопасена. При томъ же поелику законъ отъ времени до времени читался предъ народомъ и всякой Израильтянинъ знакомился чрезъ то съ своими правами и обязанностями такъ, что по словамъ *Іосифа*, скорѣе могъ онъ забыть имя свое, нежели законъ; то никому не льзя было извиняться невѣденіемъ; всякой былъ въ состояніи избѣгнуть наказаній, между тѣмъ, какъ въ другихъ конституціяхъ иной не иначе узнаетъ законъ свой, какъ по наказаніямъ.

Наконецъ—поелику законы всѣ безъ исключенія имѣли цѣлію своею цѣлость конституціи, всѣ имѣли значительность Божественныхъ законовъ; то естественно они долженствовали быть и равно обяза-

тельны; чего не было бы, если бы Моисей означилъ разность дѣйствій относительно къ внутренней ихъ моральности. (И какой законодатель былъ бы такъ не благоразуменъ!) И такъ только дерзость безумная можетъ говорить, будто Моисей для того не здѣлалъ ни какого различія между нравственными и распорядительными законами, и чрезъ то все чувство человѣчества подавилъ въ сердцахъ Израильтянъ, что бы бѣдныхъ людей сихъ, угнетенныхъ тяжкимъ деспотизмомъ, держать въ подломъ рабствѣ, въ невѣжествѣ.

Какъ могутъ перемѣняться времена! Въ семнадцатомъ столѣтіи великіе ученые и государственные люди во *Франціи* и *Германіи* не могли надивиться мудрости законовъ Моисеевыхъ; они сравнивали ихъ съ древнѣйшими законами древнихъ образованныхъ націй, и находя сходство, не только утверждали, что законодатели древности все хорошее занимали у Моисея; но думали еще, что и нашимъ Государствамъ, по мѣрѣ того, какъ могли позволить обстоятельства, не иначе возможно быть щастливыми, какъ бывши основанными на законахъ близкихъ къ Моисевымъ. Такъ думая, конечно думали очень много. Безопасность собственности, и личная безопасность отъ всякаго насилія, что есть первымъ основаніемъ всѣхъ союзовъ общественныхъ; требовали безъ сомнѣнія подобныхъ законовъ; впрочемъ законы сіи, писанные для небольшаго народа, при-

наровленные къ мѣстопребыванію его, въ нашихъ государствахъ никогда не могли быть приняты безъ важной перемѣны.

Но что было для *Питу*, для *Гроція*, *Пуффендорфа* мудростію достойною подражанія; что вездѣ, гдѣ только былъ случай, превозносилъ *Монтескю:* то казалось въ прошломъ столѣтіи, по духу тогда господствовавшему, *варварствомъ.* — Ибо подъ щитомъ невѣрія самыя ужасныя нелѣпости находятъ себѣ покровителей. *Болинброкъ* и его *Эхо—Волтеръ* имѣли безстыдство (не льзя употребить здѣсь другаго слова;) утверждать, что Моисей, пиша законъ, то одно имѣлъ въ виду, что бы народъ сдѣлать совершенно безнравственнымъ, поставить его внѣ человѣчества; а *Волтеръ* еще прибавляетъ къ тому, что во всемъ пято книжіи не узаконено ни одно справедливое и умное дѣйствіе (juste et raisonable action.) — А сколько другихъ повторившихъ это! Въ другомъ мѣстѣ говоритъ онъ, что Іудеи были людоѣды, и по обычаю своему доказываетъ сіе изъ самой Библіи. Если бы вздумалось ему сказать, что древніе Израильтяне были *Сатиры*; онъ и на то нашелъ бы доказательства въ Библіи, и тогда сколько услышали бы мы чудеснаго о древнихъ *Фаунахъ?* По крайней мѣрѣ его проблемму щитали бы стоющею ближайшаго изслѣдованія. Но обратимся къ главному.

Во всемъ пято книжіи не узаконено ни

ного дѣйствія, которое бы было справедливо и основано на разумѣ. Такъ говорить о книгѣ, которая у всякаго въ рукахъ?—Не можетъ быть безстыдство болѣе сего!

Мудрость законовъ.

Прежде скажу нѣсколько словъ о *десяти заповѣдяхъ*. Онѣ не составляютъ полнаго закона Моисеева нравственнаго; а тѣмъ болѣе не заключаютъ онѣ въ себѣ нравственности Христіанской, которая предписываетъ должности больше чистыя, больше совершенныя; сравните съ ними ученіе Спасителя, Матѳ. 5. Десять заповѣдей суть въ смыслѣ собственномъ только азбука относительно ко всему закону Моисееву; и четыре изъ нихъ, написанныя на одной доскѣ, содержатъ въ себѣ основаніе Религіи, то есть почитаніе единаго истиннаго Бога; а шесть на другой доскѣ заключаютъ въ себѣ правила необходимыя для бытія каждой націи; касательно права родителей надъ дѣтьми, какъ причины всякаго сѣмейственнаго благоустройства, касательно безопасности личной, безопасности супружества и собственности. Сіе учрежденіе заслуживаетъ все вниманіе; и поелику оно такъ коротко, что каждой могъ выучить его на память, то чрезъ сіе больше важныя обязанности каждаго гражданина, разсѣянныя

наровленные
нашихъ го
быть прин
Но чт
Пуффенд
дражан
чай, п
въ п
спод
под
лѣ
л
с

входили уже въ
вѣденія. Но десять
еще въ себѣ всѣхъ
ности выражены бы-
ахъ всего пять книжія.
всѣми древними законо-
или системами граждан-
одна, или одно, гдѣ бы
ахъ относительно къ внѣш-
и благосостоянію съ такою
такъ впечатлительно препо-
равственность, гдѣ бы больше
было чувство человѣчества? Гдѣ
установленіе, кромѣ Моисеева, въ
бы больше вниманія обращено бы-
тоту нравовъ, гдѣ лучше бы оста-
были пороки похотей, гдѣ лучше
покровительствовано супружество?
XXII. Гдѣ есть законы, которые,
Моисеевымъ, ограничивали коры-
біе съ такою мудростію,—корысто-
любіе, отъ котораго Римъ былъ прибли-
женъ къ своей погибели? 2. кн, XXII. Гдѣ
больше обезопасены фамиліи въ разсужденіи
имущества, противъ возможныхъ нещас-
тій, противъ хищеній, какъ они обезо-
пасены закономъ субботы и Юбелеевъ; 3.
кн. XXV. Не здѣлавъ ни какого различія
въ состояніяхъ, всему народу давши пра-
ва гражданства, съ какимъ благоразуміемъ
утвердилъ Моисей союзъ общественной,
которой впрочемъ съ предполагаемымъ раз-
личіемъ былъ бы слишкомъ не проченъ, и—
тираннія, угнетенія, зависть, злоба были

бы фуріями мучащими. Какъ унизительно, утѣснительно было для человѣчества сіе различіе въ Египтѣ, съ какими жестокостями сопряжено оно и теперь еще у Индостанцовъ? Равенство между гражданами конечно возможно только въ малыхъ государствахъ, и сіи Государства не могутъ быть великими, блистательными; и если въ большихъ государствахъ нѣтъ оныхъ печальныхъ слѣдствій; то щастіемъ обязаны мы всесовершеннѣйшей Религіи, которая повелѣваетъ любить, какъ самаго себя, другихъ, какъ бы ни были сіи другіе различны по роду и богатству. Далѣе —какой законъ можетъ быть умнѣе, умѣреннѣе, сноснѣе закона Моисеева объ удовлетвореніи за обиды? *Око за око, зубъ за зубъ*; *2*. кн. XXI, XXIII. Его Религія еще не имѣла такого совершенства, что бы могъ онъ постановить закономъ—прощеніе за оскорбленія и любовь къ врагамъ; сей законъ могла предписать только совершеннѣйшая Религія *СПАСИТЕЛЯ*. Для человѣка дикаго мщеніе есть натуральное право, отъ котораго онъ и тогда еще не умѣетъ отказаться, какъ вступилъ уже въ общество; и однакожъ нѣтъ страсти больше ужасной, сильной, больше рушительной для человѣчества, какъ мщеніе, когда оно выходитъ изъ границъ справедливости, когда малѣйшее пятно смываетъ оно кровію. И такъ—не на сторонѣ ли человѣчества перевѣсъ, когда сіе страшное

право изъ рукъ оскорбленнаго переходитъ въ руки закона, которой уравновѣшиваетъ оскорбленіе и удовлетвореніе со всѣмъ безпристрастіемъ; и какъ справедливъ здѣсь законъ, которой отнимаетъ всѣ способы у оскорбленнаго мстить оскорбителю, но самъ мститъ ему; между тѣмъ, какъ мысль о равномъ воздаяніи всякаго сильна удержать отъ преступленій!

Вольные города.

Столько же мудро и человѣколюбиво съ обѣихъ сторонъ учрежденіе вольныхъ городовъ. По понятіямъ, какія имѣли люди во времена древнѣйшія о своихъ Богахъ—защитникахъ, было всеобщимъ обычаемъ, что нещастный — а кто нещастнѣе преступника?—искалъ отъ преслѣдующаго мщенія или правосудія защиты у Боговъ въ храмахъ ихъ. Моисей не отнимаетъ у нещастнаго защиты сей; но чтобы уважить святость храма, а болѣе чтобы пощадить человѣчество, онъ установляетъ вмѣсто того вольные города. Если бы невинной, или виновной могли находить убѣжище для себя въ храмѣ, или скиніи; то важность того или другой потеряли бы свою значительность и потерпѣло бы отъ того Богослуженіе. Одинъ храмъ, которой былъ у Іудѣевъ, для нещастнаго и не имѣлъ бы довольно безопасности; скрыться въ немъ даже было бы

опасно для него; онъ не нашелъ бы тамъ ничего для содержанія себя. Право ближайшаго родственника, которой бы хотѣлъ вступаться за убіеннаго, остается сильнымъ. Но шесть городовъ, въ разныхъ мѣстахъ государства построенные, были для гонимаго всегда болѣе безопаснымъ убѣжищемъ; и преступленіе неустрашаемое мщеніемъ могло быть разсматриваемо правосудіемъ гораздо безпристрастнѣе. Ибо если обвиняемый окажется злодѣемъ на самомъ дѣлѣ; то вольный городъ не защитилъ бы его, но долженъ бы онъ былъ умереть; если же онъ и преступникъ, но безъ намѣренія, то оставался безопасенъ; только тогда, когда оставлялъ городъ и попадался въ руки обиженнаго, долженствовалъ онъ удовлетворять требованіямъ противника своего, 4 кн. XXXV, какъ человѣкоубійца.

И силъ, и времени нѣтъ у меня для того, что бы показать всю мудрость, все человѣколюбіе въ законахъ Моисеевыхъ. Скажу только, что во всѣхъ книгахъ древняго міра не найдемъ мы ни одного закона, которой бы столько трогалъ чувства сердечныя, которой бы столько покровительствовалъ человѣчеству, сколько то и другое сказать надобно о законѣ Моисеевомъ? — Что можетъ быть лучше распоряженій въ разсужденіи бѣдныхъ? Посмотрите только между многими на одинъ законъ 5 кн. XV; и вы не проч
те его не тронувшись въ душѣ с

Какъ безчеловѣчны были всѣ древніе законы для должниковъ, между тѣмъ у Моисея человѣколюбіе писало ихъ;—стоитъ только вспомнить уложеніе 2 кн. XXII 25, 26, не говоря уже о введенныхъ годахъ отпущенія. Здѣсь не льзя сказать, что такія узаконенія возможны только въ малыхъ государствахъ; многія государства древнія были менѣе Іудейскаго, и однакожъ въ нихъ не было учрежденій столько благодѣтельныхъ. Гдѣ сыщемъ другой законъ древній, которой бы выражалъ столь нѣжную заботливость законодателя о вдовахъ и сиротахъ, сколько выражаетъ ее законъ Моисеевъ? 2. кн. XXII 22. 5 кн. XXIV. 17. Во всѣхъ другихъ Государствахъ не тяжелы ли были до несносности права господъ надъ рабами; и сколь много щажено человѣчество въ законахъ Святаго Пророка? 2. кн. XXI 2, XXVI 27. 3 кн. XXV 42, 5 кн. XV. XVI. 11, 12. У него и рабъ наровнѣ съ господиномъ долженъ имѣть участіе въ покоѣ субботномъ, въ радостяхъ дня торжественнаго! Гдѣ чужестанецъ обезопасенъ столько отъ возможнѣйшихъ непріятностей, гдѣ имѣетъ онъ одинакія права съ гражданами природными? 2 кн. XXII 21, 3 кн. XXIV 22. Какъ язвительны наконецъ безчеловѣчныя издѣвки Гомеровыхъ героевъ надъ нещастными; какъ подлы насмѣшки ихъ надъ побѣжденными; сколь велико звѣрство ихъ надъ пораженными! Агамемнонъ неистовство-

валъ надъ трупомъ Адрастовымъ; Гекторъ надъ Патрокловымъ, Ахиллесъ надъ Гекторовымъ! А у Моисея слѣпые и глухіе не могутъ ни отъ кого имѣть оскорбленія; законами защищены отъ своевольной дерзости; 3 кн. XIX, 14; 5. кн. XXVII. 18. У него самые военные законы такъ кротки, какъ не льзя бы ждать того во времена дикости всеобщей; какъ можно умѣреннѣе обходиться съ непріятелемъ, какъ онъ предписываетъ? 5 кн. XXII. Законъ конечно не имѣетъ всей мягкости; но уже довольно, когда онъ не повелѣваетъ нападать на безоружнаго.

Не хочу разсматривать всего, что предписано въ законахъ народа Божія относительно къ домоводству, не говорю о законахъ, въ которыхъ ограничено поведеніе даже съ животными;—сіи законы возбудятъ въ сердцѣ каждаго кроткое чувство: скажу, что изъ всѣхъ древнихъ системъ гражданскихъ ни одной нѣтъ, гдѣ бы любовь къ ближнему такъ тѣсно соединена была съ любовію къ Богу, какъ близка взаимно та и другая въ законѣ Моисеевомъ. — И въ немъ не предписано ни одно справедливое и умное дѣйствіе, juste et raisonable action — и въ народѣ Израильскомъ поселено было всеобщее человѣконенавидѣніе!

„Но скажутъ, если законы Моисеевы „не кровію были написаны; то почему за „преступленія малѣйшія полагались нака„занія не соразмѣрныя, тяжелыя?“ Строгость законовъ и легкость ихъ не измѣря-

ются общими сравненіями; но климатъ, характеръ, образованность народа, особливая система государства и обстоятельства времени могутъ самую строгость здѣлать справедливостію; между тѣмъ какъ сія справедливость была бы при другихъ обстоятельствахъ тиранніею. Въ нашихъ Христіанскихъ Государствахъ, основанныхъ на такой Религіи, которая имѣетъ своею цѣлію внутреннее совершенство, оковываетъ всѣ страсти, сосредоточиваетъ всѣ должности въ любви къ Богу и ближнему, сей только любви требуетъ, которая показываетъ вдали будущаго Судію человѣковъ и вѣчное воздаяніе — всеобъемлющая строгость законовъ не нужна; а у народа, дѣлающаго только первой шагъ изъ состоянія дикости, у народа еще необразованнаго, не привыкшаго къ общежитію, которому надобно еще привыкать къ людкости, въ которомъ надлежало еще возбудить чувство нравственности, и надъ которымъ Религія, а особливо ученіе о будущемъ воздаяніи не могло сильно дѣйствовать, у котораго самая Религія должна была законами же поддерживаться; у такого народа естественно всѣ законы должны быть больше строгіе. Сіе-то было причиною, что законы всѣхъ древнихъ народовъ были весьма суровы; и сіе-то побудило Моисея свои законы соединить съ грозными наказаніями. Но съ какою мудростію сія строгость законовъ умягчена

была такъ, что человѣчество не могло тяготиться ею? Моисей учредилъ жертвы умилостивительныя. Сіи жертвы, правда, достаточны были—загладить преступленія только маловажныя, между тѣмъ преступники противъ Религіи, нарушители спокойствія и порядка общественнаго совершенно подвергались безъ всякой пощады наказанію полному. Но и самой законъ смерти, сравнительно съ другими древними законами, какъ человѣколюбивъ у Моисея! Сколько уважено достоинство человѣческой натуры въ ограниченіи: *аще приложиши ранъ паче числа показаннаго, срамъ будетъ брату твоему предъ тобою;* 5 кн. XXV. 3. Моисей установляетъ казнь смертную; но запрещаетъ искуственныя мученія, постыждающія человѣчество. Какъ напротивъ ужасны истязанія въ законахъ Индостанскихъ, впрочемъ столько кроткихъ; какъ безчеловѣчны были законы даже Германіи древней; какой звѣрской характеръ должна была имѣть *Немезисъ Каролина!* Особливо у Моисея благодѣтеленъ законъ, что сынъ не отвѣчаетъ за преступленіе отца; между тѣмъ какъ у просвѣщенныхъ Аѳинянъ наказанія за измѣну и святотатство простирались на всѣхъ родственниковъ преступника!

Не были также наказанія единственнымъ побужденіемъ для народа — исполнять обязанности нравственныя. Гдѣ Религія, и особливо ученіе о безсмертіи ду-

ши и будущихъ воздаяніяхъ не сильны остановить буйность страстей въ человѣкѣ; тамъ строгость закона, казалось бы, необходимо должна была подкрѣплять слабость Религіи; и однако у Моисея наказаніе не было сильнымъ средствомъ—обуздывать народъ; сіе средство было у него—вѣра, что Богъ есть Богъ святый, и слѣдовательно Израильтяне не иначе должны были отличаться отъ другихъ народовъ, какъ жизнію святою и невинною;—*святи будете, зане азъ святъ есмь.* — А пріучая ихъ къ человѣколюбію, поселяя въ нихъ чувства нѣжнаго участія въ нуждающихся, въ странникахъ, въ рабахъ, говоритъ только: вы сами были угнѣтаемы въ Египтѣ, сами были рабами и странными.

Сколько не основательны возраженія противъ суровости законовъ Моисеевыхъ, столько же и еще болѣе не основателенъ крикъ вольнодумцевъ—будто Израильской народъ не имѣлъ возможности сообщаться съ другими; будто поселено въ немъ всеобщее человѣконенавидѣніе. Давый законъ Евреямъ въ отношеніи къ Религіи былъ не болѣе строгъ, какъ и всѣ народы, у которыхъ Религія входила въ существо правленія гражданскаго. Всѣ древніе законодатели и основатели государствъ признавались, что были бы законы ихъ и расположенія очень несовершенны, если бы не основывались на Религіи. Посему всѣ образованные народы за нужное почитали Ре-

лигію свою представлять откровенною, которая поддерживалась постановленіями гражданскими; и никто не смѣлъ ненаказанно о ней говорить вольно, нарушая святость ея. Примѣры тому самъ Сократъ, Аристотель, Діагоръ. Аѳиняне брали отъ всякаго гражданина клятву, что онъ благо отечества блюсти и защищать будетъ, будетъ противиться всѣмъ покушеніямъ, какія бы кто вздумалъ здѣлать противъ вѣры господствующей, и самъ будетъ жить сообразно съ Религіею, сколько въ томъ помогутъ ему Боги — мстители клятвопреступниковъ. Всѣ языческія Религіи также не могли терпѣть при себѣ Религій чужихъ; хотя и не основывали ихъ на такихъ мнѣніяхъ, коихъ истина изпровергла бы истинность другаго исповѣданія Впрочемъ, по понятіямъ ихъ о многобожіи, всѣ Божества составляли одно сѣмейство. Почитаніе ихъ состояло въ однихъ церемоніяхъ и обрядахъ, которые были у каждаго Божества свои, и язычники потому могли приносить жертвы Богамъ чужимъ, не оскорбляя собственныхъ Боговъ — защитниковъ. Каждое Божество по ихъ мыслямъ имѣло въ своемъ управленіи особливой участокъ; и такъ чемъ для большаго числа боговъ какое государство могло представлять выгоды, тѣмъ больше то государство имѣло друзей и защитниковъ. Филистимляне поставляли Израильскую скинію вмѣстѣ съ своимъ Богомъ

Дагономъ. Но для безопасности націй принимались чужія Религіи не иначе, какъ послѣ испытанія, какое сдѣлаетъ надъ ними правящее начальство; и когда начальство Римское сдѣлалось въ послѣдствіи времени не строго въ таковыхъ испытаніяхъ; то ревностные и добрые патріоты почитали небрежность ихъ главною причиною растлѣнія въ нравахъ. Постумій жалуется у *Ливія* по поводу многихъ безпорядковъ, которые родились отъ привязанности къ чуждымъ Религіямъ, на оплошность правительства, и утверждаетъ, что не надобно бы перенимать ничего чужаго въ разсужденіи Богослуженія. Во времена отцевъ нашихъ и предковъ сколь часто, говоритъ онъ, повторялись начальникамъ обязанности удалять вводъ иностранныхъ Религій, и не терпѣть никакихъ обрядовъ служенія священнаго, которые не сходствовали съ Римскими; ибо благоразумные предки наши, прибавляетъ Постумій, были увѣрены, что для Религіи, господствующей въ государствѣ, ничто не можетъ быть вреднѣе обрядовъ чужаго Богослуженія. И *Цицеронъ* говоритъ, что многіе священные обряды, каковы обряды Бакхановъ, не были бы соблазнительны, не были бы опасны для всеобщей нравственности, если бы строго наблюдалось древнее постановленіе объ нихъ. По Моисеевой системѣ было не возможно, при поклоненіи единому истинному Богу, позволять почитаніе другихъ боговъ.

Ибо какъ система сія и основана была на истинѣ единства Божія; и рушилась бы всякою поблажкою, не сообразною съ сею истиною великою: то и нельзя было иначе удержать въ должныхъ границахъ народъ Израильской, очень склонный къ многобожію, какъ одною строгостію. — Онъ объявляетъ всякое поклоненіе чужимъ богамъ преступленіемъ противъ Величества, и повелѣваетъ такое преступленіе наказывать смертною казнію.

О терпимости.

Вотъ все, что противники великаго мужа называютъ *нетерпимостію*; вотъ все, чемъ, по мнѣнію ихъ, поселилъ онъ въ сердцѣ народа человѣконенавидѣніе! Говорятъ даже, что и сей законъ, которымъ запретилъ Моисей Евреямъ сообщаться съ другими народами, занялъ онъ у Египтянъ. — Это всего несправедливѣе. Въ такой странѣ, гдѣ каждой городъ имѣлъ свое особое божество, слишкомъ невозможна предполагаемая необщительность; и брань двухъ городовъ о поклоненіи *Ибису* и *Крокодилу*, выдумана (если она не отъ другихъ причинъ родилась) Греками и Римлянами, которымъ казалось очень смѣшнымъ всякое почитаніе животныхъ. Нетерпимость Моисеева, о коей здѣсь рѣчь идетъ, именно, что онъ кромѣ Іеговы не принималъ никакихъ другихъ боговъ въ

свое государство, естественно проистекала изъ его системы. Впрочемъ кто хотѣлъ бы покланяться многимъ богамъ, тотъ долженъ былъ оставить только государство и отказаться отъ выгодъ конституціи. Не видимъ мы въ книгахъ его, что бы онъ повелѣвалъ преслѣдовать идолопоклонство, или ратовать за него съ другими народами; самой прозелитъ, пришлецъ, если только онъ не открытой идолопоклонникъ, могъ, небоясь принужденія совѣсти своей, наслаждаться гражданскою безопасностію; даже не заставятъ его принимать всего закона. — Человѣколюбивѣйшіе Монархи—*Траянъ* и *Антонинъ* имѣли въ сравненіи съ Моисеемъ, менѣе терпимости въ обхожденіи своемъ съ Христіанами; ибо они знали, что сіи исповѣдуютъ единаго Всевысочайшаго Бога, и требовали однакожъ вѣры въ своихъ боговъ, объявляя всякое медленіе Христіанъ на требованіе ихъ закоснѣлостію, стоющею наказанія. Отъ того и *Плиній* ставитъ въ вину ученикамъ *ІИСУСОВЫМЪ* мнимую непріязненную ненависть ко всѣмъ прочимъ; (hostile odium erga omnes alios). Въ семъ, не болѣе, состояло человѣконенавидѣніе и Іудѣевъ. Между тѣмъ они по крайней мѣрѣ склонны были къ сообщенію до плѣненія; но когда въ плѣну почувствовали всю тягость проклятія, которымъ угрожалъ имъ законъ за поползновеніе къ идолопоклонству; тогда отвращеніе ихъ

къ чужимъ Богамъ столько усилилось, что ни самыя жестокія наказанія въ Сиріи и Египтѣ не сильны уже были поколебать ихъ въ вѣрѣ отечественной.

Совершенная терпимость возможна только у Христіанъ, коихъ Религія соединяетъ въ одну должность *любовь къ Богу и ближнему*, свободу совѣсти почитаетъ первѣйшимъ и священнѣйшимъ правомъ разума и человѣчества, тиранскою жестокостію—всякое принужденіе совѣсти; повелѣваетъ смотрѣть на заблуждающихъ и слабыхъ не иначе, какъ на людей стоющихъ сожалѣнія и любви.

Ученіе о безсмертіи души.

Послѣдній упрекъ Моисею со стороны противниковъ его есть, что онъ во всемъ законѣ своемъ ничего не говоритъ о безсмертіи души; и льзя ли, вопрошаютъ они, чтобы такой человѣкъ, которой не зналъ первѣйшей истины, служащей единственною опорою нравственности, былъ Пророкомъ, посланнымъ отъ Бога?

Достойно примѣчанія то, что Моисея подозрѣваютъ въ невѣріи о *безсмертіи души* такіе два человѣка, которые сами осмѣивали вѣру въ безсмертіе, воскресеніе мертвыхъ и Промыслъ частный. Возраженіе однакожъ для нѣкоторыхъ остается блистательнымъ. — Что бы отвѣчать на него порядочно, надобно два вопроса рѣ-

шить отдѣльно. Первой изъ нихъ: зналъ ли Моисей о безсмертіи души? Второй: пиша законъ свой, здѣлалъ ли Моисей изъ того знанія употребленіе?

Что Моисей о бытіи по смерти имѣлъ познаніе, что вѣра въ бытіе сіе древнѣе самаго Моисея, что есть слѣды ея въ Исторіи вѣтхаго міра, что она была всеобщею вѣрою у народа Израильскаго — на все это доказательства неоспоримы. Когда Іаковъ получилъ отъ сыновъ своихъ коварное извѣстіе о смерти Іосифа: когда говорилъ въ горести: *сниду кō сыну моему сѣтуя;* то сіе выраженіе не значило, что онъ умретъ и хочетъ быть погребеннымъ вмѣстѣ съ Іосифомъ; нѣтъ, выражалъ Іаковъ плачемъ своимъ, что онъ по смерти соединится съ нимъ.

Но я уже сказалъ, что вѣра въ бытіе за гробомъ была всеобщею вѣрою Израильтянъ. Въ семъ случаѣ можно сослаться на самаго Моисея, которой въ 5 кн. XVIII. запрещаетъ вопрошать мертвыхъ. Мы начитываемъ въ книгахъ Самуила замѣчательный примѣръ волшебницы *Ендорской*, который по крайней мѣрѣ доказываетъ, сколь драгоцѣнны и такія повѣсти въ Исторіи Религіи и человѣческаго разума. Конечно вопрошеніе мертвыхъ, описанное у Самуила, было только шаманство подобно всѣмъ оракуламъ; ясно однакожъ то, что всеобщая была вѣра, будто души по смерти пребываютъ надъ тѣлами. Изра-

дьской народъ былъ бы единственнымъ въ свѣтѣ, еслибы не имѣлъ сей вѣры. Ибо она не была слѣдствіемъ или доказательствомъ просвѣщеннаго разсудка. Она была всеобщею человѣческою вѣрою, коей начало теряется въ Исторіи первѣйшихъ временъ, которую имѣютъ самые дикіе народы, даже и тогда, когда у нихъ затеряна вѣра въ Бога,—съ тѣмъ только различіемъ, что каждый народъ изъясняетъ состояніе будущности аналогически; и сей способъ изъясненія обыкновененъ у всѣхъ людей; въ умѣ дикаго все блаженство состоитъ въ щастливой звѣриной ловлѣ; онъ воображаетъ, что не другое блаженство можетъ имѣть и въ будущей жизни; на сей конецъ беретъ съ собою въ гробъ стрѣлы и лукъ. Нѣмцы и другіе сѣверные народы давали умершимъ оружіе и слугъ, которыхъ умерщвляли на гробахъ ихъ. У народовъ, которые ведя скромную, тихую жизнь, наслаждались сѣмейственными удовольствіями, и будущее блаженство состояло въ сихъ удовольствіяхъ. Такое мнѣніе было у Іудѣевъ еще во времена *Спасителя*; и на семъ мнѣніи основываясь, они называли смерть переселеніемъ къ отцамъ своимъ. Кажется довольно доказательно, что извѣстность о существованіи по смерти была и при Моисеѣ, слѣдовательно и онъ имѣлъ ее.

Какъ Боговѣденіе со временемъ болѣе и болѣе прояснялось, такъ и вѣра въ без-

смертіе постепенно усиливалась въ народѣ Израильскомъ. Ибо когда *Давидъ* въ Пс. 73, 25, 26, говоритъ: *что ми есть на небеси, и отъ тебе что восхотѣхъ на земли? Изчезе сердце мое и плоть моя; Боже сердца моего и часть моя еси во вѣкъ;* то говоритъ такъ можетъ только любовь къ Богу, питаемая вѣрою, которая смотритъ далѣе границъ сей жизни. Вѣра сія воодушевляла *Соломона*, когда онъ говорилъ: перстъ обратится въ землю и духъ къ Богу; а особливо когда проповѣдуетъ онъ, что Богъ предъ судомъ обнаружитъ всѣ дѣла скрытыя, худы ли онѣ, или злы.

Извѣстное изрѣченіе Іова, гл. IX. 25, что онъ знаетъ, *яко присносущенъ есть, иже имать искупити его, и на земли воскресити кожу его терпящую болѣзни;* ибо увѣренъ, что они *отъ Бога сотворишася ему*,—было бы лучшимъ доказательствомъ истины, нами разсматриваемой, если бы многіе толковники не относили словъ Іова къ одному воскресенію тѣлесному. Впрочемъ—если Іовъ выражается о безсмертіи тѣла своего; то тѣмъ вѣрнѣе безсмертіе души. Въ словахъ его видна великая истина точно такъ, какъ сіяла бы заря свѣтомъ полуденнымъ.

По крайней мѣрѣ то неоспоримо, что Іудеи ученіе о безсмертіи души заняли не у мудрецовъ Восточныхъ и Греческихъ во время ихъ разсѣянія; сіе предположеніе при-

надлежитъ къ тѣмъ выдумкамъ, которыми злонамѣренные очерняютъ откровенную Религію, и оспориваютъ божественность посольства Моисеева.

Религія откровенная, состояніе человѣчества и міра—суть всегда предметы великаго, мудраго, Божественнаго плана, гдѣ Религія ускоряетъ просвѣщеніе разума, и гдѣ разумъ просвѣщенный распространяетъ свѣтъ истинной Религіи. Такъ Моисей долженъ былъ прежде образоваться у Египетскихъ мудрецовъ для того, что бы быть въ состояніи выполнить предначертаніе Промысла; такъ *Спаситель* міра не прежде явился, какъ уже свѣтъ приготовленъ былъ принять ученіе совершеннѣйшее; такъ съ другой стороны разумъ дѣйствуетъ для религіи въ наше время, занимаясь изслѣдованіемъ истинъ заключающихся въ Св. писаніи; дѣйствуетъ съ помощію свѣта, которымъ озаряютъ его древніе Римскіе и Греческіе писатели; и послѣ того, какъ коротко узнали Религію Индостанскую и другихъ народовъ восточныхъ, здѣлано ли хотя одно новое открытіе, которое бы не доказывало болѣе и болѣе истинности древнѣйшей Исторіи человѣчества и разума, такъ какъ она у Моисея и въ прочихъ книгахъ вѣтхаго завѣта писана. Съ сей точки зрѣнія надобно смотрѣть и на разсѣяніе и плѣненіе Іудеевъ. Поелику великая епоха всеобщаго просвѣщенія міра приближалась; то плѣненіе,

какъ казнь, коею угрожалъ имъ Моисей за поползновеніе къ идолопоклонству, и которую они на самомъ дѣлѣ терпѣли уже, должно было ихъ укрѣпить тѣмъ болѣе въ вѣрѣ въ единаго Бога, тѣмъ болѣе усилить въ нихъ отвращеніе отъ всякаго идолослуженія, коего мерзость видѣли они, живя между идолопоклонниками. А между тѣмъ, какъ священныя книги ихъ переводились на извѣстные языки и ученіе ихъ о Богѣ распространялось; они и сами могли что нибудь занять у народовъ просвѣщенныхъ; что нибудь, говорю, чего они, бывъ ограничены закономъ своимъ, не моглибы сами себѣ дать. И такъ въ разсѣяніи Іудеи начали философствовать о натурѣ души; но что касается до безсмертія, то стольже мало могли пріобрѣсть объ немъ понятій, какъ не льзя было имъ нигдѣ найти вѣденія о Богѣ лучшаго, нежели какое имѣли по ученію Моисееву.

Впрочемъ, поелику чистое познаніе о Богѣ и Его верховномъ Промыслѣ указываетъ путь къ другимъ вѣденіямъ, подобнымъ оному; то почему и самимъ Іудеямъ не пріобрѣсти большихъ свѣденій о душахъ, по крайней мѣрѣ равныхъ съ Халдеями и Греками, у коихъ Боговѣденіе, исключая не многихъ мудрецовъ, было очень запутано, несовершенно? Въ способностяхъ разсужденія они не могли имѣть недостатка. Прочитайте Псалмы и Пророчества, особливо Пророчества Исаіины; и —

зы увидите, что не льзя имѣть познаній больше тонкихъ о Богѣ, о Его Промыслѣ; не льзя говорить яснѣе, полнѣе, нравственнѣе.

Къ тому же — если Философія и пополнила познанія Іудеевъ о безсмертіи души; то пріобрѣтеніе ихъ на самомъ дѣлѣ было очень не велико. Они выучились только бредить о добрыхъ и злыхъ духахъ; а о безсмертіи понятія ихъ ни мало не прояснились; мнѣніе ихъ о будущей жизни оставалось старое; а блаженство свое поставляли они всегда въ соединеніи по смерти съ предками, въ бесѣдѣ съ Авраамомъ, Исаакомъ и Іаковомъ. Можетъ быть странныя умствованія софистическія ослабили и сіе мнѣніе, потому что Саддукеи, совершенно не принимавшіе его, занимали у нихъ мѣста въ вышнемъ совѣтѣ и вступали даже въ званіе Первосвященниковъ.

И такъ предположеніе, что Восточная и Греческая Философія были первымъ источникомъ познанія Іудеевъ о безсмертіи души, и другое предположеніе, что ожиданіе *Мессіи* было потому слѣдствіемъ философскихъ догадокъ, а не въ священныхъ книгахъ скрывалась причина его— симъ, кажется, довольно опровергнуты.

Теперь слѣдуетъ другой вопросъ: открыто ли говорилъ Моисей въ своемъ законѣ о безсмертіи? И—здѣсь надобно сказать нѣтъ. „Но истина о безсмертіи есть „первая опора нравственности; и такъ для

„чего бы Моисею не сказать объ ней? Какъ „Пророкъ великій, могъ ли онъ умолчать объ—ней„?—Сей вопросъ очень важенъ и требуетъ отвѣта обстоятельнаго. Вопервыхъ скажу, что голое, грубое понятіе о продолженіи бытія послѣ сей жизни не есть истинная причина добродѣтелей. Всѣ дикіе народы вѣрятъ сему продолженію; однакожъ вѣра сія не имѣетъ ни малѣйшаго отношенія къ ихъ поведенію нравственному. Что бы дѣйствовать ей на сердце сильно, для сего необходимо основательное познаніе о нравственномъ Божіемъ правленіи надъ міромъ, познаніе о разности добра и зла; необходимо умѣнье цѣнить чувственныя выгоды и невыгоды, вѣденіе о натурѣ души; вообще для сего нужна уже нѣкоторая образованность разсудка и утонченность чувства нравственнаго. Но для народа грубаго, еще необразованнаго, для народа, у котораго и познаніе о единомъ Богѣ было уже слишкомъ высокою философіею, въ душѣ котораго надобно было впечатлѣть и простѣйшую вѣру закономъ, у котораго и нравственное чувство должно было возбудить закономъ же, для такаго народа ученіе о безсмертіи было бы весьма рано, и осталось бы безъ всякаго дѣйствія. Великое намѣреніе Моисеево состояло въ томъ только, что бы ученіе о единомъ Богѣ и Творцѣ міра, изъ коего долженствовала произойти совершеннѣйшая Религія и нравственность, утвердить

въ народѣ Еврейскомъ и тѣмъ удержать его отъ поползновеній къ идолопоклонству; что въ семъ случаѣ произвело бы ученіе о безсмертіи души? Всякое многобожіе, наипаче поддерживалось мыслію, будто блаженство временное ниспосылать могутъ Боги національные.

Ссылаться на будущее блаженство, симъ отдаленнымъ блаженствомъ побуждать къ добродѣтели народъ весьма склонный къ многобожію, было бы почти безполезно; въ семъ случаѣ Θеократія дѣлалась необходимою, здѣсь надобно было говорить о близкихъ наградахъ, о непосредственныхъ наказаніяхъ, и Моисей, предсказывая съ увѣрительностію наказанія сіи и награды, имѣющія постигнуть преступниковъ въ сей жизни, доказалъ, сколь велика была его вѣра въ Промыслъ. Ученіе о безсмертіи души безъ сомнѣнія есть лучшая, дѣйствительнѣйшая, сильнѣйшая мѣра для того, что бы болѣе усовершенствовать нравственность; и то государство, гдѣ ученіе сіе есть господствующимъ, конечно имѣетъ на своей сторонѣ великія преимущества; ибо законы суть узы, а не образуютъ чувствъ сердечныхъ; они могутъ остановить открытыя буйства страстей, но не породятъ внутренней склонности къ добру. Сіе возможно только вѣрѣ въ Провидѣніе всевоздающее, вѣрѣ въ жизнь вѣчную. Сохраненіе наружнаго порядка есть крайняя цѣль, достигаемая законами;

между тѣмъ оная вѣра возвышаетъ нравственное чувство каждаго человѣка, лично понимаемаго. Для внѣшняго земнаго благосостоянія нужны наиболѣе законы, строгіе законы; и Моисеевы постановленія замѣняютъ недостатокъ того догмата, котораго не возможно было проповѣдать народу еще не совсѣмъ вышедшему изъ состоянія дикости. Ибо постановленіями его не только обязанъ каждой къ — такъ называемымъ — совершеннымъ должностямъ, но и самыя должности изъ любви проистекающія, здѣланы законными; чего никакой другой законодатель не дѣлалъ.

Несправедливо думаютъ тѣ, которые думаютъ, что Богъ давая людямъ откровеніе, долженъ вдругъ открыть имъ и всѣ возможныя истины. Правленіе міромъ есть система постоянно продолжающаяся; но гдѣ все медленно восходитъ до послѣдняго своего совершенства. Сей медлительный ходъ соотвѣтствуетъ економіи Промысла. Медлителенъ ростъ въ цѣлой натурѣ, медленно образованіе человѣческихъ обществъ, медлительно просвѣщеніе разсудка; и чѣмъ значительнѣе цѣль, тѣмъ медлительнѣе достиженіе ея. Для насъ смертныхъ, которыхъ жизнь измѣряется минутами, но которые хотятъ видѣть дѣйствіе всего, все идетъ не скоро, и отъ того раждаются столь многіе предразсудки. Но что кажется намъ здѣсь не совершенствомъ, то въ цѣлой системѣ Про-

мысла образуетъ черту величайшей премудрости. Предметъ Промысла правящаго есть натура вся, и онъ въ вѣковыхъ дѣйствіяхъ своихъ имѣетъ много побочныхъ намѣреній, которыя выполняются. Сіи намѣренія раждаютъ новыя мѣры, мѣры дѣлаются на оборотъ цѣлію, цѣль опять превращается въ средство, и великое намѣреніе тѣмъ совершеннѣе достигается. Ничто не дѣйствуетъ для себя, ничто не выходитъ изъ круга; одно колесо цѣпляется за другое и становится средствомъ для новыхъ видовъ.

Религія также не имѣетъ особливаго хода, одна сама по себѣ въ семъ мудромъ и великомъ планѣ; ходъ ея равенъ успѣхамъ познаній человѣческихъ и открытій ихъ въ природѣ, ходъ ея сообразенъ всеобщему просвѣщенію разсудка; и она распространяетъ свѣтъ истины въ той мѣрѣ, сколько можетъ вмѣстить его человѣчество въ извѣстной періодъ времени, усиливаетъ свѣтъ сей по мѣрѣ, какъ разсудокъ становится способнымъ понимать ученіе высшее. И такъ потому, что Моисей не помѣщаетъ въ законѣ своемъ явственнаго и открытаго ученія о безсмертіи души, ужели не есть онъ Пророкъ божественный?

Я сказалъ въ своемъ мѣстѣ, что самое совершеннѣйшее ученіе не во всѣ времена равно дѣйствуетъ. Думаю, справедливо будетъ, если скажу, что благоразуміе

требуетъ умолчать и о совершенномъ догматѣ, когда онъ можетъ быть не выгоденъ для истины важнѣйшей, когда онъ можетъ быть употребленъ даже во зло. Не мудрено, что Моисей по этой причинѣ умолчалъ о безсмертіи души. Его первое и великое намѣреніе, котораго я не долженъ никогда выпустить изъ виду, было то, что бы преподать народу ученіе о единомъ Высочайшемъ Богѣ, и на сей конецъ все отдалить, чемъ могъ бы народъ соблазниться къ идолослуженію и многобожію. — Съ идолослуженіемъ необходимо соединено суевѣріе, заклинать духовъ и вызывать мертвыхъ. Моисей суевѣріе сіе запретилъ строго, называя его ужаснымъ преступленіемъ, оскорбленіемъ Божества и Его Промысла. Поелику же дикому человѣку, не имѣющему никакого понятія о всеправящемъ Провидѣніи, всего естественнѣе любопытствовать о судьбѣ своей, и сіе любопытство удовлетворялося, по тогдашнему мнѣнію, оракулами: то Моисей со всѣми своими строгими законами не могъ бы удержать народъ отъ постыднаго суевѣрія—тѣмъ болѣе, что сіе суевѣріе могло дѣйствовать тайно. Еще одно слово. Спрашиваютъ: „для чего Моисей не соединилъ съ своимъ закономъ ученія о безсмертіи души? Онъ долженъ бы былъ предложить его яснѣе, нежели какія народъ имѣлъ понятія о продолженіи бытія за гробомъ; онъ долженъ бы былъ по крайней мѣрѣ

сказать, что душа не дотолѣ только существуетъ, пока тѣло еще не истлѣло; но не изчезаетъ и послѣ совершеннаго разрушенія его, что она, сбросивши оковы персти, становится еще свободнѣе, еще совершеннѣе—не больше, какъ столько долженъ бы былъ Моисей сказать.“—И при всемъ томъ ему удалось бы удержать народъ отъ почтенія, поклоненія, обожанія сихъ усовершенствовавшихся духовъ?—Кто такъ думаетъ, тотъ вѣрно не знаетъ людей, не можетъ проникнуть въ тѣ времена, когда многобожіе было обыкновеннѣйшею, естественною вѣрою человѣковъ; совсѣмъ не знаетъ, что сіе и было одною изъ существеннѣйшихъ причинъ многобожія. Моисей—великій, Божественный человѣкъ, герой, законодатель такъ много дѣлаетъ въ жизни своей для блага отечества; не обязаны ли ощастливленные память благодѣтеля своего почтить?—Его любовь къ народу, къ отечеству была въ жизни такъ велика; не продолжитъ ли онъ любви сей; духъ его можетъ ли быть не всегда присущь Евреямъ?—И такъ натурально уже воздвигнуть ему истуканъ, поставить жертвенникъ, обожать не только его, но и близкихъ къ нему.—Такъ произошло обожаніе Юпитера, потомъ фамиліи его, и наконецъ—появились Боги—пенаты. И Моисей не есть Божественный Пророкъ за то, что народу своему не проповѣдалъ явно и открыто о безсмертіи души?... Здѣсь

встрѣтилось мнѣ одно еще обстоятельство. Согласенъ, что Израильской народъ въ продолженіе бытія своего въ Египтѣ, не имѣя мѣстопребыванія постояннаго, ведя пастушескую жизнь, не могъ воспользоваться обычаемъ бальзамировать мертвыхъ; хотя (надобно замѣтить) Іаковъ и Іосифъ были бальзамированы; 1 кн. L, но Моисей, повелѣвая вдругъ погребать мертвыхъ, молчитъ о семъ бальзамированіи, по крайней мѣрѣ не позволяетъ его открыто,— надобно, что бы онъ имѣлъ на то особливыя причины. Древній обычай остался бы непремѣннымъ. Египтяне также полагали мертвецовъ своихъ въ гробы; Іаковъ и Іосифъ также погребены были; любимая мысль — лежать на кладбищѣ фамильномъ вмѣстѣ съ отцами, ничего бы не потерпѣла; I кн. XLXIX. 29. XXXII, XXIV. 32. Экономической причины здѣсь также быть не возможно; ибо обыкновенное бальзамированіе въ Египтѣ стоило не дорого; и *асфалтъ*—главный матеріалъ для сего—народъ могъ легко находить; а что всего удивительнѣе — Моисей даже прикосновеніе одно къ мертвымъ повелѣлъ щитать оскверненіемъ; 4 кн. VI. 6. IX 6, 7, 10. Не долженъ ли онъ потому имѣть больше важную причину, когда повелѣвалъ вдругъ уносить мертвыхъ съ глазъ; причина сему не была ли та, что онъ хотѣлъ отнять всѣ способы бесѣдовать съ мертвыми, хотѣлъ даже отвратить народъ отъ почи-

шанія гробовъ праошеческихъ? Судише шеперь о крикахъ *Волтера* и ему подобныхъ на щешъ невѣденія Моисеева, на щешъ шого, чшо онъ предлагая законы свои умалчиваешъ о безсмершіи души.

О занятіи Ханаана.

Но прежде, нежели положу перо, долженъ я еще сказашь слова два о завоеваніи земли Ханаана, о кошоромъ шакже съ издѣвкою проповѣдуюшъ злонамѣрепные. Многіе ученые мужи сказали свои мысли посему предмѣшу; всѣ говорили осшроумно, но не всѣ равно сильно; по крайней мѣрѣ было бы не ксшаши мнѣ повшоряшь чужія слова для шого, чшобы шѣмъ большій вѣсъ дашь своимъ. Мнѣ кажешся, чшо обѣ причины, приводимыя Моисеемъ,—5 кн. IX 4, 5, 6; 4 кн. XXXIII, 53, 55 и еще 5 кн. XX, 16, 17, 18,—касашельно заняшія Ханаана удовлешворишельны. Моисей говоришъ Евреямъ, чшо они не должны думашь, будшо Богъ даешъ имъ щасшливую землю за добродѣшели ихъ; или пошому шолько, чшо они любимый народъ его; напрошивъ ими шолько исполняешся судъ надъ жишелями Ханаана за ихъ беззаконія, идолослуженіе, за приношеніе въ жершву человѣковъ, за ихъ злобу—судъ давно опредѣленный Промысломъ; а они — Израильшяне — въ семъ случаѣ сушь шолько одно орудіе. Далѣе говоришъ Пророкъ, чшо Богъ возвращаешъ имъ сшрану, давно уже данную праошцу ихъ

Аврааму, съ тѣмъ условіемъ, что бы они какъ народъ посвященный Богу единому, Всевысочайшему, отдалялись отъ всякаго кумирослуженія и отъ всѣхъ грѣховъ, за которые упраздняются народы въ глазахъ ихъ; чтобы они видѣли въ семъ судѣ надъ порочными вѣчный урокъ для себя. Такъ, мнѣ кажется, сіи двѣ причины, Моисеемъ приведенныя, очень удовлетворительны;— я предложу ихъ яснѣе.

Во первыхъ сіе не заслуживаетъ и опроверженія, будто Моисей повелѣлъ занять Ханаанъ единственно по страсти къ завоеваніямъ. Ему извѣстно было, что самъ онъ туда не войдетъ; по его собственному расположенію, ни все колѣно его, ни фамилія не должна была имѣть тамъ собственности ни на полшага; также не происходилъ и не могъ произойти Царь отъ племени его. Семь малыхъ народовъ, коихъ земля долженствовала быть собственно завоевана, были по-имянно названы; и когда народъ и безъ того уже имѣлъ собственныя пастбища всюду, начиная отъ Нила до Ефрата; то не льзя было думать и о распространеніи государства. Кромѣ того, сему нашлись бы и препятствія:—во всемъ Царствѣ былъ одинъ храмъ; три годовые праздники должны были отправляться при семъ храмѣ; къ храму надобно было пріѣзжать всякому, кто имѣлъ нужду приносить жертву Богу; ибо запрещено было воздвигать Алтари въ другомъ

мѣстѣ; также субботы, годы Юбелеевъ и другія учрежденія дѣлали совершенною невозможностію думать о распространеніи предѣловъ.

Не меньше вѣрно и то, что Богъ, какъ Правитель и судія міра, по тайнымъ но конечно мудрымъ намѣреніямъ, можетъ истреблять народы и земли трусами и потопами, можетъ такъ наказывать людей за ихъ окаменение въ злобѣ;—можетъ употреблять къ тому мечь воинскій, какъ и грозныя дѣйствія натуры. Я прибавлю, что если Богъ упраздняетъ народъ за его нечестіе, то можетъ, по другимъ высокимъ и мудрымъ причинамъ, отдать землю его тому народу, которой избираетъ для себя орудіемъ. Замѣтить только надобно, что собственная причина такого упраздненія не та, что бы въ странѣ опустошаемой возставить истинную Религію; но вина, заслуживающая наказаніе, есть предшествующая причина тому.— Впрочемъ здѣсь совершенное уничтоженіе народовъ предполагало и святое намѣреніе— великое ученіе о поклоненіи единому Богу обезопасить въ полной мѣрѣ отъ мерзостей идолослуженія. И такъ сей вопросъ: можетъ ли Богъ поручить народу изгнать, истребить другой народъ, сказавши открыто, что сіе порученіе имѣетъ цѣлію, наказать грѣхи и утвердить чистѣйшую Религію?—вопросъ сей, по мнѣнію моему, рѣшенъ удовлетворительно.

КОНЕЦЪ 5 ТОМА.

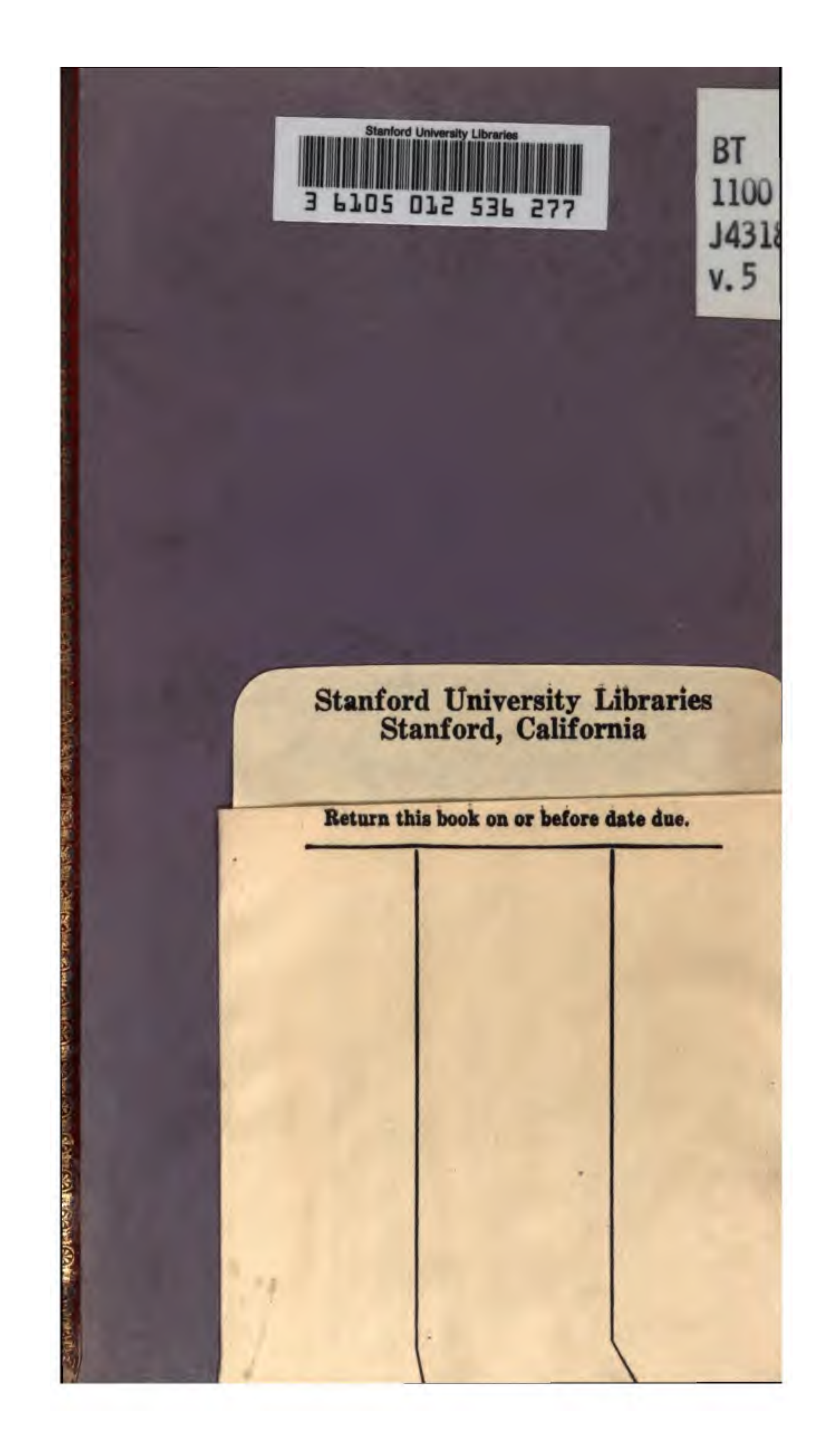
ПОГРѢШНОСТИ

5 ТОМА.

Стран.	Строк.	Напечатано:	Читай:
17.	12.	вернѣе	вѣрнѣе
26.	27.	дѣйствующею,)	дѣйствующую.)
28.	7.	безъ основанія	безъ основанія,
31.	9.	отъ внѣвпечатлѣнія	отъ внѣ-впечатлѣнія
35.	19.	нѣтъ	нѣтъ,
38.	1.	производятся	производятся
41.	4.	естьли	есть ли
45.	8.	Боги:	Боги
46.	16	ни пококъ	ни Пококъ,
57.	12.	не подорогѣ,	не по дорогѣ,
62.	3.	строй)	строй
70.	21.	пародъ,	народъ,
—	31.	Пустыни	пустыни
71.	1.	гдѣ;	гдѣ
62.	15.	впѣчатлѣніе,	впечатлѣніе,
—	26.	не человѣкъ;	не человѣкъ,
73.	14.	а самой	и самой
—	29.	неузнавать	не узнавать
74.	16.	бобою;	собою;
83.	7.	въ вождю	къ вождю
85.	30.	надежному:	надежному,
86.	32.	36 лѣтъ	38 лѣтъ
87.	29	произродитъ	производитъ
91.	28.	знатныя	знатные
93.	9.	и имѣя	имѣя
94.	21.	можноли,	можно ли,

Стран.	Строк.	Напечатано:	Читай:
104.	33.	мѣмъ	тѣмъ
116.	21.	не постижимаго	непостижимаго
122.	14.	сесстемами	системами
126.	6.	все частно;	все частно;
128.	2.	уподобясь	уподобляться
—	16.	останутъ	останутся
145.	2.	не часто-ли	не часто ли
146.	10.	одно-сѣмейность,	односѣмейность,
—	15.	незначителны - ми.—	незначительны- ми.—
158.	12.	употреблямыхъ;	употребляемыхъ;
160.	14.	чужія	чужіе
164.	27.	существенистью	существенность
170.	11.	въ какомъ смыслѣ предлагали его сумнящіеся,	въ какомъ предлагали его сумнящіеся,
173.	10.	Монетена!	Монетона!
188.	6.	обрядокъ	обрядовъ.
189.	27.	тѣмъ ни къ праздности, немогло	тѣмъ къ праздности, и не могло
204.	25.	чужестанецъ	чужестранецъ
206.	15.	возданіе—	воздаяніе —
209.	19.	исповѣданія	исповѣданія.

24.

Stanford University Libraries
3 6105 012 536 277
BT
1100
J431
v. 5
Stanford University Libraries
Stanford, California
Return this book on or before date due.